

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ

СОДЕРЖАНИЕ:

Построение нооинтеграции на примере БРИКС: теория и практическая реализация * Взаимовлияние инвестиционного и инновационного развития в регионах РФ * Россия в концептуальном ракурсе «новой» экономики предложения * Организационно-управленческий подход к формированию и развитию цифровых компетенций работников в условиях индустрии 5.0 * Менеджмент знаний в контексте «предпринимательского университета» и создания инноваций * Автоматизация российской экономики как стратегический фактор решения проблем роста производительности труда и устранения дефицита кадров *

№4 (82)

2024

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ
№ 4(82) 2024**

Периодическое научное издание

Исторический учредитель – Общество
«Экономическое возрождение России» (1915 г.),
действующий учредитель – С. Д. Бодрунов

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Свидетельство о регистрации средства массовой информации
от 27.08.2012 г. ПИ № ФС77-50990).

**Издание Института
нового индустриального развития (ИНИР)
им. С. Ю. Витте**

в сотрудничестве с Санкт-Петербургской
региональной общественной организацией
ООО «Вольное экономическое общество России»

Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий, в которых должны быть опубликова-
ны основные научные результаты диссертаций на соиска-
ние учёных степеней доктора и кандидата наук (Решение
Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки
России от 2 февраля 2012 года № 8/13).

Журнал включён в базу данных «Российский индекс
научного цитирования» и размещается на сайте Научной
электронной библиотеки (НЭБ).

Адрес редакции и издателя:
197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д.16
Тел.: (812) 313-82-68, e-mail: evg@iniir.ru

Подписано к печати 23.12.2024 г.
Формат 84 x 108 1/16. Бумага офсетная.
Печ. л. 7,6. Усл. печ. л. 8,1.
Тираж 1000 экз. Заказ 25167.

Свободная цена
Общество с ограниченной ответственностью
«Типография «НП-Принт» 197110, Санкт-Петербург,
Чкаловский пр., д. 15, лит. А, корп. 7

© ИНИР им. С. Ю. Витте:
составление, редакционная подготовка, 2024

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С. Д. Бодрунов, главный редактор, д-р экон. наук,
профессор, чл.-корр. РАН;
А. А. Золотарев, заместитель главного редактора, канд.
экон. наук;
С. С. Бодрунова, д-р полит. наук, профессор;
А. И. Колганов, д-р экон. наук, профессор;
В. А. Плотников, д-р экон. наук, профессор

Институт нового индустриального развития (ИНИР) им.
С. Ю. Витте работает под научно-методическим руководством
Отделения общественных наук РАН.
Директор ИНИР – С. Д. Бодрунов

Полное или частичное воспроизведение материалов, содер-
жащихся в настоящем издании, допускается с письменного
разрешения редакции. Ссылка на журнал «Экономическое воз-
рождение России» обязательна.

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А. А. Акаев, д-р экон. наук, иностранный член РАН;
Л. А. Аносова, д-р экон. наук, профессор;
С. Д. Бодрунов, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
А. Р. Бахтизин, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
Р. С. Гринберг, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
Дж. К. Гэлбрейт, д-р экон. наук, иностранный член РАН,
профессор Техасского университета в Остине (США);
И. И. Елисеева, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
А. Е. Карлик, д-р экон. наук, профессор;
В. Л. Квинт, д-р экон. наук, иностранный член РАН;
И. А. Максимцев, д-р экон. наук, профессор;
А. Д. Некипелов, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;
П. Нолан, профессор Кембриджского университета
(Великобритания);
В. В. Окреплов, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;
Б. Н. Порфирьев, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;
Я. П. Силин, д-р экон. наук, профессор

ECONOMIC REVIVAL OF RUSSIA
№ 4(82) 2024

Academic periodical publication

Originally established in 1915 by the Economic Revival of Russia Society; current founder – *S. D. Bodrunov*

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media
(*Mass Media Registration Certificate PI No. FS77-50990 of 27.08.2012*).

**Published by S. Y. Witte Institute
for New Industrial Development (INID)**

in cooperation with St. Petersburg Regional Division
of National Public Organization Free Economic
Society of Russia

Included in the List of Top Peer-Reviewed Academic Journals and Publications recommended for publishing main research findings from prospective doctoral dissertations (*Resolution of the Presidium of the Higher Attestation Commission at the Ministry of Education and Science of Russia of February 2, 2012 No. 8/13*).

The journal is indexed by the Russian Science Citation Index (RSCI) and posted on the Scientific Electronic Library (SEL) website.

Editor's office and publisher address:
16 Bolshaya Monetnaya St. 197101 St. Petersburg, Russia
Tel.: +7 (812) 313-82-68, e-mail: evr@inir.ru
Signed to print on 23.12.2024.
Paper size 33.1 x 46.8 in. Offset paper.
Printer's sheets: 7,6. Conventional printer's sheets: 8,1.
Circulation: 1000 copies. Order No 24753.

Free pricing

Limited Liability Company "NP-Print Press"
Chkalovsky Pr., d. 15, lit. A, korp. 7
197110 St. Petersburg, Russia

© S.Y. Witte INID:
compilation, editing, 2024

EDITORIAL BOARD

S. D. Bodrunov, Editor-in-Chief, Doctor of Economics, Professor;
A. A. Zolotarev, Deputy Editor-in-Chief, Ph.D. in Economics;
S. S. Bodrunova, Doctor of Political Sciences, Professor;
A. I. Kolganov, Doctor of Economics, Professor;
V. A. Plotnikov, Doctor of Economics, Professor

S. Y. Witte Institute for New Industrial Development (INID) is operating under the research and methodological direction of the Social Sciences Division of the Russian Academy of Sciences.
INID Director – *S. D. Bodrunov*

Materials included in this publication may be reproduced in whole or in part with written permission from the publishers, in which case you are compelled to provide a citation referencing the *Economic Revival or Russia* journal.

**MEMBERS OF
THE SCIENTIFIC EDITORIAL BOARD**

A. A. Akaev, Doctor of Economics, foreign member of Russian Academy of Sciences;
L. A. Anosova, Doctor of Economics, Professor;
S. D. Bodrunov, Doctor of Economics, Professor;
A. R. Bakhtizin, Doctor of Economics, Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences (RAS);
R. S. Grinberg, Doctor of Economics, Professor, corresponding member of Russian Academy of Sciences;
J. K. Galbraith, Doctor of Economics, Professor of the University of Texas at Austin (USA);
I. I. Eliseeva, Doctor of Economics, Professor, corresponding member of Russian Academy of Sciences;
A. E. Karlik, Doctor of Economics, Professor;
V. L. Kvint, Doctor of Economics, foreign member of Russian Academy of Sciences;
I. A. Maksimtsev, Doctor of Economics, Professor;
A. D. Nekipelov, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Sciences;
P. Nolan, Professor of University of Cambridge (Great Britain);
V. V. Okrepilov, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Sciences;
B. N. Porfrievev, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Sciences;
Y. P. Silin, Doctor of Economics, Professor

СОДЕРЖАНИЕ

По пути к возрождению

Бодрунов С. Д., Архипова В. В. Построение нооинтеграции на примере БРИКС: теория и практическая реализация 5

Проблемы развития экономики

Ермакова Ж. А., Свечникова В. В. Взаимовлияние инвестиционного и инновационного развития в регионах РФ 19

Толкачев С. А., Тепляков А. Ю. Россия в концептуальном ракурсе «новой» экономики предложения 35

Сироткин В. Б. Проблема выбора вариантов анализа финансовых рынков 50

Привалов Н. Г. Homo traditum как рациональный потребитель 58

Экономика предпринимательства и инновации

Вертакова Ю. В., Плотников В. А. Организационно-управленческий подход к формированию и развитию цифровых компетенций работников в условиях индустрии 5.0 71

Большаков С. Н., Большакова Ю. М., Притула О. Д. Менеджмент знаний в контексте «предпринимательского университета» и создания инноваций 93

Маленков Ю. А. Автоматизация российской экономики как стратегический фактор решения проблем роста производительности труда и устранения дефицита кадров 108

Цацулин А. Н., Быков А. И. Необходимость трансформации стратегии развития отечественной газовой отрасли как данность геополитической нестабильности 118

Рецензии

Романова Г. М. Стратегирование туризма и выставочно-ярмарочной деятельности на Дальнем Востоке России 138

CONTENTS

Towards a Revival

Bodrunov S.D., Arkhipova V.V. Building Noointegration Based on the Example of BRICS: Theory and Practical Implementation..... 5

Economy Development Challenges

Ermakova Z.A., Svechnikova V.V. Mutual Influence of Investment and Innovation Development in the Regions of the Russian Federation 19

Tolkachev S.A., Teplyakov A.Y. Russia in the Conceptual Perspective of the “New” Supply-Side Economics 35

Sirotkin V.B. The Problem of Selecting Options for Financial Market Analysis..... 50

Privalov N.G. Homo Traditum as a Rational Consumer..... 58

Business Economics and Innovation

Vertakova Y.V., Plotnikov V.A. Organizational and Managerial Approach to the Formation and Development of Digital Competencies of Employees in the Context of Industry 5.0..... 71

Bolshakov S.N., Bolshakova Y.M., Pritula O.D. Knowledge Management in the Context of the “Entrepreneurial University” and Innovation..... 93

Malenkov Y.A. Automation of the Russian Economy as a Strategic Factor in Solving the Problems of Productivity Growth and Eliminating the Shortage of Personnel..... 108

Tsatsulin A.N., Bykov A.I. The Need for Transformation of the Domestic Gas Industry Development Strategy as a Reflection of Geopolitical Instability 118

Reviews

Romanova G.M. Strategizing Tourism and Exhibition and Fair Activities in the Far East Region of Russia..... 138

ПО ПУТИ К ВОЗРОЖДЕНИЮ

DOI: 10.37930/1990-9780-2024-4-82-5-18

С. Д. Бодрунов¹, В. В. Архипова²

ПОСТРОЕНИЕ НООИНТЕГРАЦИИ НА ПРИМЕРЕ БРИКС: ТЕОРИЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ

В современных условиях активизировался поиск факторов устойчивости, способных обеспечить сбалансированное развитие и рост общественного благосостояния, мирное сосуществование и порядок. Среди подобных факторов обычно выделяют международную интеграцию, подразумевающую сращивание хозяйственных и иных систем, при котором невозможен безболезненный разрыв сформированных связей. На практике крайне редко удаётся за счёт интеграции гарантировать устойчивость. Цель настоящего исследования – разработка подобного типа интеграции и рекомендаций по её внедрению в практику БРИКС. Для этого применяется концепция глобального нооперехода, выстроенная на основе нооподхода и детализированная с помощью теории смены технологических и мирохозяйственных укладов, и обосновывается введение понятия *нооинтеграция*. Выделены основные характеристики нооинтеграции, показана её связь с атрибутами нооперехода: НТП, диффузией собственности, социализацией общества и солидаризмом. На примере БРИКС продемонстрирована трансформация роли развивающихся стран в процессе глобального нооперехода. Приведены доказательства формирования основ нооинтеграции БРИКС. Обозначены способы и этапы её развития и активизации, сформулированы соответствующие рекомендации. Определены современные тенденции, помогающие развивающимся государствам достичь высокой скорости и качества ноотрансформации. Показаны преимущества концепции глобального нооперехода, позволяющие ориентировать интеграционные процессы на конкретный вектор, стадии и цели социально-экономического развития.

Ключевые слова: интеграция, ноономика, ноопереход, БРИКС, нооинтеграция.

УДК 330.352

¹ *Сергей Дмитриевич Бодрунов*, директор Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте (197101, РФ, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, 16), президент Вольного экономического общества России, д-р экон. наук, профессор, член-корреспондент РАН, e-mail: inir@inir.ru

² *Виолетта Валерьевна Архипова*, старший научный сотрудник Центра исследований международной макроэкономики и внешнеэкономических связей Института экономики РАН (117218, РФ, Москва, Нахимовский пр., 32), канд. экон. наук, e-mail: q123zv@yandex.ru

Введение

Вопросы построения региональной интеграции, актуальные в XX в., не потеряли своей важности и сегодня. Прежде всего, это связано с нарастающим уровнем неопределённости и конфликтности в мире, что выражается, с одной стороны, в цепочках финансово-экономических кризисов, динамике цен на ресурсы, непредсказуемых событиях с негативными глобальными последствиями (например, пандемия COVID-19), с другой – в учащении использования санкций, торговых войн, военных столкновений и т. д.

Всё это ведёт к ослаблению либо разрыву социально-экономических связей, что болезненно отражается на состоянии национальных систем и, как правило, не позволяет достичь общих целей устойчивого развития, утверждённых ООН, и национальных задач в области открытости и практического сотрудничества на взаимовыгодной основе³.

В подобной ситуации именно интеграция, создающая условия для высокого уровня сопряжения и сращивания систем, может гарантировать их жизнеобеспечение, стабильный рост и эффективное сосуществование.

Однако не всякая интеграционная модель и не любой тип интеграции позволяют сохранить устойчивость показателей социально-экономических достижений и последовательное углубление системного сращивания даже при наличии сильного ядра, состоящего из развитых стран. Это иллюстрируют: 1) практика ЕС [1, 2] – восхождение по классической лестнице региональной экономической интеграции, критерием которого выступает степень свободы внутри интеграционной группы (меньше ограничений на торговлю и мобильность факторов производства – выше уровень); 2) история NAFTA-USMCA, более соответствующих «нелинейному» типу (без привязки к заданной стадийности и достижению максимально возможного уровня полноты) или накопительной интеграции гибридного типа, освобождающей от завышенных обязательств, ограничений и копирования других моделей (подробнее см.: [3, 4]).

Цель настоящего исследования – применение концепции глобального нооперехода, предложенной в теории ноономики [5, 6], для определения прогрессивного типа интеграции (нооинтеграции) и анализ путей его практической реализации на примере расширенного объединения БРИКС.

Концепция глобального нооперехода: нооинтеграция в теории

Концепция глобального нооперехода [8], сформированная в результате развития теории ноономики [5, 6] и детализированная с помощью теории смены технологических и мирохозяйственных укладов (ТУ и МХУ) [7], позволяет не только выстроить общую картину мирового социально-экономического развития (см. таблицу и рис. 1) на ближайшие десятилетия с учётом прошлого (от начала движения индустриальной цивилизационной волны), настоящего и оптимистического (эволюционного) сценария будущего, но и показать причинно-следственные связи между событиями и процессами внутри обозначенной траектории наиболее активного участка ноодвижения.

³ См.: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года и 17 Целей в области устойчивого развития, URL: <https://unido.ru/overview/mdg/>; Цели национального развития на примере Китая и итогов III пленума ЦК КПК XX созыва: <https://eurasia.today/news/realizatsiya-nekotorykh-reform-v-kitae-trebuets-dopolnitelnykh-vremennykh-i-resursnykh-zatrat/>.

Конкретизация глобального нооперехода как интервала ноодвижения*

Основные этапы нооперехода	I	II	III	IV	V
МХУ	→	Интегральный			
ТУ	→	ТУ-VI	→	ТУ-VII	
Тип производства	→	Знаниеинтенсивное	→	Нооинтенсивное (ноопроизводство)	→
Тип общественного устройства	НИО	→	НИО.2	→	Ноообщество
Системная трансформация	Экономика			→	Ноономика

Примечание: НИО – новое индустриальное общество, НИО.2 – новое индустриальное общество второго поколения.

*Составлено авторами на основе [8, 9].

К преимуществам концепции глобального нооперехода можно отнести:

1) системный подход к анализу современного состояния и перспектив мирового социально-экономического развития;

2) сохранение принципа научной преемственности: комплексный теоретический базис [8] концепции опирается на развитие закона К. Маркса об определяющей роли материального способа производства, на идеи взаимодействия производительных сил и производственных отношений (воплощённой и дополненной в ТУ и МХУ) и выхода человека за пределы материального производства с сохранением творческой активности и функций регулирования и управления [6, 8];

3) конкретизацию сроков наступления ключевых событий;

4) структуризацию системной трансформации и её условное разделение на 5 этапов: основная жизненная линия нооперехода заключена в рамках двух ТУ (VI и VII) и интегрального МХУ [8, 9];

5) выделение опорных категорий и показателей развития, с помощью которых «улавливаются» причинно-следственные связи. Главной из них является знание, которое, согласно теории ноономики, нельзя упрощать до уровня информированности. Оно трактуется как некий ресурс или «полезное ископаемое», открываемое и добываемое человеком для саморазвития и практического применения (например, воплощения в культуре, технологиях, НТП и т. п.). Отсюда возникают особые понятия (*знаниеинтенсивность* технологий и производства, *знаниеёмкость* производственных процессов и создаваемого продукта), позволяющие чётко определять период смены очередного ТУ, а также представление о превращении знания на современном этапе в основной фактор производства [5, 6];

6) конкретику и системность целеполагания: конечная цель глобального нооперехода – трансформация экономики в ноономику и формирование ноообщества

(см. таблицу и рис. 1). Более того, ноономика предстает как «разумный миропорядок» и результат нооразвития, а ноообщество – следствие социальной эволюции, на котором сосредоточены цели ноопроизводства, характеризующегося максимальным на анализируемой траектории уровнем знаниеинтенсивности и знаниеёмкости процессов и продуктов и высвобождением человека из трудового процесса для сосредоточения на контрольно-управленческих функциях, целеполагании и реализации творческого потенциала;

7) согласованность с Целями устойчивого развития⁴, в особенности о рациональном использовании всех видов природных ресурсов, об «устойчивой индустриализации», о поиске и переходе к разумным моделям потребления и производства, об общих ценностных установках и глобальном партнёрстве для решения поставленных задач – всё это нашло отражение в теории ноономики и концепции глобального нооперехода. В частности, в числе характеристик ноопроизводства выделяются ограничение ценностно-культурными императивами и ориентация на удовлетворение разумных (несимулятивных) потребностей человека и общества при эффективном (с точки зрения экоцелей) применении ресурсов [6];

8) трактовку феномена «новой нормальности» как стартовой фазы ноотрансформации, заключающейся в преодолении очередного переходного периода (от ТУ-V к ТУ-VI и от старого МХУ к новому) с соответствующей сменой системных циклов накопления капитала и стран ядра, что в совокупности обуславливает происхождение текущего глобального системного кризиса и обострение международных конфликтов, а также их эффектов и последствий;

9) прикладную направленность: стратегирование с учётом данной концепции может выступить как инструментальная база для практического решения проблемы трансформации, модернизации мировой социально-экономической системы и реализации нооперехода [10].

Предложенная С. Д. Бодруновым «квадрига ноономики» [11], включающая **НТП** (определяющий и обеспечивающий создание материальной основы нооразвития), **диффузию собственности** (закладающую основы формирования человеческих потребностей и выступающую как фундаментальный процесс подрыва основ экономического общества), **социализацию общества** (ноосоциализацию на основе ноокритериальной базы ценностей) и **солидаризм** (нацеленный на создание идеологической платформы и практики ноотрансформации), в рамках нооперехода становится ключевым комплексом **атрибутов его эффективности**. Каждый из этих векторов играет свою роль, что в конечном итоге обеспечивает ноопереход – важнейший этап движения к ноономике.

Однако ошибочно представлять эти векторы исключительно с позиции простейшей геометрии, например, в качестве «отрезков четырёх прямых», характеризующихся численным значением и направлением к собственным горизонтам. Прежде всего, для них существует единая цель, заданная логикой и объективными закономерностями эволюционного социального развития: качественный и сравнительно быстрый ноопереход от стартовой точки (современного состояния мира) к нооустройству, материальной основой которого станет ноономика. При этом обозначенные составляющие «квадриги» тесно взаимосвязаны, взаимозависимы и влияют друг на друга. Последовательное возникновение каждой из них является залогом создания

⁴ См.: <https://unido.ru/overview/mdg/>.

прочной основы для последующих перемен в других векторах, и наоборот: например, диффузия собственности ускоряется достижением всё более высокого уровня НТП (сообразно становлению и смене соответствующих ТУ). Всё это готовит почву для социализации общества и укоренения солидаризма. Крайне важно, что и эти векторы, тесно взаимодействующие в процессе нооперехода, и комплекс создаваемых ими положительных эффектов способствуют ускорению НТП, а следовательно, – формированию ноономики и ноообщества.

Среди основных практических геоэкономических и геополитических **факторов эффективности глобального нооперехода** выделим **нооинтеграцию** [12, с. 9]. Рассмотрим её базовые характеристики:

- цель нооинтеграционных процессов в ходе обозначенного вектора ноодвижения – совместное устойчивое развитие и рост благосостояния народов стран-участниц, коллективное осуществление ноотрансформации и ускорения нооперехода;
- формирование единых пространств – ценностно-культурного, научно-образовательного, технологического и коиндустриального, социального и на высшей стадии нооинтеграции – ноообщественного;
- «существование» с экономической интеграцией – вплоть до НИО.2 [13] и построение в его рамках единого валютно-финансового пространства (ВФП) (см., например, ряд предложений для БРИКС [14]);
- трансформация национальных и интеграционных экономических преимуществ в социальные достижения;
- неэкономические принципы, ценности и интересы – то, что раньше расценивалось как предпосылка эффективности региональной экономической интеграции, рассматриваются как базовый этап для нооинтеграции;
- множественность интеграционных процессов внутри единой траектории нооинтеграции, включая интеграцию технологий (технологическую), поколений (временную) и т. п.;
- изменение критерия углубления интеграции, в качестве которого выступает степень не «свободы от» (в том числе от ограничений и требований), а «свободы для» развития и эффективного «срачивания» – готовность стран-участниц брать на себя обязательства и устанавливать разумные пределы;
- название нового мирохозяйственного уклада (помимо классического определения С. Ю. Глазьева, основанного на формулировке П. Сорокина [7, 8]) отражает значимость интеграционных процессов и глобальность их эффектов для мировой социально-экономической трансформации (см. таблицу и рис. 1);
- нооинтеграция предстаёт не как способ обособления от мира, а как целостная модель объединения и двигатель глобального нооперехода;
- использование открывшегося вследствие смены укладов окна возможностей, в том числе интеграционного плана, для развивающихся стран.

Последняя характеристика нооинтеграции наиболее интересна для нашего исследования, поскольку отражает принципы нового типа интеграции как союза равных и наличие одинаковых (для государств любой группы) шансов на построение эффективного интеграционного объединения, вступление в которое не потребует, например, обязательного соответствия экономическим критериям или географического соседства.

Роль развивающихся стран в системной трансформации: нооинтеграция и БРИКС⁵

Концепция глобального нооперехода «ставит на строгую научную основу» трактовку изменения роли стран с развивающимися рынками в современном мире и в процессах развития. БРИКС, ШОС, ЕАЭС, формирование Большого Евразийского пространства и «сообщества единой судьбы человечества», «Один пояс – Один путь» и другие объединения и совместные инициативы становятся знаковыми (см. таблицу и рис. 1).

БРИКС может служить наглядным примером того, как путём формирования основ интеграции нового типа закладывается фундамент для создания эффективного фактора нооперехода:

1. Страны ядра БРИКС (прежде всего Китай и Индия), входящие в ядро нового – Азиатского цикла накопления капитала, благодаря своим достижениям и характеристикам уже стали драйверами и символом очередного – интегрального – мирохозяйственного уклада (см. таблицу и рис. 1).

2. Страны БРИКС приступили к формированию ряда выделенных стадий нооинтеграции: фактически речь идёт о создании и укреплении нооценностного ядра и сбалансированном регулировании НТП⁶, конструировании единых научно-образовательного и научно-технологического пространств на базе общих ценностей [15].

3. В истории БРИКС особым образом раскрывается роль знаний и их практического воплощения в новых технологиях и НТП. Именно благодаря этому возникли возможности для регулярного диалога и взаимодействия стран географически существенно удалённых друг от друга, а также запуска и развития нооинтеграционных процессов между ними.

4. БРИКС связывает «большие» государства – по численности населения, размеру территории, обилию ресурсов и по роли, которую они играют в мире (например, по их вкладу в мировую экономику). Объединяясь, эти государства создают особое пространство для реализации крупных трансконтинентальных проектов.

5. Государства БРИКС+ обладают не только масштабным и многосферным потенциалом развития, но и возможностями для объединения своих потенциалов и получения на этой основе уникального по размеру и качеству синергетического эффекта.

6. БРИКС+ – это пространство для диалога цивилизаций.

7. Нооинтеграция, подчиняясь закономерностям интеграционного развития, носит спиралевидный характер: для её прогресса также необходимы «свежее пополнение» и углубление взаимодействия.

Наконец, нооинтеграционные процессы взаимодополняемы и сопрягаемы: к примеру, БРИКС может гармонично сосуществовать с другими интеграционными группами и качественно сходными инициативами.

⁵ При подготовке раздела использованы материалы [8, 9].

⁶ См.: Путин поручил включить формирование этических стандартов ИИ в повестку БРИКС // Бюллетень: ежемесячное электронное издание. НКИ БРИКС. 2024. № 140, январь. URL: <https://www.nkibrics.ru/pages/bulletins> со ссылкой на Известия 18.01.2024 (<https://iz.ru/1636424/2024-01-18/putin-poruchil-vkliuchit-formirovanie-eticheskikh-standartov-ii-v-povestku-briks>).

Таким образом, в рамках нооперехода существенно возрастает роль развивающихся стран, получающих средства для раскрытия своих возможностей и становящихся драйверами ноотрансформации и социально-экономического развития.

Эволюция процессов нооинтеграции для превращения их в действенный фактор глобального нооперехода – сложная задача, требующая объединения усилий. Предполагается, что для её решения государства (участники БРИКС, выступающие показательным примером для данного исследования, и другие объединения) должны разработать единую долгосрочную стратегию интеграционного развития, а также комплекс инструментов и механизмов для реализации нооинтеграции.

Практика и возможные варианты реализации нооинтеграции БРИКС

Процесс активизации нооинтеграции, в частности для БРИКС и других объединений развивающихся государств, можно условно разделить на два крупных блока, содержательное наполнение которых подразумевает различные комбинации вариантов.

Первый блок – формирование единых ценностно-культурного, научно-образовательного, технологического и индустриального пространств. Он согласуется с развитием вектора НТП как атрибута нооперехода.

На старте сюда можно отнести выработку и внедрение общих ценностных ориентиров и ограничений, расширение международного гуманитарного и культурного сотрудничества (в том числе за счёт наращивания практики культурных обменов, совместных социальных и культурных программ, институционализации связей и т. п.). Подобные инициативы уже изучаются и постепенно осваиваются в рамках БРИКС⁷, тем более что открывшееся окно возможностей для развивающихся стран и новые тенденции – прежде всего цифровая трансформация, формы и степень вовлечённости, рост знаниевой компоненты – позволяют значительно продвинуть интеграционные процессы в данном направлении⁸.

На наш взгляд, конструирование единого научно-образовательного пространства значительно выиграло бы от развития трансконтинентального Сетевого университета БРИКС и сотрудничества с подобными инициативами ШОС и ЕАЭС⁹. Совместные проекты можно дополнить программами и курсами с обязательными периодами обучения, практики и исследований в каждой стране – участнице объединения с последующим гарантированным трудоустройством в одном или нескольких государствах БРИКС по выбору. Кроме того, заслуживают внимания предложения об Академии наук БРИКС [17].

Единое технологическое и индустриальное пространство можно создать в том числе с помощью формирования крупных культурно-индустриальных зон с внутренними правилами функционирования (введением льготных режимов и т. п.), особых промышленных зон широкого профиля, специальных экспериментальных площадок (типа Гонконга, например, для тестирования новых инструментов ВФП) и др.

⁷ См.: [16]; https://culture.gov.ru/press/news/strany_briks_rasshiryayut_kulturnoe_sotrudnichestvo/.

⁸ О современных тенденциях см. справочные документы ЮНЕСКО по культурной политике: https://www.unesco.org/sites/default/files/medias/fichiers/2022/09/4.MONDIACULT_RU_BACKGROUND%20DOCUMENT.pdf.

⁹ См.: <https://mspo.hse.ru/subrics?ysclid=m0nh76tdn751088073>; <https://mspo.hse.ru/networkuni>.

Второй блок имеет более ярко выраженную социальную направленность и сфокусирован на усилении трёх остальных атрибутов нооперехода (диффузии собственности, ноосоциализации и солидаризма). Его первая часть – конструирование единого социального пространства – представляется наиболее интересным экспериментом и этапом нооинтеграции, в том числе потому, что на него работает построение всех перечисленных пространств.

Прежде всего, социальная интеграция ассоциируется с совместным существованием, взаимопомощью и социальной ответственностью, что отсылает к таким современным трендам и новым точкам роста и прогресса, как развитие экономики совместного потребления и широкой добровольческой деятельности, заставляющее иначе взглянуть на проблемы собственности, удовлетворения потребностей и использования ресурсов.

Так, благодаря развитию современных технологий стремительно растёт экономика совместного потребления (шеринговая экономика): каршеринг, краудфандинг, коворкинг, торговля по цепочке «потребитель – потребителю», обмен знаниями и опытом, коливинг и краткосрочная аренда жилья и т. п. Согласно прогнозам, к 2025 г. её мировой объём достигнет 335 млрд долларов, расширившись за 10 лет более чем в 22 раза¹⁰. Показательным примером является Китай, продемонстрировавший в 2020 г. существенное увеличение объёма рынка «общего доступа» или «совместного потребления» до 10 % от ВВП. Впечатляет спектр положительных эффектов этого процесса: обеспечение роста внутреннего потребления и занятости, содействие модернизации и стимулирование экономической активности [18, с. 45]. Ожидается, что рост коворкингов в США и развитых странах Европы составит 15 % в год, в то время как аналогичный показатель для развивающихся латиноамериканских, азиатских и европейских государств в среднем оценивается примерно в 24 %¹¹.

Всемирный индекс благотворительности (ВИБ, World Giving Index – WIG) – комбинированный показатель Charities Aid Foundation, учитывающий помощь незнакомым людям, перечисление средств на благотворительные цели и волонтерство (рис. 2), позволяет проследить динамику анализируемых трендов и выявить их наиболее активных участников¹². К примеру, по рейтингу ВИБ Индонезия уже более 5 лет подряд занимает первое место; среди значительно улучшивших свои позиции государств отметились Китай и Россия; ОАЭ оказались в десятке лидеров рейтинга, а Индия и Иран – в топ-30.

Знаковым для нооинтеграции становится развитие добровольческой деятельности, способствующей построению социальной интеграции и ноообщества. Главные ресурсы волонтеров – накопленные и приобретаемые знания, а также расходуемое время. Создаваемые на основе единого ценностно-культурного пространства социальные инновации также отражают степень прогресса в ходе движения по траектории нооперехода. Постепенно происходят трансформация и содержательные изменения в «общественном договоре» и работе органов государственной власти в части взаимодействия с обществом и использования добровольчества как нового актива.

¹⁰ <https://roscongress.org/materials/ekonomika-sovmestnogo-potrebleniya-kak-tochka-rosta/?ysclid=m0m4tthm4n683174374>.

¹¹ <https://trends.rbc.ru/trends/sharing/5ddb3279a7947b01be74c19>.

¹² Источник: World Giving Index 2024: Global Trends in Generosity. Charities Aid Foundation. 21 p.

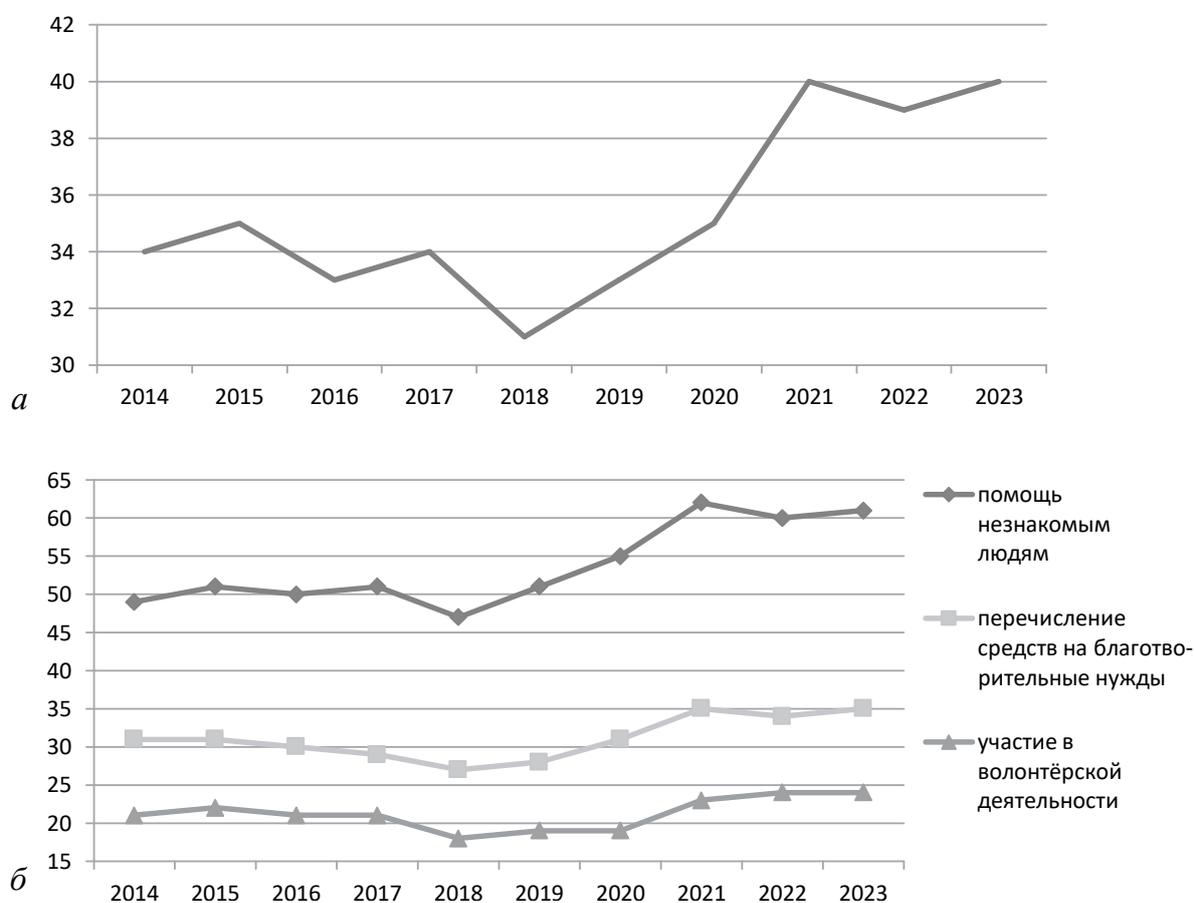

Рис. 2, а – динамика ВИБ (WGI); б – аспекты, учитываемые при оценке ВИБ, % (приведены мировые усреднённые показатели)¹³

Выделяются следующие категории добровольческой деятельности¹⁴:

- взаимопомощь – комплекс неофициальных мероприятий по оказанию взаимной помощи в ответ на общую потребность или проблему;
- добровольческая деятельность через оказание услуг, вызванная реакцией волонтеров на предполагаемые потребности человека или сообщества;
- агитация – как правило, действия лица или группы лиц для усиления голосов маргинализированных групп, что должно изменить статус-кво;
- участие – через взаимодействие волонтеров с механизмами управления и принятия решений на разных уровнях;

¹³ Источник: World Giving Index 2024: Global Trends in Generosity. Charities Aid Foundation. 21 p.

¹⁴ По материалам доклада 2022 года о состоянии добровольчества в мире: создание равноправного общества для всех. Бонн: Программа добровольцев Организации Объединенных Наций (ДООН). 2022. С. 19, 20, 100–102, 115, 125.

добровольчество как досуг – деятельность, выражающая личные интересы или увлечения волонтера.

К современным тенденциям с участием добровольчества можно отнести¹⁵:

1. Работу на цели построения и развития **равноправного общества**.
2. Изменение содержания современного **«общественного договора»**: от западного понимания (XX в.) к «экологическому общественному договору» с акцентом на инклюзивность (XXI в.).
3. Развитие и распространение **социальных инноваций**, под которыми могут пониматься «принципиально новый способ реагирования на проблему или способ её устранения», инновации, процессы или типы отношений с «социальными целями и местным контекстом» для «удовлетворения общественных потребностей, расширения прав и возможностей граждан и укрепления потенциала общества».
4. Приверженность **общим ценностям**.
5. Увеличение **«социальной компоненты активов»** государства.
6. Выстраивание **связей и социальной интеграции**.
7. Применение **знаний для общественного развития**.

В упомянутых культурно-индустриальных зонах при построении единого технологического и коиндустриального пространства целесообразно широкое использование волонтерства.

Социальная интеграция – это не только пространственная, но и временная категория. Через ценностно-культурную интеграцию и НТП обеспечиваются как интеграция в настоящем и будущем (формирование единого социального пространства), так и интеграция поколений.

Таким образом, прослеживается связь между атрибутами и одним из основных факторов нооперехода от современного состояния к нооэкономике и ноообществу. Реализация нооинтеграции поблочно не обязательно предполагает строгую последовательность действий и протекания процессов.

Заключение

Проанализирован феномен нооинтеграции – в теории и на практике. Теоретический блок разработан на основе концепции глобального нооперехода, в которой нооинтеграция выступает в качестве одного из базовых факторов трансформации социально-экономической системы через НИО.2 до уровня нооэкономике и ноообществу. Отмечено существенное усиление роли развивающихся стран в процессе глобального нооперехода. Зарождение нового типа интеграции показано на примере БРИКС. Практика и варианты реализации нооинтеграции представлены в виде двух блоков, что позволило продемонстрировать связь между основными атрибутами нооперехода и этапами развития его интеграционного фактора. Предложены рекомендации для построения единых пространств нооинтеграции БРИКС, выделены современные тенденции, ускоряющие этот процесс.

¹⁵ По материалам доклада 2022 года о состоянии добровольчества в мире: создание равноправного общества для всех. Бонн: Программа добровольцев Организации Объединенных Наций (ДООН). 2022. С. 19, 20, 100–102, 115, 125.

Список литературы

1. Поливач, А. Международная роль евро и европейская интеграция / А. Поливач // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Т. 64, № 5. – С. 33–41.
2. Буторина, О. В. Сужение Европейского союза и потенциал интеграции / О. В. Буторина // Современная Европа. – 2020. – №2. – С. 20–32.
3. Ушкалова, Д. И. Модели экономической интеграции и их типология / Д. И. Ушкалова // Вестник ИЭ РАН. – 2016. – №3. – С. 158–170.
4. Хейфец, Б. А. Новая модель международной экономической интеграции / Б. А. Хейфец. – М.: Институт экономики РАН, 2023. – 48 с.
5. Бодрунов, С. Д. Ноономика / С. Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2028. – 432 с.
6. Бодрунов, С. Д. Ноономика: траектория глобальной трансформации / С. Д. Бодрунов. – М.: ИНИР; Культурная революция, 2020. – 224 с.
7. Глазьев, С. Ю. За горизонтом конца истории / С. Ю. Глазьев. – М.: Проспект, 2021. – 416 с.
8. Бодрунов, С. Д. Закономерности формирования основ ноономики как грядущего общественного устройства. Знать и действовать / С. Д. Бодрунов, С. Ю. Глазьев. – СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте; М.: Центркаталог, 2023. – 340 с.
9. Бодрунов, С. Д. Роль БРИКС в процессе глобального нооперехода: науч. докл. / С. Д. Бодрунов, В. В. Архипова. – СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2024. – 30 с.
10. Квинт, В. Л. Стратегирование трансформации общества: знание, технологии, ноономика / В. Л. Квинт, С. Д. Бодрунов. – СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2021. – 351 с.
11. Бодрунов, С. Д. Что такое ноономика? / С. Д. Бодрунов // А(О)нтология ноономики: четвертая технологическая революция и ее экономические, социальные и гуманитарные последствия / под общ. ред. С. Д. Бодрунова. – СПб.: ИНИР, 2021. – С. 19–92.
12. Архипова, В. В. Интеграционные процессы в мировой экономике: нооподход и развитие евразийского пространства / В. В. Архипова // Экономическое возрождение России. – 2023. – № 1(75). – С. 35–49.
13. Бодрунов, С. Д. Новое индустриальное будущее для глобального мира / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2022. – №2(72). – С. 5–23.
14. Кузнецов, А. В. Концептуальные подходы к формированию устойчивой мировой валютно-финансовой системы / А. В. Кузнецов // Финансы: теория и практика. – 2023. – №27(4). – С. 164–172.
15. Толорая, Г. Д. Перспективные направления научного сотрудничества: страны БРИКС: докл. № 90 / Г. Д. Толорая, А. Ю. Борзова, И. Г. Дежина, Р. О. Райнхардт, М. В. Никольская, Г. А. Краснова. – М.: НП РСМД, 2023. – 56 с.
16. Секачева, Л. БРИКС на пути к углублению культурного сотрудничества / Л. Секачева, А. Торин // Международная жизнь. – 2021. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/28718?ysclid=m0nf99hpl293858589>.
17. Лумпов, А. И. О создании Академии наук БРИКС / А. И. Лумпов // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2015. – Т. 10, ч. I. – С. 534–535.
18. Плотников, В. А. Экономика совместного потребления: понятие, особенности, перспективы развития / В. А. Плотников, Я. А. Анисимова // Управленческое консультирование. – 2023. – № 1. – С. 42–51.

References

1. Polivach A. (2020) Mezhdunarodnaya rol' yevro i yevropeyskaya integratsiya [International Role of Euro and European Integration]. *World Economy and International Relations*, 5(64), pp. 33–41. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-5-33-41.
2. Butorina O. (2020) Suzheniye Yevropeyskogo soyuza i potentsial integratsii [The Shrinking of the European Union and its Integration Capability]. *Contemporary Europe*, 2, pp. 20–32. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220202032>.
3. Ushkalova D. I. (2016) Modeli ekonomicheskoy integratsii i ikh tipologiya [Models of Economic Integration and Their Typology]. *Vestnik IE RAN*, 3, pp. 158–170.
4. Kheyfets B. A. (2023) Novaya model' mezhdunarodnoy ekonomicheskoy integratsii [A new model of international economic integration]. Scientific report. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 48 p.
5. Bodrunov S. D. (2018) Noonomika [Noonomy]. Moscow: Kulturnaya revolyutsiya. 432 p.
6. Bodrunov S. D. (2020) Noonomika: trayektoriya globalnoj transformatsii [Noonomy: The Trajectory of Global Transformation]. Moscow: INIR; Kulturnaya revolyutsiya. 224 p.
7. Glazyev S. Y. (2021) Za gorizontom kontsa istorii [Beyond the Horizon of the History's End]. Moscow: Prospect. 416 p.
8. Bodrunov S. D., Glazyev S. Y. (2023) Zakonomernosti formirovaniya osnov noonomiki kak gryadushchego obshchestvennogo ustroystva. Znat' i deystvovat' [Regularities of the Noonomy Foundations Formation as Future Social Order: To Know and Operate]. St. Petersburg: S. Y. Witte Institute for New Industrial Development (INID); Moscow: Centercatalog. 340 p.
9. Bodrunov S. D., Arkhipova V. V. (2024) Rol' BRIKS v protsesse global'nogo nooperekhoda: nauchny doklad [The Role of Brics in the Process of Global Nootransition: A Scientific Report]. St. Petersburg: S. Y. Witte Institute for New Industrial Development (INID). 30 p.
10. Kvint V. L., Bodrunov S. D. (2021) Strategirovaniye transformatsii obshchestva: znaniye, tekhnologii, noonomika [Strategizing Societal Transformation Knowledge, Technologies, and Noonomy]. St. Petersburg: S. Y. Witte Institute for New Industrial Development (INID). 351 p.
11. Bodrunov S. (2021) Chto takoye noonomika? [What Is Noonomy?]. In: A(O)ntologiya noonomiki: chetvertaya tekhnologicheskaya revolyutsiya i yeye ekonomicheskiye, sotsial'nyye i gumanitarnyye posledstviya [A(O)ntology of Noonomy: The Fourth Technological Revolution and Its Economic, Social and Humanitarian Consequences]; Bodrunov S. (Ed). St. Petersburg: S. Y. Witte INID, pp. 19–92.
12. Arkhipova V. V. (2023) Integratsionnyye protsessy v mirovoy ekonomike: noopodkhod i razvitiye yevraziyskogo prostranstva [Integration Processes in the World Economy: A Nooapproach and Development of Eurasian Space]. *Economic Revival of Russia*, 1(75), pp. 35–49.
13. Bodrunov S. D. (2022) Novoye industrial'noye budushcheye dlya global'nogo mira [New Industrial Future for the Global World]. *Economic Revival of Russia*, 2(72), pp. 5–23.
14. Kuznetsov A. V. (2023) Kontseptual'nyye podkhody k formirovaniyu ustoychivoy mirovoy valyutno-finansovoy sistemy [Conceptual Approaches to the Formation of a Stable World Monetary and Financial System]. *Finance: Theory and Practice*, 27(4), pp. 164–172.
15. Toloraya G. D., Borzova A. Y., Dezhina I. G., Reinhardt R. O., Nikolskaya M. V., Krasnova G. A. (2023) Perspektivniye napravleniya nauchnogo sotrudnichestva: strani BRICS [Promising Areas of Scientific Cooperation: BRICS Countries]. Report No. 90/2023. Moscow: NP RSMD. 56 p.

16. Sekacheva L., Torin A. (2021) BRICS na puti k uglublyeniyu kulturnogo sotrudnichestva [BRICS on the Way to Deepening Cultural Cooperation]. The International Affairs. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/28718?ysclid=m0nf99hpyl293858589>

17. Lumpov A. I. (2015) O sozdanii Akademii nauk BRICS [On the Creation of the BRICS Academy of Sciences]. Russia: Trends and Prospects of Development, 10-I, pp. 534–535.

18. Plotnikov V. A., Anisimova Y. A. (2023) Ekonomika sovmestnogo potrebleniya: ponyatiye, osobennosti, perspektivy razvitiya [Sharing Economy: Concept, Features, Development Prospects]. Administrative Consulting, 1, pp. 42–51.

S. D. Bodrunov¹⁶, V. V. Arkhipova¹⁷. Building Noo-Integration Based on the Example of BRICS: Theory and Practical Implementation. In modern conditions, the search for sustainability factors capable of ensuring balanced development and growth of public welfare, peaceful coexistence and order has intensified. Among such factors, international integration is usually singled out, implying the fusion of economic and other systems, in which a painless rupture of established ties and interpenetration is impossible. However, in practice, it is extremely rare to turn integration into a real factor of sustainability. The purpose of this research is to develop this type of integration and recommendations for its implementation into the BRICS practice. Therefore, we use the concept of global nootransition, which was built on the ground of nooapproach and detailed on the basis of the theory of changing in technological and world economic modes, and introduce the concept of “noointegration”. The paper highlights main characteristics of noointegration and shows its connections with the nootransition attributes, such as scientific and technological progress, diffusion of ownership, socialization of society and solidarism. The BRICS example demonstrates transformation of developing countries’ role in the process of global nootransition. The research presents the evidence of existence for the BRICS noointegration foundations. The methods and stages of noointegration development and activation are outlined, and appropriate recommendations are formulated. The authors identified current trends that help developing countries achieve high speed and quality of nootransformation. The paper shows advantages of the global nootransition concept, connecting integration processes with a certain vector, stages and goals of socio-economic development.

Keywords: integration, noonomy, nootransition, BRICS, noointegration.

¹⁶ *Sergey D. Bodrunov*, Director of S. Y. Witte Institute for New Industrial Development (16 Bolshaya Monetnaya St., St. Petersburg, 197101, Russia), President of the Free Economic Society of Russia, Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, e-mail: inir@inir.ru

¹⁷ *Violetta V. Arkhipova*, Senior Research Fellow of the Center for International Macroeconomics and International Economic Relations at the Institute of Economics of RAS (32 Nakhimovsky pr., Moscow, 117218, Russia), Candidate of Economic Sciences, e-mail: q123zv@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

DOI: 10.37930/1990-9780-2024-4-82-19-34

Ж. А. Ермакова¹, В. В. Свечникова²

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОГО И ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ В РЕГИОНАХ РФ³

Целью исследования являлось определение тенденций инновационных и инвестиционных процессов в Российской Федерации, Приволжском федеральном округе и Оренбургской области, а также в выявлении влияющих на динамику данных процессов факторов. Гипотеза проведённого исследования заключалась в том, что развитию инновационной деятельности способствует государственная поддержка, а также развитые механизмы привлечения кредитных средств для осуществления инвестиционной деятельности. Основными методами исследования явились монографический, сравнительный и корреляционный анализ, графический. Проведённый анализ позволил выявить существенную зависимость объёма инвестиций от доходов бюджетов субъектов РФ, а также влияние доли кредитных средств в объёме инвестиций на уровень инновационного развития.

Ключевые слова: инвестиции, инновации, влияние, развитие, корреляционный анализ.

УДК 330.341, 330.356

Введение

Вопросами инновационно-инвестиционного развития занимаются многие отечественные и зарубежные исследователи.

Й. Шумпетер не просто ввёл в научный оборот понятие «инновация», но и исследовал её природу, роль в развитии предпринимательства и экономического росте. Значительное внимание было уделено источникам инновационных идей, а также

¹ *Жанна Анатольевна Ермакова*, директор Оренбургского филиала Института экономики УрО РАН (460000, РФ, Оренбург, ул. Пионерская, д. 11), д-р экон. наук, профессор, член-корреспондент РАН, e-mail: 5bermakova@mail.ru

² *Виктория Владимировна Свечникова*, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук Новотроицкого филиала НИТУ МИСИС (462359, РФ, Новотроицк, ул. Фрунзе, д. 8), канд. экон. наук, доцент, e-mail: Svechnikova2007@yandex.ru

³ Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием Минобрнауки России для ФГБУН Институт экономики УрО РАН на 2024 год.

экономическим и финансовым аспектам инновационного процесса (в частности источникам финансирования и роли кредита) [22]. Отдавая должное классикам экономической мысли, отметим современных исследователей.

Выделяются работы представителей академической науки России. Академик А. Г. Аганбегян, исследуя проблему преодоления Российской стратегических вызовов и формирования устойчивого социально-экономического роста до 2030 г., подчёркивает важность увеличения доли инвестиций в валовой внутренний продукт (ВВП) страны, а также расширения сектора экономики, основанного на знаниях, включая разработку и реализацию проектов технологической модернизации значимых предприятий. По мнению академика, необходимо кардинально изменить условия предоставления банковских кредитов, чтобы они стали эффективным инструментом финансирования экономического роста, при этом значительно увеличивая объём инвестиционных кредитов, направленных на развитие основного и человеческого капитала, при условии низких процентных ставок (1–5 %) [1].

Академик С. Ю. Глазьев в течение многих лет рассматривает различные вопросы, связанные с возможностью формирования в России нового мирохозяйственного уклада, направлений и возможностей преодоления российской экономикой тех вызовов, которые сформировались в последнее десятилетие. В своих работах С. Ю. Глазьев неоднократно исследовал и подчёркивал замедленность развития научно-технического прогресса в нашей стране, существенное недофинансирование НИОКР, использование неэффективных монетарных методов денежно-кредитной политики, крайне низкое участие банковского капитала в осуществлении технологической модернизации реального сектора экономики [6; 7].

С. Д. Бодрунов, предложивший «теорию ноономики», обосновывает возможность перехода к новому технологическому укладу посредством расширения использования знаниеёмких технологий и соответствующих материальных средств [5].

Проблемы технологического, инвестиционно-инновационного развития рассматриваются в работах Е. Б. Ленчук. При этом автор акцентирует вопросы именно научно-технологического развития, роли стратегического планирования для достижения технологического суверенитета. В своих исследованиях автор отмечает, что российский бизнес до настоящего времени не полностью вовлечён в инновационно-инвестиционное и научно-технологическое развитие экономики. Осуществляемые бизнесом инвестиционные проекты, вплоть до начала СВО, строились преимущественно на заимствованных из-за рубежа технологиях и оборудовании [13; 14].

Зарубежные исследователи (в частности, К. И. Карлоу и Р. Г. Липси (K. I. Carlaw & R. G. Lipsey), а также Ф. Ганда (F. Ganda) при прогностических расчётах акцентируют внимание на изменении структуры инвестиций и их состава [23; 24].

Большое количество исследователей рассматривают инновационно-инвестиционный процесс с позиции конкретных предприятий или регионов, а именно факторов, способствующих или препятствующих инвестициям и инновациям, причин и источников инновационно-инвестиционного процесса в различных отраслях, – в частности, это работы К. Ю. Орловой, Э. И. Мустафаевой, А. Ю. Жильникова и Е. А. Губертова, и др. [9; 15; 16]. Так, в работе К. Ю. Орловой акцент сделан на изучении существующих направлений инвестиционных вложений. Выявлено, что за последние пять лет в среднем 55–57 % предприятий провели модернизацию и реконструкцию производства, при этом только 18 % осуществляли внедрение новых технологий [16]. Э. И. Мустафаева, изучая инвестиционное развитие новых российских

регионов, на примере Республики Крым делает вывод о явном доминировании бюджетных вложений и государственного регулирования. При этом основными направлениями вложений являются инфраструктура, туристическая отрасль и модернизация существующих промышленных предприятий [15].

Необходимость инноваций и соответствующих инвестиций для устойчивого развития как отдельных организаций, так и отраслевых и региональных комплексов является предметом исследований Ш. Д. Арсланова, Е. А. Куклиной и А. И. Федоркова [4; 12].

Среди учёных, занимающихся различными аспектами инновационного и инвестиционного развития региональных и отраслевых экономических систем, проблемами формирования технологического суверенитета, необходимо отметить представителей Уральской научной школы (заложенной трудами академика РАН А. И. Татаркина) – это В. В. Акбердину, Ж. А. Ермакову, О. А. Романову, И. Н. Корабейникову, А. О. Пономарёву и др. [2; 3; 8; 11; 17; 19; 20]. В частности, в исследованиях В. В. Акбердиной и О. А. Романовой изучаются вопросы развития промышленных регионов в условиях цифровой трансформации, а также предложена концепция «регионального промышленного пути» [2; 3; 19]. Подобные исследования особенно актуальны для нашей страны в современный период, когда необходимо в достаточно короткий срок определить направления, механизмы и инструменты развития для достижения технологического суверенитета.

В работах И. Э. Фролова и коллег рассматриваются возможности создания условий для устойчивого воспроизводства в обрабатывающей промышленности и обновления технологической базы в условиях санкционного режима [21]. В своей работе исследователи обращают внимание на необходимость разработки методики прогнозирования развития машиностроения, так как использование модифицированной воспроизводственной функции некорректно в современных экономических условиях и формального использования экономико-математических методов. Приведённая работа особенно интересна с позиции создания и применения новой методики прогнозирования высокотехнологичного сектора машиностроительного комплекса, так как отражает особенности воспроизводственного процесса, наличие 3–4-летних периодов роста и спада, технологическую структуру инвестиций и др.

В исследовании М. Зурина рассматривается влияние инвестиционных процессов на производство инновационной продукции, при этом автор делает упор на причины и мотивы выбора конкретного инвестиционного проекта, выделяя такие факторы, как источник финансирования и риск проекта [10].

При всём многообразии исследуемых вопросов практически не рассматриваются вопросы определения влияния на инвестиционный и инновационный процессы таких факторов, как источники инвестиций, уровень промышленного производства, доходы бюджетов, а также взаимовлияние данных процессов. Важность их рассмотрения обусловлена тем, что данные показатели опосредуют инструменты экономической политики, что во многом определяет траекторию развития экономики регионов России.

Методы исследования

В рамках настоящего исследования были использованы данные Росстата, охватывающие период с 2016 по 2022 год. Материалы представлены в разрезе всей страны, Приволжского федерального округа и Оренбургской области.

Для проверки гипотезы анализ проведён по показателям, характеризующим величину доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ и инвестиций в основную капитал, уровень развития промышленного производства и инновационной

активности организаций, а также финансовые результаты деятельности организаций и структура источников инвестиций в основной капитал.

В качестве методов исследования в работе использованы общенаучные методы, такие как метод анализа и синтеза, классификации, измерения и описания, а также монографический, сравнительный и корреляционный анализ, графический метод.

Результаты исследования и выводы

В работе проведено исследование инвестиционных и инновационных процессов за период с 2016 по 2022 г. по Российской Федерации (РФ), Приволжскому федеральному округу (ПФО) и Оренбургской области, входящей в ПФО⁴.

Для подтверждения выдвинутой гипотезы исследования была осуществлена оценка следующих корреляционных связей:

1) величины объёма инвестиций в основной капитал (результативный показатель) – от показателей-факторов, отражающих:

– уровень развития промышленного производства через показатель индекса промышленного производства (%),

– инновационную активность организаций на основе совокупности показателей: затраты на инновационную деятельность организаций (млн руб.); доля инновационных товаров (работ или услуг) в общем объёме товаров (работ или услуг) (%); уровень инновационной активности предприятий (%),

– финансовые результаты деятельности организаций на основе данных о сальдированном финансовом результате деятельности организаций (млрд руб.),

– структуру источников инвестиций в основной капитал через показатель доли кредитов банков в общем объёме инвестиций в основной капитал (%),

– величину доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ;

2) уровня инновационной активности предприятий (результативный показатель) – от следующих показателей-факторов:

– уровня развития промышленного производства, рассмотренного в работе через показатель индекса промышленного производства (%),

– структуры источников инвестиций в основной капитал, характеризуемой долей кредитных средств в общем объёме инвестиций в основной капитал (%),

– объёма инвестиций в основной капитал (млрд руб.),

– величины доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ (млн руб.).

Динамика показателей, отражающих инвестиционно-инновационные процессы в РФ, ПФО и Оренбургской области представлена в таблице 1.

Проведённый анализ инвестиционной и инновационной деятельности в Российской Федерации за исследуемый период свидетельствует о преимущественно положительной динамике в изменении следующих показателей:

1) об ежегодном увеличении за исследуемый период суммы инвестиций в основной капитал, доходов бюджета РФ и затрат организаций на инновационную деятельность со среднегодовым темпом прироста более 11–12 % (в частности, среднегодовой темп прироста инвестиций в основной капитал составил 11,3 %, доходов бюджета РФ – 12,1 %, затрат организаций на инновационную деятельность – 12,9%).

⁴ Финансы организаций Оренбургской области в январе – августе 2024 года // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Оренбургской области: [сайт]. URL: <https://56.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 10.08.2024, 15–17.08.2024).

Динамика показателей инвестиционной и инновационной деятельности за 2016–2022 гг.⁵

Показатель	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Российская Федерация							
Инвестиции в основной капитал, млрд руб.	14639,8	15966,8	17595	19318,8	20118,4	22945,5	27865,2
Уровень инновационной активности организаций, %	8,4	14,6	12,8	9,1	10,8	11,9	11
Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) деятельности организаций, млрд руб.	12801,6	9036,8	12400,3	16632,5	13418,8	33915,8	22313,6
Доходы консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации, млрд руб.	9923,8	10758,1	12392,5	13572,3	14901,2	17546,3	19676,9
Затраты на инновационную деятельность организаций, млрд руб.	1284,6	1404,9	1472,8	1954,1	2134,1	2379,7	2662,6
Объём инновационных товаров, работ, услуг, % от общего объёма отгруженных товаров, выполненных работ, услуг	8,5	7,2	6,5	5,3	5,7	5	5,1
Индекс промышленного производства, % к предыдущему году	101,8	103,7	103,5	103,4	97,9	106,3	100,6
Доля кредитов банков в общем объёме инвестиций в основной капитал, %	10,4	11,2	11,2	9,7	10	11	10,2
Приволжский федеральный округ							
Инвестиции в основной капитал, млрд руб.	2429	2412,2	2467,8	2690,31	2 763,7	3075,4	3735,7
Уровень инновационной активности организаций, %	9,4	14,3	13,3	11,6	15,5	16,7	15,9
Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) деятельности организаций, млрд руб.	1342,4	350,5	1509,8	1626,4	719,7	2902,8	2363,8
Доходы консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации, млрд руб.	1470,1	1556,3	1745,9	1882,4	2090,7	2478,9	2797,8
Затраты на инновационную деятельность организаций, млрд руб.	258,8	336,9	397,3	437,3	516,4	589,8	630,3
Объём инновационных товаров, работ, услуг, % от общего объёма отгруженных товаров, выполненных работ, услуг	14,1	13,3	13,3	11,3	11,3	10,3	10,2
Индекс промышленного производства, % к предыдущему году	101	102,5	101,6	102,7	98,1	106,6	101,9
Доля кредитов банков в общем объёме инвестиций в основной капитал, %	13,5	12,7	8,8	9,1	9,4	7,9	6,2
Оренбургская область							
Инвестиции в основной капитал, млрд руб.	165	181,7	204,2	211,726	199	201,9	234,7
Уровень инновационной активности организаций, %	7,1	9,3	5,4	5,6	7,5	7,6	7
Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) деятельности организаций, млрд руб.	94,6	91,5	149,7	117,7	60,5	210,1	154,4
Доходы консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации, млрд руб.	90,9	91,8	108,9	118,7	131,2	161,9	168,1
Затраты на инновационную деятельность организаций, млрд руб.	11,8	23,1	17,1	13,9	11,2	16,8	20,9
Объём инновационных товаров, работ, услуг, % от общего объёма отгруженных товаров, выполненных работ, услуг	4	3,2	3,2	3,7	3,4	6,3	7,6
Индекс промышленного производства, % к предыдущему году	95,5	101,4	101,6	103,4	98,4	99,6	97,2
Доля кредитов банков в общем объёме инвестиций в основной капитал, %	8,5	15,6	8,8	7,2	1,6	3,2	5,7

⁵ Составлено авторами по: Регионы России. Социально-экономические показатели // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 15–17.07.2024).

Увеличение инвестиций в основной капитал оказывает положительное влияние на динамику величины валового внутреннего продукта. Основным фактором, способствовавшим росту инвестиций в основной капитал, можно отметить увеличение государственных расходов, в том числе на поддержку в последние годы строительной отрасли через предоставление льготных кредитов на приобретение недвижимости. Среди направлений инвестиций в основной капитал преобладают вложения организаций в нежилую недвижимость, оборудование и транспортные средства;

2) о сохранении индекса промышленного производства за исследуемый период на уровне, превышающем 100 % (за исключением 2020 г.), а также среднегодовой доли кредитов банков в общем объёме инвестиций в основной капитал не ниже 10 %.

Стоит отметить, что в России наблюдается тенденция к снижению доли инновационных товаров (работ, услуг) в общем объёме товаров (работ и услуг). В течение рассматриваемого периода этот показатель уменьшился с 8,5 % до 5,1 % со среднегодовым темпом снижения 8 % за рассматриваемый период. Причинами подобной динамики показателя, по нашему мнению, являются: ухудшение инвестиционного климата; ограниченность собственных ресурсов; снижение эффективности деятельности организаций; рост курсов иностранных валют и стоимости кредитных ресурсов.

Указанная тенденция в динамике показателей имеет место в Приволжском федеральном округе, а именно: увеличение суммы инвестиций в основной капитал, доходов бюджета Российской Федерации и затрат организаций на инновационную деятельность.

Вместе с тем в Оренбургской области отмечается иная тенденция в изменении показателей.

Единственным показателем, который на протяжении всего анализируемого периода демонстрировал динамику роста, являются доходы консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации. Росту данного показателя способствовали следующие факторы: увеличение налоговых платежей в бюджет; повышение размера дотаций и субвенций со стороны федерального бюджета на выполнение соответствующих полномочий и реализацию инвестиционных проектов. Также следует отметить опосредованное влияние инфляции, которая особенно заметно возросла с 2022 года.

Определённое влияние на интенсивность и эффективность инвестиционно-инновационных процессов оказывает качество инновационной политики в регионе. По данному критерию Оренбургская область занимает 21-е место среди 85 субъектов РФ, что характеризует наличие развитой правовой базы научно-технической и инновационной политики и высокий уровень её организационного обеспечения [18].

Работа координационного штаба по реализации Национальной технологической инициативы (НТИ) в Оренбургской области, создание регионального проектного офиса НТИ – всё это позволило области по итогам 2023 г. войти в число регионов-лидеров по уровню организационного обеспечения научно-технической и инновационной политики.

При этом по социально-экономическим условиям инновационной деятельности область расположилась на 50-м месте, что указывает на недостаточный потенциал к цифровизации, освоению и реализации инноваций.

В процессе анализа статистических данных, касающихся изменения объёма инвестиций в основной капитал, затрат на инновационную деятельность организаций и доли кредитов банков в общем объёме инвестиций в основной капитал за период с 2016 по 2022 г., было обнаружено неравномерное распределение этих показателей.

Так, начиная с 2016 г. наблюдается ежегодное снижение величины затрат на инновационную деятельность организаций, а также доли кредитов банков в общем

объёме инвестиций в основной капитал. Данная тенденция достигла своего минимума в 2020 году.

За 2021 и 2022 гг. в динамике показателей отмечается тенденция к росту, однако уровни достигнутых в 2022 г. значений инновационной активности организаций и затрат на инновационную деятельность организаций аналогичны уровням данных 2016 и 2017 гг. соответственно.

Для проверки выдвинутой гипотезы в рамках данной работы был применён метод многофакторного корреляционного анализа, который позволяет осуществить количественную оценку влияния выделенных факторов на результативный показатель.

Анализ взаимосвязи между показателями проводился отдельно по РФ, ПФО и Оренбургской области. Результаты проведённого анализа представлены в таблице 2, из которой следует, что в Российской Федерации на величину инвестиций в основной капитал наибольшее влияние (коэффициент корреляции равен 0,98) оказывают доходы федерального бюджета и финансовые результаты деятельности организаций.

В процессе проведения анализа была установлена значимая зависимость между величиной инвестиций в основной капитал и затратами на инновационную деятельность организаций. Кроме того, умеренное влияние на величину инвестиций в основной капитал оказывают финансовые результаты деятельности организаций.

Анализ уровня инновационного развития организаций, проведённый в целом по РФ, показал его зависимость в большей степени от величины доходов бюджета Российской Федерации. Величина показателя тесноты связи между данными показателями составила 0,98. Также анализ парных коэффициентов корреляции подтвердил наличие зависимости между уровнем затрат на инновационную деятельность организаций и величиной инвестиций в основной капитал.

Стоит отметить, что источники финансирования инвестиций оказывают умеренное влияние (0,38) на уровень инновационного развития организаций.

Согласно проведённому анализу статистических данных, объём инвестиций в основной капитал по Приволжскому федеральному округу демонстрирует высокую корреляцию (0,96) с величиной доходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации.

Также можно отметить умеренное влияние (0,68) на величину инвестиций в основной капитал финансовых результатов деятельности организаций и уровня инновационной активности по субъектам.

Корреляционный анализ величины затрат на инновационную деятельность организаций показал тесную взаимосвязь (0,97) с величиной доходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации.

Также проведённые расчёты подтвердили наличие тесной связи затрат на инновационную деятельность организаций и инвестиций в основной капитал.

Связь уровня инновационной активности и индекса промышленного производства характеризуется слабой теснотой на уровне 0,25.

Анализ инвестиционной активности в Оренбургской области за исследуемый период демонстрирует высокую степень зависимости величины инвестиций в основной капитал от суммы доходов бюджета региона. Коэффициент корреляции составляет 0,78, что свидетельствует о значительной взаимосвязи данных показателей. Важно отметить, что степень тесноты связи между рассматриваемыми параметрами снижается при переходе от федерального уровня к региональному. Так, если на уров-

не Российской Федерации коэффициент корреляции достигает значения 0,98, то на уровне Оренбургской области он снижается до величины 0,78.

Таблица 2

Оценка влияния факторов на величины инвестиций в основной капитал и уровень инновационного развития

Объект исследования	Инвестиции в основной капитал			Уровень инновационного развития		
	сильная зависимость	умеренная зависимость	слабая зависимость	сильная зависимость	умеренная зависимость	слабая зависимость
Российская Федерация	Доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ	Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) деятельности организаций	Индекс промышленного производства. Доля кредитов банков в общем объеме инвестиций в основной капитал	Доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ	Доля кредитов банков в общем объеме инвестиций в основной капитал	Индекс промышленного производства
Приволжский федеральный округ	Доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ	Уровень инновационной активности по субъектам. Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) деятельности организаций	Индекс промышленного производства	Доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ		Индекс промышленного производства
Оренбургская область	Доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ	Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) деятельности организаций	Индекс промышленного производства		Доля кредитов банков в общем объеме инвестиций в основной капитал	Индекс промышленного производства. Инвестиции в основной капитал

Умеренная зависимость (0,44) присутствует между величиной инвестиций в основной капитал и финансовыми результатами деятельности организаций. Влияние индекса промышленного производства на величину инвестиций в основной капитал, как на федеральном уровне, так и в Приволжском федеральном округе, характеризуется низким значением (коэффициент корреляции составляет 0,22).

Таким образом, анализ инвестиционной активности в Оренбургской области позволяет сделать вывод о том, что основным фактором, определяющим величину инвестиций в основной капитал региона, является сумма доходов бюджета Оренбургской области. Однако необходимо учитывать, что данная зависимость может изменяться под влиянием других факторов, включая экономическую ситуацию в стране и регионе, а также политические и социальные условия.

Корреляционный анализ величины затрат на инновационную деятельность организаций Оренбургской области не выявил факторов, оказывающих значимое влияние на уровень инновационного развития организаций области. При этом наблюдается умеренное влияние (0,59) доли кредитов банков в общем объеме инвестиций в основной капитал на уровень инновационного развития.

По итогам проведенного исследования стоит отметить, что на всех уровнях наблюдается слабая корреляция результативных показателей с индексом промышленного

производства. Значение данного показателя по степени тесноты связи не превышает 0,25 по РФ, ПФО и Оренбургской области. При этом величина показателя тесноты связи индекса промышленного производства с объёмом инвестиций в основной капитал и уровнем инновационного развития в два раза выше по Приволжскому федеральному округу и Оренбургской области, по сравнению со значениями по Российской Федерации.

Столь слабая взаимосвязь результативных признаков с индексом промышленного производства позволяет предположить развитие инновационных процессов преимущественно не в промышленном производстве, а в сфере информационных и коммуникационных технологий, услуг и финансов.

Анализ распределения инвестиций в основной капитал в РФ, ПФО и Оренбургской области по источникам финансирования за 2016–2022 гг. показал, что в структуре инвестиций в основной капитал по источникам преобладают собственные средства (рис. 1).

В Российской Федерации удельный вес собственных средств за анализируемый период составил чуть более половины от общего объёма инвестиций (52,8 %). В ПФО данный показатель был несколько выше и составил 60,4 %, однако к 2022 г. он снизился до уровня 57,1 %. Наибольший процент собственных средств в структуре инвестиций среди субъектов ПФО зафиксирован в Оренбургской области – 71,3 %. Аналогичное значение данного показателя наблюдалось и в Пермском крае в 2022 году.

В структуре привлечённых средств по Российской Федерации и Приволжскому федеральному округу преобладают бюджетные средства над кредитными. При этом за период с 2018 г. в Российской Федерации отмечается возрастающее превышение доли бюджетных ресурсов в привлечённых средствах над кредитными ресурсами – с 1,4 раза в 2018 г. до 2,0 раз в 2022 году.

В ПФО также наблюдается аналогичная тенденция, однако с более высокими темпами. Так, если в 2017 г. удельный вес бюджетных средств превышал долю кредитных ресурсов в 1,14 раза, то к 2022 г. данное превышение составило уже 4,3 раза.

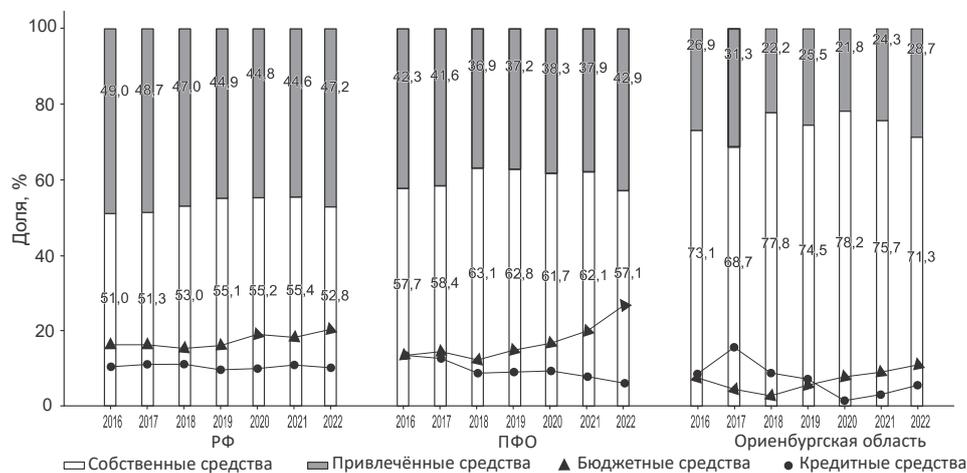

Рис. 1. Структура инвестиций в основной капитал по источникам финансирования за 2016–2022 гг.⁶

⁶ Составлено авторами по: Регионы России. Социально-экономические показатели.

В Оренбургской области в структуре привлечённых средств произошло перераспределение доминирующих источников финансирования:

– в 2017 г. доля кредитных средств банковских организаций в объёме инвестиций в основной капитал составляла 15,6 %. Однако к 2021 г. данный показатель значительно снизился и составил всего 3,2 %. Положительным моментом можно отметить рост доли кредитов банков до 5,7 % в 2022 г.;

– с 2018 г. наблюдается ежегодное увеличение доли бюджетных средств, которая к 2022 г. достигла 11,2 %;

– с 2020 г. отмечается тенденция превышения бюджетных средств над кредитами банков в структуре инвестиций в основной капитал.

Положительной тенденцией можно отметить уменьшение кратности превышения бюджетного финансирования над банковскими кредитами в составе инвестиций в основной капитал. Так, если в 2020 г. доля бюджетных средств в пять раз превышала долю кредитов банков, то к 2022 г. отмечается двукратное превышение доли бюджетных средств над долей кредитов банков в структуре инвестиций в основной капитал.

Отметим, что в области проводится системная работа по повышению инвестиционной привлекательности региона. Так, за период с 2016 по 2022 г. наблюдается значительное улучшение позиций Оренбуржья в Национальном рейтинге состояния инвестиционного климата в субъектах РФ. В частности, по результатам рейтинга 2023 г. Оренбургская область вошла в 15 лучших регионов по инвестиционной привлекательности, заняв 14-е место и улучшив свои показатели более чем на 35 позиций относительно 2015 года.

Среди ключевых способов повышения инвестиционной привлекательности региона остаётся создание особых экономических зон и территорий опережающего развития. Концепция Особой экономической зоны (ОЭЗ) в Оренбургской области ориентирована на предприятия нефтегазодобывающей отрасли и глубокой переработки, в том числе продукции агропромышленного комплекса. Для резидентов, осуществивших капитальные вложения в территории присутствия, действуют льготы, субсидии и комплекс мер поддержки.

За период функционирования с 2021 г. особой экономической зоны «Оренбуржье» на площадках в городах Оренбург и Орск новые производства открыли 13 компаний.

Территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) созданы в монопрофильных муниципальных образованиях (моногородах) – ТОСЭР «Новотроицк» и ТОСЭР «Ясный».

Дальнейшая разработка ТОСЭР и привлечение резидентов ОЭЗ на территорию Оренбургской области позволит продолжить создание условий и предпосылок для роста инвестиций в регионе.

Структура источников инвестиций по формам собственности существенно не изменилась и продолжает демонстрировать преобладание российской частной собственности на протяжении всего исследуемого периода.

Исследование финансового обеспечения технологического развития отраслей экономики показало, что структура инвестиций в основной капитал существенно не изменилась, несмотря на увеличение объёма инвестиций. Около трети всего объёма инвестиций приходится на приобретение машин и оборудования, при этом доля вложений в объекты интеллектуальной собственности не превышает 7 %. Следовательно,

можно отметить доминирование инвестиций в активную часть основных фондов, опосредующих внедрение технологических и продуктовых инноваций.

Выводы и обсуждения

Проведённое исследование позволило сделать, с одной стороны, однозначные выводы, с другой – выявить моменты, которые требуют дополнительных исследований и являются дискуссионными.

Во-первых, можно сделать следующее заключение о роли государства в этом процессе. В течение всего XXI в. российское государство остаётся лидером инвестиционно-инновационного процесса, что выражается не только в расширении государственного регулирования, но и в применении прямых мер в виде инвестиционного финансирования. Государственное регулирование выражается в принятии стратегических документов, соответствующих нормативно-правовых актов и развитии элементов национальной инновационной системы. Среди них назовём, в первую очередь, систему национальных проектов, комплексных стратегий развития важнейших сфер и секторов экономики. Формальное оценивание действий государства в сфере инновационно-инвестиционного развития со стороны экспертов (были привлечены руководители предприятий, представители региональной власти, аналитических органов, преподаватели вузов) позволило сделать вывод о наличии всех необходимых институтов. Содержательная оценка свидетельствует о необходимости быстрого, адекватного и эффективного изменения тех или иных мер.

В нашем исследовании установлено, что влияние государства опосредует показатель доходов консолидированных бюджетов, который, конечно, не охватывает полностью участия государства в инвестиционно-инновационном процессе, но свидетельствует о степени воздействия. Так, существенное влияние на величину инвестиции в основной капитал и уровень инновационной активности оказывает величина доходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации (что чётко прослеживается на уровне всей федерации, округа и входящей в его состав области).

Международное сопоставление России по доле организаций, получающих финансирование затрат на инновационную деятельность из средств бюджета, показало высокую долю организаций, получивших бюджетное финансирование как из средств национального бюджета, так и из средств региональных и местных бюджетов – 14,0 % и 11,8 % соответственно [18].

В связи с чем можно говорить о значимой роли государства в поддержке и стимулировании инвестиционной и инновационной деятельности через реализацию государственных программ, предоставление дотаций и софинансирование мероприятий.

Однако, по нашему мнению, в настоящее время отсутствуют необходимые условия и не принимаются соответствующие меры на государственном уровне для эффективного привлечения ресурсов банковского сектора для инновационного развития организаций.

В условиях ужесточения денежно-кредитной политики Центрального Банка Российской Федерации необходима разработка инструментов, направленных на снижение стоимости банковских кредитов и развитие банковского кредитования в инвестиционной деятельности организаций реального сектора экономики.

В структуре инвестиций наибольший удельный вес занимают собственные средства организаций в виде амортизационных отчислений, прибыли, уставного капитала, перечислений вышестоящих организаций. За рассматриваемый период удельный вес привлечённых средств в РФ и ПФО составлял менее половины от об-

щего объёма инвестиций в основной капитал. В Оренбургской области данный показатель за аналогичный период составлял в среднем более 70 %, достигая в отдельные годы значений 77,8 % (2018 г.) и 78,2 % (2020 г.). При этом доля кредитов банков на протяжении всего периода в Оренбургской области почти всегда была ниже 10 %.

За последние 5 лет по РФ и ПФО наблюдается превышение доли бюджетных средств над кредитными. Так, в 2022 г. в целом по РФ и Оренбургской области превышение бюджетных средств над кредитными составляло два и более раза, в ПФО – 4,3 раза.

Во-вторых, можно сделать вывод о наличии тесной взаимосвязи между инновационной и инвестиционной деятельностью организаций. Полагаем возможным утверждать, что организации, реализующие инновационную деятельность, успешно осуществляют и инвестиционную деятельность.

Наличие прибыльных предприятий и имеющих достаточно собственных средств значимо влияет на инвестиционные процессы.

Среди организаций, прекративших инновационную деятельность в 2019–2021 гг., наибольшая доля приходится на организации промышленного производства [18]. В 2022 г., по данным Росстата, в наиболее значимых отраслях экономики (добывающей и обрабатывающей) доля убыточных организаций составила более 50 %, а в сфере услуг, туризма, гостиничного бизнеса и сферы общественного питания – не более 25 %, что не способствует развитию инновационной деятельности.

Дополнительно отметим такой фактор предпринимательской деятельности, как доверие. Не задействованный в авторских расчётах, он, тем не менее, значимо влияет на различные аспекты экономической жизни. Опосредованно можно судить об уровне доверия по такому показателю, как индекс предпринимательской уверенности. Являясь качественным показателем и рассчитываемый на основе ответов руководителей, индекс предпринимательской уверенности в длительной динамике свидетельствует об объективности оценок. Если в течение 2019–2022 гг. включительно данный показатель имел преимущественно отрицательную динамику, то в течение 2023 и первом полугодии 2024 г. ожидания и уверенность руководителей добывающих и обрабатывающих предприятий приобрели положительное значение⁷.

Таким образом, проведённым исследованием сформирована информационная база для разработки и принятия ряда решений как прямого, так и косвенного влияния, которые будут способствовать расширению инновационно-инвестиционного процесса и активизировать процесс формирования технологического суверенитета и лидерства в российской экономике.

Список литературы

1. *Аганбегян, А. Г.* Россия: от стагнации к устойчивому социально-экономическому росту / А. Г. Аганбегян // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2022. – Т. 237, № 5. – С. 310–362.
2. *Акбердина, В. В.* Оценка эффективности деятельности Фонда развития промышленности в макрорегионе – Уральском федеральном округе / В. В. Акбердина, О. П. Смирнова // Экономический анализ: теория и практика. – 2022. – Т. 21, № 3 (522). – С. 400–415.

⁷ *Опережающие индикаторы по видам экономической деятельности // Федеральная служба государственной статистики: [сайт] URL: https://rosstat.gov.ru/leading_indicators (дата обращения 18.08.2024).*

3. Акбердина, В. В. Региональные аспекты индустриального развития: обзор подходов к формированию приоритетов и механизмов регулирования / В. В. Акбердина, О. А. Романова // Экономика региона. – 2021. – Т. 17, № 3. – С. 714–736.

4. Арсланов, Ш. Д. Инвестиционное развитие регионов СКФО: новый инвестиционный стандарт / Ш. Д. Арсланов // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2023. – № 5 (151). – С. 55–65.

5. Бодрунов, С. Д. Преодоление вызовов глобальной трансформации: НТП, знания, ноономика / С. Д. Бодрунов // Проблемы прогнозирования. – 2023. – № 4 (199). – С. 8–14.

6. Глазьев, С. Ю. Дополнение системы стратегического планирования источниками финансирования / С. Ю. Глазьев // Стратегирование: теория и практика. – 2023. – Т. 3, № 3 (9). – С. 261–276.

7. Глазьев, С. Ю. Перспективы развития России на длинной волне роста нового технологического уклада / С. Ю. Глазьев // Экономическое возрождение России. – 2023. – № 2 (76). – С. 27–32.

8. Ермакова, Ж. А. Финансовое обеспечение технологического развития отраслей экономики / Ж. А. Ермакова // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. – 2023. – Т. 14, № 3. – С. 59–70.

9. Жильников, А. Ю. Оценка инновационно-инвестиционного развития строительной отрасли / А. Ю. Жильников, Е. А. Губертов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2018. – Т. 8, № 1 (26). – С. 80–88.

10. Зурин, М. В. Влияние инвестиционных процессов на производство инновационной продукции / М. В. Зурин // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2023. – Т. 5, № 2 (134). – С. 85–92.

11. Корабейников, И. Н. Совершенствование потенциала инновационно-инвестиционного развития регионального производственного комплекса: методический подход / И. Н. Корабейников, Ю. С. Токарева // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. – 2012. – № 1. – С. 82–96.

12. Куклина, Е. А. Концептуальные основы развития экономики и инновационно-инвестиционное развитие промышленности России / Е. А. Куклина, А. И. Федорков // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2012. – Т. 6, № 1. – С. 7–17.

13. Ленчук, Е. Б. Научно-технологическое развитие как фактор ускорения экономического роста в России / Е. Б. Ленчук // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2020. – Т. 222, № 2. – С. 126–134.

14. Ленчук, Е. Б. Технологическая модернизация как основа антисанкционной политики / Е. Б. Ленчук // Проблемы прогнозирования. – 2023. – № 4 (199). – С. 54–66.

15. Мустафаева, Э. И. Инновационно-инвестиционное развитие Республики Крым как фактор повышения конкурентоспособности региона / Э. И. Мустафаева // Учёные записки Крымского инженерно-педагогического университета. – 2022. – № 4 (78). – С. 125–129.

16. Орлова, К. Ю. Формирование направлений инновационно-инвестиционного развития системообразующих предприятий Самарской области / К. Ю. Орлова // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. – 2021. – Т. 12, № 2. – С. 67–77.

17. Приоритеты научно-технологического развития регионов: механизмы реализации / под ред. д.э.н. Ю. Г. Лавриковой. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2020. – 603 с.

18. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 8 / В. Л. Абашкин, Г. И. Абдрахманова, С. В. Бредихин и др.; под ред. Л. М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2023. – 260 с.

19. Романова, О. А. Базовые отрасли промышленных регионов России: образ будущего / О. А. Романова, Д. В. Сиротин // *Journal of New Economy*. – 2022. – Vol. 23, No. 2. – P. 9–28.

20. Романова, О. А. Многовекторная промышленная политика России в условиях формирования нового индустриального ландшафта / О. А. Романова, А. О. Пономарёва // *Журнал экономической теории*. – 2020. – Т. 17, № 2. – С. 276–291.

21. Фролов, И. Э. Методические основы прогнозирования инновационно-инвестиционного развития высокотехнологичной промышленности / И. Э. Фролов, В. Н. Борисов, Н. А. Ганичев [и др.] // *Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН*. – 2023. – Т. 21, № 3. – С. 71–97.

22. Шумпетер, Й. Теория экономического развития: (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры) / Й. Шумпетер; пер. с нем. В. С. Автомонова и др. – М.: Прогресс, 1982. – 455 с. – (ЭМЗ. Экономическая мысль Запада) (Для научных библиотек).

23. Ganda, F. The Impact of Innovation and Technology Investments on Carbon Emissions in Selected Organization for Economic Co-operation and Development Countries / F. Ganda // *Journal of Cleaner Production*. – 2019. – Vol. 217, No. 2. – P. 469–483. DOI: 10.1016/j.jclepro.2019.01.235.

24. Carlaw, K. I. Productivity, Technology and Economic Growth: What is the Relationship? / K. I. Carlaw, R. G. Lipsey // *Journal of Economic Surveys* / Wiley Blackwell. – 2003. – Vol. 17, No. 3. – P. 457–495. DOI: 10.1111/1467-6419.00201.

References

1. Aganbegjan A. G. (2022) Rossiya: ot stagnacii k ustojchivomu social'no-jekonomicheskomu rostu [Russia: from stagnation to sustainable socio-economic growth]. *Nauchnye trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii*, vol. 237 (5), pp. 310–362.

2. Akberdina V. V., Smirnova O. P. (2022) Ocenka jeffektivnosti dejatel'nosti Fonda razvitija promyshlennosti v makroregione – Ural'skom federal'nom okruge [Evaluation of the effectiveness of the Industrial Development Fund in the macro-region – Ural Federal District]. *Jekonomicheskij analiz: teorija i praktika*, vol. 21 (3), pp. 400–415.

3. Akberdina V. V., Romanova O. A. (2021) Regional'nye aspekty industrial'nogo razvitija: obzor podhodov k formirovaniju prioritetov i mehanizmov regulirovanija [Regional aspects of industrial development: an overview of approaches to the formation of priorities and regulatory mechanisms]. *Jekonomika regiona*, vol. 17 (3), pp. 714–736.

4. Arslanov Sh. D. (2023) Investicionnoe razvitie regionov SKFO: novyj investicionnyj standart [Investment development of the North Caucasus Federal District regions: a new investment standard]. *Regional'nye problemy preobrazovanija jekonomiki*, 5 (151), pp. 55–65.

5. Bodrunov S. D. (2023) Preodolenie vyzovov global'noj transformacii: NTP, znaniya, noonomika [Overcoming the challenges of global transformation: STP, knowledge, noonomy]. *Problemy prognozirovanija*, 4 (199), pp. 8–14.

6. Glaz'ev S. Ju. (2023) Dopolnenie sistemy strategicheskogo planirovanija istochnikami finansirovanija [Supplementing the strategic planning system with sources of financing]. *Strategirovanie: teorija i praktika*, vol. 3 (3), pp. 261–276.

7. Glaz'ev S. Ju. (2023) Perspektivy razvitija Rossii na dlinnoj volne rosta novogo tehnologicheskogo uklada [Prospects for the development of Russia in the long wave of growth of a new technological order]. *Jekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*, 2 (76), pp. 27–32.

8. Ermakova Zh. A. (2023) Finansovoe obespechenie tehnologicheskogo razvitija otraslej jekonomiki [Financial support for the technological development of economic sectors]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Jekonomika i upravlenie*, vol. 14 (3), pp. 59–70.

9. Zhil'nikov A. Ju., Gubertov E. A. (2018) Ocenka innovacionno-investicionnogo razvitija stroitel'noj otrasli [Assessment of the innovative and investment development of the construction industry]. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Jekonomika. Sociologija. Menedzhment*, vol. 8 (1), pp. 80–88.

10. Zurin M. V. (2023) Vlijanie investicionnyh processov na proizvodstvo innovacionnoj produkcii [The impact of investment processes on the production of innovative products]. *Jekonomika i upravlenie: problemy, reshenija*, vol. 5 (2), pp. 85–92.

11. Korabejnikov I. N., Tokareva Ju. S. (2012) Sovershenstvovanie potenciala innovacionno-investicionnogo razvitija regional'nogo proizvodstvennogo kompleksa: metodicheskij podhod [Improving the potential of innovative and investment development of the regional industrial complex: a methodological approach]. *Vestnik UrFU. Serija: Jekonomika i upravlenie*, 1, pp. 82–96.

12. Kuklina E. A., Fedorkov A. I. (2012) Konceptual'nye osnovy razvitija jekonomiki i innovacionno-investicionnoe razvitie promyshlennosti Rossii [Conceptual foundations of economic development and innovative investment development of Russian industry]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, vol. 6 (1), pp. 7–17.

13. Lenchuk E. B. (2020) Nauchno-tehnologicheskoe razvitie kak faktor uskorenija jekonomicheskogo rosta v Rossii [Scientific and technological development as a factor of accelerating economic growth in Russia]. *Nauchnye trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii*, vol. 222 (2), pp. 126–134.

14. Lenchuk E. B. (2023) Tehnologicheskaja modernizacija kak osnova antisankcionnoj politiki [Technological modernization as the basis of anti-sanctions policy]. *Problemy prognozirovaniya*, 4 (199), pp. 54–66.

15. Mustafaeva Je. I. (2022) Innovacionno-investicionnoe razvitie Respubliki Krym kak faktor povyshenija konkurentosposobnosti regiona [Innovative and investment development of the Republic of Crimea as a factor in increasing the competitiveness of the region]. *Uchenye zapiski Krymskogo inzhenerno-pedagogicheskogo universiteta*, 4 (78), pp. 125–129.

16. Orlova K. Ju. (2021) Formirovanie napravlenij innovacionno-investicionnogo razvitija sistemoobrazujushhijh predpriyatij Samarskoj oblasti [Formation of directions of innovative and investment development of the backbone enterprises of the Samara region]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Jekonomika i upravlenie*, vol. 12 (2), pp. 67–77.

17. Lavrikovoj Ju. G. (2020) Priorityety nauchno-tehnologicheskogo razvitija regionov: mehanizmy realizacii [Priorities of scientific and technological development of regions: implementation mechanisms]. *Ekaterinburg, Institut jekonomiki UrO RAN*, 603 p.

18. Gohberg L. M., Abashkin V. L., Abdrahmanova G. I., Bredihin S. V. (2023) Rejting innovacionnogo razvitija sub#ektov Rossijskoj Federacii [Rating of innovative development of the subjects of the Russian Federation]. *Moscow, ISIJez VShJe*, 260 p.

19. Romanova O. A., Sirotin D. V. (2022) Bazovye otrasli promyshlennyh regionov Rossii: obraz budushhego [Basic branches of industrial regions of Russia: the image of the future]. *Journal of New Economy*, vol. 23 (2), pp. 9–28.

20. Romanova O. A., Ponomareva A. O. (2020) *Mnogovektornaja promyshlennaja politika Rossii v uslovijah formirovanija novogo industrial'nogo landshafta* [Russia's multi-vector industrial policy in the context of the formation of a new industrial landscape]. *Zhurnal jekonomicheskoj teorii*, vol. 17 (2), pp. 276–291.

21. Frolov I. Je., Borisov V. N., Ganichev N. A., Tresoruk A. A., Plotnikova D. A. (2023) *Metodicheskie osnovy prognozirovanija innovacionno-investicionnogo razvitija vysokotehnologichnoj promyshlennosti* [Methodological foundations of forecasting innovation and investment development of high-tech industry]. *Nauchnye trudy: Institut narodnohozjajstvennogo prognozirovanija RAN*, vol. 21 (3), pp. 71–97.

22. Shumpeter J. (1982) *Teorija jekonomicheskogo razvitija* [Theory of economic development]. Moscow, Progress Publ., 455 p.

23. Ganda F. (2019) *The Impact of Innovation and Technology Investments on Carbon Emissions in Selected Organization for Economic Co-operation and Development Countries*. *Journal of Cleaner Production*, vol. 217, pp. 469–483.

24. Kenneth I. (2003) *Carlaw & Richard G. Lipsey. Productivity, Technology and Economic Growth: What is the Relationship?* *Journal of Economic Surveys*. Wiley Blackwell, vol. 17 (3), pp. 457–495.

Zh. A. Ermakova⁸, V. V. Svechnikova⁹. Mutual Influence of Investment and Innovative Development in the Regions of the Russian Federation. The purpose of the study was to identify trends in innovation and investment processes in the Russian Federation, the Volga Federal District and the Orenburg Region, as well as to identify factors influencing the dynamics of these processes. The hypothesis of the study was that the development of innovative activities is facilitated by government support, as well as developed mechanisms for attracting credit funds for investment activities. The main research methods were monographic, comparative and correlation analysis, and graphical. The analysis revealed a strong dependence of the volume of investments on the revenues of the consolidated budgets of the subjects of the Russian Federation, as well as the impact of the share of credit funds in the volume of investments on the level of innovative development.

Keywords: investment, innovation, impact, development, correlation analysis.

⁸ *Zhanna A. Ermakova*, Director of the Orenburg Branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (460000, Russian Federation, Orenburg, Pionerskaya str., 11), Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, e-mail: 56ermakova@mail.ru

⁹ *Victoria V. Svechnikova*, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Sciences of Novotroitsk Branch of MISIS (462359, Russian Federation, Novotroitsk, Frunze str., 8), Candidate of Economic Sciences, Docent, e-mail: Svechnikova2007@yandex.ru

DOI: 10.37930/1990-9780-2024-4-82-35-49

С. А. Толкачев¹, А. Ю. Тепляков²

РОССИЯ В КОНЦЕПТУАЛЬНОМ РАКУРСЕ «НОВОЙ» ЭКОНОМИКИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ³

Западная экономическая мысль находится в поиске новых теоретических концепций, способных стать основой проводимой в условиях краха глобализации экономической политики. Неолиберальные рецепты, отражённые в «Вашингтонском консенсусе», давно себя дискредитировали. Кандидатом на роль новой консенсусной теоретической концепции выступает так называемая «новая» экономика предложения, наиболее популярной версией которой стала «парадигма продуктивизма», предлагаемая Д. Родриком. Введение в лексикон экономической политики России концепции «экономики предложения», произошедшее в 2023 г., отражает сходство доктринальных установок как в нашей стране, так и на Западе. Закономерности долгосрочного циклического технологического и мирохозяйственного развития проявляются в востребованности «новой» экономики развития с её акцентами на реиндустриализацию и суверенизацию национальной промышленности. Анализ установок экономики предложения в комментариях ведущих представителей российского экономического блока показывает, что её концептуальный образ не выражается теоретически непротиворечивой логикой. Порой в качестве концептуальных основ экономики предложения представляются устаревшие положения неолиберальных теорий. Хотя современная экономика предложения концептуально сходна с доктринами промышленной политики, замещающими рынки государством для достижения прогрессивных структурных преобразований экономики. В практических инструментах реализации российской экономики предложения не прослеживается идеи самоподдерживающегося импульса структурных преобразований. Не соответствует единой логике «новой экономики предложения» разнонаправленность налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики в России. Нет должного понимания правильного структурирования социально-экономических групп являющихся потенциальными драйверами необходимых структурных преобразований.

Ключевые слова: Вашингтонский консенсус, новая экономика предложения, продуктивизм, мирохозяйственный уклад, экономическая политика

УДК 338.28, 330.341.1, 339.98

¹ Сергей Александрович Толкачев, профессор кафедры экономической теории, главный научный сотрудник Института глобальных исследований Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (125167, РФ, Москва, Ленинградский пр-т, 49/2), д-р экон. наук, профессор, e-mail: tsa2000@mail.ru

² Артем Юрьевич Тепляков, ведущий научный сотрудник Института глобальных исследований Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (125167, РФ, Москва, Ленинградский пр-т, 49/2), канд. экон. наук, e-mail: teplyakov@mail.ru

³ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счёт бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета 2024 года.

Введение

Тот факт, что мировая экономика последние несколько лет пребывает в состоянии затянувшейся неопределённости между хлипким оживлением и ожиданием погружения в очередную рецессию несколько затеняет более важную для экономистов очевидность – глубокий концептуальный кризис и системы макроэкономического регулирования и её теоретических основ. «Вашингтонский консенсус» как набор универсальных правил, составлявший регулятивную рамку экономической политики всех стран мира в эпоху завершившейся глобализации, перестал выполнять свою роль «настоющей книги» макроэкономиста-практика. То же самое касается неоллиберальной экономической теории, неоклассической школы, подвергаемой в последние годы прямым обвинениям в неадекватности. Например, авторитетнейший современный экономист, лауреат Нобелевской премии Джозеф Стиглиц в своих последних публикациях уже не только «похоронил» неоллиберализм⁴, но и активно размышляет о его преемнике⁵.

Официальные лица большой политики также отвергли неоллиберализм. Видный деятель демократической администрации США при Джо Байдене Джейк Салливан, помощник Президента по национальной безопасности в апреле 2023 г. заявил, что неоллиберальная экономическая парадигма завела страну в тупик и не способна противостоять фундаментальным вызовам, стоящим перед современной Америкой, призвал к поиску нового консенсуса, указав, что экономическая политика Байдена является современным воплощением легендарного «Нового курса» Ф. Д. Рузвельта⁶.

На смену неоллиберализму как политико-экономической доктрине, управлявшей разваливающимся глобализированным миром, западные интеллектуалы и общественно-политические силы подыскивают новую теоретическую концепцию, и, кажется, весьма популярной становится концепция «новой экономики предложения». Министр финансов Джанет Йеллен в 2022 г. назвала проводимую администрацией Джо Байдена экономическую политику «современной экономикой предложения»⁷.

У новой или современной экономики предложения ещё нет строго очерченной теоретической базы, рекомендуются различные подходы, но наибольшую извест-

⁴ Stiglitz J. Neoliberalism must be pronounced dead and buried. Where next? // The Guardian. 30 May 2019. URL: <https://www.theguardian.com/business/2019/may/30/neoliberalism-must-be-pronounced-dead-and-buried-where-next> (дата обращения: 23.08.2024).

⁵ Stiglitz J. What Comes After Neoliberalism? // Project Syndicate. Jun 4, 2024. URL: <https://www.project-syndicate.org/onpoint/what-comes-after-neoliberalism> (дата обращения: 23.08.2024).

⁶ Remarks by National Security Advisor Jake Sullivan on Renewing American Economic Leadership at the Brookings Institution // The White House. April 27, 2024. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2023/04/27/remarks-by-national-security-advisor-jake-sullivan-on-renewing-american-economic-leadership-at-the-brookings-institution/> (дата обращения: 23.08.2024).

⁷ Remarks by Secretary of the Treasury Janet L. Yellen at the 2022 'Virtual Davos Agenda' Hosted by the World Economic Forum // U.S. Department of the Treasury [site]: Secretary Statements & Remarks. January 21, 2022. URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy056521> (дата обращения: 23.08.2024).

ность, однако, приобретает «парадигма продуктивизма»⁸ (производительной экономики), выдвинутая в 2022 г. очень популярным в настоящее время американским гарвардским профессором Дэни Родриком: «Это подход, который ставит во главу угла распространение продуктивных экономических возможностей во всех сферах экономики и сегментах рабочей силы. Он отличается от того, что непосредственно предшествовало ему («неолиберализм») тем, что отводит правительствам (и гражданскому обществу) значительную роль в достижении этой цели. Он меньше доверяет рынкам и с подозрением относится к крупным корпорациям. Он ставит во главу угла производство и инвестиции, а не финансы, и возрождение местных сообществ над глобализацией»⁹.

«Производительный» подход продуктивизма позволяет отнести эту концепцию к семейству так называемых «предложенческих» экономических теорий, и в этом плане она подобна с объявленной в июне 2023 г. Президентом России В. В. Путиным новой доктрине «экономики предложения», причисленной им к «суверенной экономике, которая... предполагает масштабное наращивание производительных сил и... создание новых современных индустриальных мощностей и целых отраслей»¹⁰.

Представляется, что проявленный и в США, и в России концептуальный интерес к «производственно-предложенческой» стороне экономической теории не является чистым конъюнктурным совпадением, но отражает острую потребность в общественной манифестации совокупности новых экономических идей и принципов, способных объединить и организовать экономические элиты в рамках повестки нового, неясного и турбулентного мира.

Теоретическая востребованность «новой экономики предложения» в России

Российский общественно-экономический дискурс, десятилетиями вращавшийся отечественными эпигонами неолиберализма как провинциальный по отношению к первородным истокам единственно верной западной неолиберальной мысли, с большим опозданием приспособляется к новой повестке. Так, в начале 2010-х гг. в российской экспертной среде часто встречался и доказывался тезис о том, что «развитие российской экономики сдерживают прежде всего институциональные барьеры» [1, с. 57]. Однако уже в конце 2010-х гг. научный дискурс претерпевает заметную трансформацию: «наиболее серьёзным барьером в развитии экономики страны» всё чаще признаются «введённые западными странами санкции» [2, с. 275]. Тем не менее С. Д. Бодрунов совершенно справедливо замечает, что, несмотря на то что в мире идёт перестройка многих институтов экономики и политики, «мы по-прежнему – и в своих исследованиях, и в практических рекомендациях, и в “живой” экономической практике – опираемся в

⁸ Rodrik D. The New Productivism Paradigm? // Project Syndicate. Jul 5, 2022. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/new-productivism-economic-policy-paradigm-by-dani-rodrik-2022-07> (дата обращения: 23.08.2024).

⁹ Rodrik D. On Productivism. URL: https://drodrik.scholar.harvard.edu/sites/scholar.harvard.edu/files/dani-rodrik/files/on_productivism.pdf (дата обращения: 23.08.2024).

¹⁰ Путин заявил о важности построения экономики предложения в России // Информационное агентство ТАСС. 22 августа 2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18561401> (дата обращения: 23.08.2024).

основном на догмы рыночного фундаментализма. В экономической науке продолжаем работать в методологическом и теоретическом пространстве монетаризма; ...не уделяя должного внимания новым взглядам, предлагаемым гетеродоксальной экономической наукой» [3, с. 6].

Такая концептуальная «заторможенность» российской экономической мысли, недоверие к новым идеям является результатом тридцатипятилетнего насаждения неоклассической парадигмы, искоренившей не только советскую политэкономия, но и более исторически глубокие нарративы экономического поведения. Как верно замечают А. В. Верников и А. А. Курышева, «одна из особенностей научного и экспертного дискурса последних десятилетий в России – продвижение нарратива о несостоятельности и непродуктивности русских ценностей и культурных традиций, в частности экономического поведения» [4, с. 132]. Они же тонко подмечают, что транслируемые неолиберальным мейнстримом ценностные установки экономического поведения, такие как безудержное потребление, соревновательность в потреблении, жизнь в долг, являются непродуктивными в долгосрочной перспективе, но они выдавались за эталонные образцы эффективной организации экономики. Однако наметившийся поворот западных экономических концептуалистов к «новой экономике предложения», в частности к «продуктивизму», отражает разрыв с неолиберальной экономикой, который затрагивает и ценностные установки. В частности, новая экономика предложения нацелена на рост производства в ущерб глобалистским принципам международного разделения труда, культивировавшим максимизацию потребления в стране путём уступки иностранным компаниям части национального производственного потенциала.

Некоторое отдалённое методологическое сходство формирующаяся «новая экономика предложения» имеет с установками «классических» институционалистов прошлого века, особенно с эволюционной теорией Торстейна Веблена. Согласно его взглядам, традиция может стать опорой для роста технологического мастерства и связывается с долгосрочным развитием общества и сохранением его идентичности [4, с. 132]. Направленность «продуктивизма» Д. Родрика на создание «хороших рабочих мест» соответствует линии на сохранение и развитие западной традиции технологического сообщества, той социально-экономической «грибницы» общества, которая долгие годы воплощала лучшие цивилизационные достижения Запада: промышленную организацию, научно-технический прогресс, технологическое превосходство.

Как это ни парадоксально, «новая экономика предложения» и «продуктивизм» в некоторой степени соответствуют концептуальной линии формирования нового интегрального мирохозяйственного уклада (МХУ), разрабатываемого в трудах академика РАН С. Ю. Глазьева [5]. Он, в частности, замечает, что государства в новом МХУ «реализуют общественные интересы роста национального народного благосостояния. Преимущество общественных интересов над личными является абсолютным приоритетом. Макроэкономическая политика кардинально меняется: технологические сдвиги переходят в политико-экономические и геополитические трансформации. Государство становится целостным институтом развития, резко возрастает значение инвестиционной, промышленной и научно-технической политики» [6, с. 31]. Промышленная политика и лидирующая роль государства, а не «рынков», в концепции «продуктивизма» Д. Родрика занимают основополагающее место. Идея безусловного приоритета общественных интересов над личными в «продуктивизме», конечно, не заявляется, но её заменяет установка на обязатель-

ный рост «количества и качества рабочих мест, доступных для менее образованных и менее квалифицированных членов рабочей силы, там, где они предпочитают (или могут позволить себе) жить»¹¹.

Противоречия российской экономики предложения

Санкционный режим подтолкнул российских концептуалистов в области экономической политики (надеюсь, таковые всё-таки существуют) к разработке доктрины «экономики предложения». Переход России к экономике предложения был анонсирован Президентом Путиным на Санкт-Петербургском международном экономическом форуме в июне 2023 г., где он отождествил новую доктрину с «суверенной экономикой, которая не только реагирует на рыночную конъюнктуру и учитывает спрос, а сама формирует этот спрос»¹².

Впоследствии первый вице-премьер Правительства А. Р. Белоусов обосновал принятие новой доктрины переходом к третьей фазе развития экономики при Президенте В. В. Путине. Эта фаза, начавшаяся с 2022 г., «была связана не только с введением масштабных санкций, но и со сдвигами в мировой экономике – распадом глобальной внешнеторговой системы, изменением климата и технологической гонкой»¹³. Белоусов подтвердил, что доктрина «экономики предложения» идёт в русле осознания необходимости структурной перестройки экономики и достижения технологического, экономического и финансового суверенитета России.

Дополнительные комментарии со стороны заместителя министра экономического развития России Полины Крючковой, которая, очевидно, принимала участие в обосновании этого нового организующего призыва, показывают две вещи. Первое – не следует отождествлять российский вариант «экономики предложения» с почти одноимённой теорией «экономики, ориентированной на предложение», или *supply-side economics*, бывшей органической частью рейганомики в начале 1980-х годов. Второе – отрадное признание решающей роли государства в организации «с нуля» вышеуказанных «новых индустриальных мощностей и целых отраслей». Можно надеяться, что российский Минэк, так же как и американские элиты, избавился от иллюзий «самонастраивающихся свободных рынков» (которые, кстати, предполагала американская «экономика предложения»). Говоря словами П. Крючковой, «есть суперсложные многолетние проекты, где естественным образом ничего не произойдёт, даже если обнулить налоговую нагрузку. С учётом всех рисков и потребностей в капитале такие отрасли вряд ли сами по себе возникнут. Налоговые инструменты – это лишь один из типов инструментов, наряду с льготным кредитованием, поручительствами институтов развития и так далее»¹⁴.

Однако последующее обсуждение новой доктринальной установки экономического развития в российской управленческой элите выявило концептуальные неясности

¹¹ Rodrik D. On Productivism.

¹² Путин заявил о важности построения экономики предложения в России.

¹³ Белоусов описал механизм достижения целей майского указа по экономике // Ведомости. 08.05.2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2024/05/08/1036256-belousov-opisal-mehanizm> (дата обращения: 23.08.2024).

¹⁴ В Минэке пояснили, как должна работать экономика предложения // Ведомости. 13.12.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/12/13/1010929-mineke-ekonomika-predlozheniya> (дата обращения: 23.08.2024).

и расхождения в её трактовке. Первый вице-премьер Правительства России А. Р. Белоусов сделал акцент на «...совершенствовании структуры занятости, расширении предпринимательской активности, обеспечении роста инвестиций, повышении эффективности реального сектора и сферы услуг, увеличении производительности труда, включая автоматизацию, новые системы управления и освоения технологий искусственного интеллекта», а в качестве четырёх основных драйверов экономики предложения выделил «динамику производительности труда, рост инвестиций и изменение структуры источника финансирования инвестиций на протяжении всего периода, рост несырьевого неэнергетического экспорта и формирование транспортно-логистических коридоров для российских грузов»¹⁵. Тем самым А. Р. Белоусов продемонстрировал технократический подход к проблеме, обозначив реальные управленческие проблемы и задачи.

Белоусов считает, что фундаментом роста на ближайшую перспективу будут «базовые отрасли: сельское хозяйство, транспортировка и хранение, обрабатывающая промышленность, торговля, строительство и финансы. Темпы расширения предложения в этих секторах к концу десятилетия составят 16–24 % (выпуск товаров и услуг в год). Сферами опережающего роста будут отрасли культуры и спорта, здравоохранения и соцуслуг, образования, научно-технической деятельности и ИТ и связи. К 2030 г. каждая из них увеличится на 25–30 %. Энергетический сектор будет расти гораздо скромнее – добыча полезных ископаемых прибавит 9,7 %, а сфера обеспечения электроэнергией и газом увеличится на 9,6 %»¹⁶. Здесь уместно будет задать вопросы о недостаточной приоритизации направлений развития с учётом осознанной необходимости структурной перестройки экономики. В некоторой степени ясна неприоритетность топливно-энергетического комплекса (ТЭК) с учётом драматических геоэкономических событий. Однако почему в состав «базовых отраслей» вошла почти вся остальная экономика, включая торговлю и финансы, но не вошёл ТЭК?

Хотя общепризнанного определения определения понятия «базовые отрасли» не существует, консенсус среди экономистов выделяет их по таким критериям, как: 1) жизненно важные, обеспечивающие базовые потребности населения – пища, вода, энергия и пр.; 2) отрасли, находящиеся в начале протяжённых технологических цепочек и представляющие собой «корневую систему» для прочих отраслей, например металлургия, конструкционные материалы, нефтехимия, та же энергия. Исходя из данных подходов, в состав базовых отраслей обязательно должен войти ТЭК, многие отрасли добывающей промышленности (первичный сектор), но вряд ли вся огромная обрабатывающая промышленность. Непонятным остаётся, почему культура и спорт, при всём уважении к данным сферам формирования здорового человеческого капитала, рассматриваются как отрасли опережающего роста, при том что весь мир, включая Россию, осознал приоритетность структурной перестройки, прежде всего, промышленного комплекса в эпоху Четвёртой промышленной революции и шестого технологического уклада.

Но данные неряшливости в деталях, разумеется, менее важны, чем концептуальная неопределённость российской экономики предложения. Министр экономического развития М. Решетников увидел решение новой задачи в прочтении старых концептуальных установок, заявив, что «ценностным ориентиром в работе Правительства по развитию экономики предложения является качество её ключевых институтов: частной собственности, свободы ценообразования и конкуренции». Он при этом под-

¹⁵ Белоусов описал механизм достижения целей майского указа по экономике.

¹⁶ То же.

черкнул, что «частные права собственности необходимо расширять в экономике»¹⁷. Институциональная доминанта мышления министра экономики есть не что иное, как проекция модернизированного Вашингтонского консенсуса на радикально изменившиеся условия хозяйствования. Представление о том, что приватизация и дерегулирование (свобода ценообразования и конкуренция) способны в нынешних российских условиях решить задачи «создания новых современных индустриальных мощностей и целых отраслей», по меньшей мере, наивно. Ведь все прошедшие 30 лет построения так называемой рыночной экономики эти «ценностные ориентиры» решали ровно противоположные задачи – уничтожения «индустриальных мощностей и целых отраслей».

О неупорядоченном понимании доктрины экономики предложения говорят и противоречивые высказывания А. Р. Белоусова. С одной стороны, он осознаёт, что для роста предложения необходим рост инвестиций, и Президент в Послании Федеральному Собранию поставил перед Правительством цель увеличить объём инвестиций в ключевых областях экономики РФ на 70 % к 2030 году. Ключевые условия для роста инвестиций в России, по его мнению, помимо расширяющихся рынков и низких управляемых рисков, включают дешёвые деньги, которые зависят от «нашего фондового рынка и от ключевой ставки». С другой стороны, он призывает бизнес «быть готовым к периоду высоких ставок», которые постепенно будут идти вниз. Ключевая ставка к 2027 г. будет составлять 6–7 %, с 2028 по 2030 г. она будет находиться в диапазоне 4–6 %. «Экономика должна приспособиться к структурным изменениям, которые сейчас в ней происходят и будут происходить. Прежде всего, понятно, к высокой ключевой ставке, которая, так или иначе, у нас сохранится. Но она будет, мы все надеемся, снижаться вслед за снижением инфляции, хотя и будет повышенной. В район 6–7 % она должна выйти к 2027 году»¹⁸.

Фактическая солидаризация первого вице-преьера с доминантой мышления главы ЦБ РФ в вопросах, во-первых, примата инфляционного фактора, и, во-вторых, возможности воздействия на инфляцию через ключевую ставку оставляет сомнения в приоритетности таких целей заявленной экономики предложения как рост инвестиций и производительности труда, структурная перестройка экономики, создание новых передовых отраслей.

Таким образом, приходится констатировать, что вброшенный в российский общественный дискурс термин, помимо нового для российской практики названия, не содержит логически обоснованной экономической картины мира и отличается концептуальными и содержательными противоречиями. Во-первых, основная заявленная цель – «масштабное наращивание производственных мощностей» – не поддерживается ключевыми рычагами экономической политики: ни налоговой, ни, тем более, денежно-кредитной. Перечисляемые вспомогательные квази-стимулы – «расширение преференциальных режимов и налоговых льгот, региональные инвестстандарты и инвестиционные вычеты, рост капитализации фондового рынка, а также госгарантии и поручитель-

¹⁷ Максим Решетников: экономика предложения – это экономика практических решений // Министерство экономического развития Российской Федерации: [офиц. сайт]: Новости. 08.05.2024. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/maksim_reshetnikov_ekonomika_a_predlozheniya_eto_ekonomika_prakticheskikh_resheniy.html (дата обращения: 23.08.2024).

¹⁸ Белоусов спрогнозировал снижение ключевой ставки до 6–7 % к 2027 году // Коммерсантъ. 08.05.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6689143> (дата обращения: 23.08.2024).

ства» – не смогут обеспечить массовую модернизацию производства и создание новых отраслей, что доказано многолетним российским опытом их применения.

Во-вторых, малореалистичным является главная концептуальная линия российской экономики предложения: расширение производства и повышение его эффективности будут стимулировать увеличение доходов граждан и компаний, «что будет фактором роста конечного спроса – потребления и инвестиций <...>, [а] увеличение конечного спроса станет стимулом для производства. В итоге получится замкнутый контур, где каждый компонент будет работать на общий рост»¹⁹. Эта линия рассуждений напоминает импульсное воздействие на систему, которая затем перейдёт к самоподдерживающемуся росту – наподобие воздействия электрошоком на пациента, чтобы запустить сердце и все остальные органы его «замкнутого контура». Но чтобы принять такую логику, надо показать каким мощным электрошоком вы намерены оживить пациента. Ныне здравствующий Артур Лаффер, один из идеологов американской экономики предложения, пропагандировал масштабное снижение налогов, которое осуществили Р. Рейган и Д. Трамп, хотя полные последствия этих импульсов оказались далеки от обещаний [7]. Российская экономика предложения не обещает снижения налогов и предлагает потерпеть высокие ставки банковского процента по кредитам – слабый импульс.

В России имеется множество альтернативных подходов к идее импульса роста. Например, А. И. Агеев и Д. А. Митяев в статье с говорящим названием «Не пора ли “за флажки” дозволенного?» предлагают гораздо более радикальный вариант запуска экономики предложения. Для того чтобы сформировать российскую суверенную финансовую систему, без которой невозможны инвестиции, они советуют преобразовать российские валютные резервы в систему стратегических материальных резервов (двух-трёхлетний запас основных ресурсов: нефти и нефтепродуктов, металлов, удобрений и продовольствия), как было в СССР и есть сейчас у Китая, а все средства Фонда национального благосостояния инвестировать в инфраструктурные проекты [8].

Ещё один импульс, который использовала американская экономика предложения, – раскрепощение предпринимательской инициативы через дерегулирование экономики. Оставляя в стороне негативные последствия рейгановского неолиберального дерегулирования – усугубление экологических проблем, рост социального неравенства, усиление власти корпораций над потребителями, – посмотрим, насколько реален российский вариант дерегулирования в современных условиях. Достаточно обратиться к специальному докладу на эту тему Института комплексных стратегических исследований (ИКСИ), отражающего взгляды российского предпринимательства. Основная мысль доклада: успех экономики предложения возможен только за счёт реализации частной предпринимательской инициативы и отказа от сложившейся модели государственного капитализма. Выделяются пять основных направлений первоочередных действий:

- поддержка конкуренции и защита свободы предпринимательства, отказ от доминирования госкомпаний на рынках, декриминализация предпринимательской деятельности, снижение административного давления на бизнес;
- обеспечение доступности финансовых ресурсов для бизнеса путём развития банковского кредитования, рынка ценных бумаг и иных механизмов инвестирования;
- развитие транспортно-логистической, энергетической и иной инфраструктуры и обеспечение свободного доступа бизнеса к ней;

¹⁹ Белоусов описал механизм достижения целей майского указа по экономике.

– расширение предложения труда и обеспечение роста его производительности, обеспечение мобильности рабочей силы;

– создание условий для внешнеэкономической деятельности в условиях санкционного давления²⁰.

Если резюмировать, то российский бизнес, как всегда, хочет от государства чётких и стабильных правил игры, невмешательства в свои дела, низких ставок по кредитам, дешёвой и разветвлённой инфраструктуры. В принципе, требования разумные и адекватные, но для обычных макро- и геоэкономических условий. Увы, предлагаемый в докладе отказ от госкапитализма – приватизация активов госкомпаний – чреват ослаблением суммарной политико-экономической мощи ключевых российских промышленных корпораций, что на нынешнем этапе мирохозяйственного транзита высокая вероятность системного распада российской экономики. Хотя значительную часть рекомендаций доклада ИКСИ, включая пакет предложений по доступности кредитных ресурсов (в том числе требования радикального – до 5 % – снижения ключевой ставки ЦБР), следует признать актуальной и необходимой.

В-третьих, А. Р. Белоусов, на наш взгляд, правильно пояснил, что предложения без спроса не бывает, только их взаимодействие должно раскрутить самоподдерживающийся «замкнутый контур». Собственно, мы это видим на примере трампономики и байденомики. Если первая задействовала экономику предложения, и этого оказалось недостаточно, чтобы обеспечить рост в передовых высокотехнологичных отраслях, то вторая дополняет первую мерами по созданию спроса на продукцию отечественного (американского) производства этих отраслей [9].

Допустим, российской экономике предложения удастся сделать первый импульс, и вырастут конечные доходы населения и фирм. Для того чтобы заработал пресловутый «замкнутый контур», необходимо, чтобы население и фирмы стали активно тратить доходы на потребление и производственные инвестиции. Но тогда снова банковский рынок с рекордными ставками процента, как по депозитам, так и по кредитам, нарушает намеченный кругооборот в «замкнутом контуре».

Высокие ставки по депозитам стимулируют граждан к сбережениям, а не потребительским расходам, тем более, в условиях отсутствия массового импортозамещающего производства. Ну а запредельные ставки по кредитам не позволяют российским компаниям инвестировать в «масштабное наращивание производственных мощностей». Хорошо известно, что российские производители основную часть инвестиций осуществляют не за счёт кредитных средств, а за собственные деньги. И даже Правительство в Прогнозе развития до 2030 г. спокойно ожидает, что при общем росте инвестиций в основной капитал на 20,6 % по отношению к 2024-му, по-прежнему более чем наполовину (на 54 %) они будут обеспечиваться собственными средствами предприятий²¹.

Проведённый анализ концептуальных основ новой доктрины «экономики предложения» показывает, что она содержит существенные логические нестыковки и противоречия политико-экономического характера. Каково противоречие между це-

²⁰ О необходимости перехода к «Экономике предложения» в России и основных направлениях её формирования: Доклад ИКСИ // ИКСИ: июнь 2023. URL: <https://icss.ru/ekonomicheskaya-politika/strategicheskoe-planirovanie/o-neobkhodimosti-perekhoda-k-ekonomike-predlozheniya-v-rossii-i-osnovnykh-napravleniyakh-ee-formirovaniya> (дата обращения: 23.08.2024).

²¹ Прогноз долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/41d457592e04b76338b7.pdf> (дата обращения: 23.08.2024).

лями и средствами достижения этих целей? Основная цель – фактическая реиндустриализация и даже неоиндустриализация страны – не обеспечивается основными инструментами государственной налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики.

Данное поверхностное противоречие организационно-экономического свойства скрывает более глубокое противоречие социально-экономического характера. Каковы коренные экономические интересы ведущих социальных слоёв, способных осуществить реиндустриализацию? С одной стороны, это растущий слой управленцев из расширяющегося государственного сектора и смежных с ним общественных организаций. Этот слой молодых амбициозных управленцев мыслит проводить реиндустриализацию только на базе множющихся структур укрепляющихся государственных корпораций. При этом молодые бюрократы уже свыклись с низким уровнем персональной ответственности и быстрой сменой своих административных позиций в расширяющемся госсекторе. Также они привыкли к беспроblemному государственному финансированию как средству решения поставленных задач.

Другой ключевой слой, осуществляющий реиндустриализацию, – это администраторы в сохраняющемся мощном частном корпоративном секторе. Этот сектор весьма неоднороден – от малых инновационных стартапов, способных действительно создавать новые продукты и рынки, до могучих мегакорпораций, «сидящих» на обширных старых рынках и превратившихся в бюрократические структуры, мало чем отличающиеся от аналогичных государственных корпораций. Но всем «частникам» выгодно всемерное сокращение государственного сектора как конкурента с заведомыми преимуществами, снижение налогового и регуляторного, а также кредитного бремени, к тому же, российский банковский сектор на 70 % состоит из банков с государственным участием.

Глубина и драматизм данного противоречия между интересами субъектов государственного и негосударственного секторов состоит в том, что движение к достижению заявленной цели «экономики развития» невозможно ни в случае значительного оттеснения (не устранения, что невозможно) одного из субъектов, ни при сохранении существующего статус-кво между ними. Например, при условии остановки процесса огосударствления экономики, массовой приватизации, дерегулирования и снижения налогово-кредитной нагрузки на предпринимательский сектор, скорее всего, следует ожидать не всплеска изобретений и инновационных продуктов, а технологического перепрофилирования в сторону упрощения и деградации поддерживаемых в настоящее время на государственных стимулах пусть коммерчески неэффективных, но работающих технологических корпораций. В противоположном случае дальнейшего огосударствления экономики, национализации технологических компаний частного сектора неизбежен рост бюрократизации, административных издержек бизнеса, не способствующий появлению новых инновационных продуктов.

Наконец, сохранение существующего соотношения сил между частным и государственным секторами также не может запустить желанную «экономику предложения». Приведём в качестве подтверждения единственный, но, пожалуй, ключевой пример с неудачей нового магистрального проекта поддержки инвестиций (так называемая таксономия проектов технологического суверенитета и структурной адаптации экономики), принятого в русле организационно-экономического обеспечения экономики предложения по Постановлению Правительства РФ № 603 от 15 апреля 2023 го-

да²². В рамках таксономии технологического суверенитета российские банки кредитуют проекты, направленные на импортозамещение и структурную адаптацию экономики, по более доступным ставкам за счёт снижения коэффициентов риска при их кредитовании. Ключевые организаторы проекта таксономии – ЦБ РФ, Минэкономразвития и российская Государственная корпорация развития «ВЭБ.РФ». Масштабность проекта характеризует такой факт, что таксономия предусматривает 464 укрупнённые позиции инвестиционных проектов в тринадцати приоритетных отраслях плюс проекты адаптации экономики. По мнению председателя Совета Торгово-промышленной палаты (ТПП) РФ по финансово-промышленной и инвестиционной политике Владимира Гамзы, «это практически две трети экономики, возможно даже больше»²³.

Проектами технологического суверенитета определены производства, которых в настоящий момент в России нет. Количество отраслей ограничено, их 13: автомобилестроение, железнодорожное, нефтегазовое, сельскохозяйственное и специализированное машиностроение, медицинская, фармацевтическая и химическая промышленность, станкоинструментальная промышленность и тяжёлое машиностроение, судостроение, электронная и электротехническая промышленность, энергетическая и авиационная промышленность.

Проекты структурной адаптации экономики – это проекты, направленные на создание или модернизацию инфраструктуры, позволяющей предоставлять услуги или переориентировать поставки российской продукции дружественным странам. Сюда также относятся проекты по сокращению зависимости от предоставления импортных услуг, технологий, поставок материалов, оборудования и комплектующих, способствующие развитию существующих и созданию новых отраслей экономики России.

Таксономия проектов предусматривает мощный набор стимулов. Первое – стимулирующее регулирование Банка России, а именно уступки банку при расчёте нормативов достаточности капитала и снижение риск-веса по кредитам. Второе – поручительства/гарантии ВЭБ.РФ. Предполагалось, что по кредитам банков в рамках таксономии на срок от 3 до 15 лет поручительства ВЭБ.РФ покроют от 10 до 50 % долга. Третье – инвестиционный налоговый вычет по налогу на прибыль.

Первоначально ВЭБ оценивал, что стимулирующие меры могут помочь сформировать кредитный портфель в объёме 5–10 трлн руб., в том числе 1–2 трлн руб. в первый год после запуска механизма. Но к концу 2023 г. ВЭБ сообщил, что по направлению технологического суверенитета отобрано 11 проектов на сумму 234 млрд рублей. Их

²² Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации и Положения об условиях отнесения проектов к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации, о представлении сведений о проектах технологического суверенитета и проектах структурной адаптации экономики Российской Федерации и ведении реестра указанных проектов, а также о требованиях к организациям, уполномоченным представлять заключения о соответствии проектов требованиям к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2023 г. № 603. URL: <http://static.government.ru/media/files/8JsiO5kStJA1g5IHhGd5qiQVACelECn.pdf> (дата обращения: 23.08.2024).

²³ Суверенитет под микроскопом // Монокль. 8 июля 2024. URL: <https://monocle.ru/monocle/2024/28/suverenitet-pod-mikroskopom/> (дата обращения: 23.08.2024).

финансируют пять банков, в том числе и ВЭБ, который субсидирует три проекта на общую сумму 79 млрд рублей²⁴. Спустя год после старта проекта, вместо 1–2 трлн руб., по данным Торгово-промышленной палаты РФ, общий объём 14 профинансированных в рамках таксономии проектов составил всего лишь около 315 млрд рублей. В ВЭБ.РФ сообщали о 265 млрд руб. с мая прошлого (2023) года до 1 мая этого (2024) года и ещё о 52 млрд руб. за май²⁵.

Причиной стартовой неудачи аналитики называют чрезвычайно высокий уровень ставки рефинансирования – 16 %, с лихвой перекрывающий все остальные положительные стимулы. Например, заложенное снижение коэффициента риска по нормативам ЦБ РФ даёт удешевление кредита всего лишь на 0,4–1,1 п.п. А по мнению представителя «Деловой России», высокотехнологичным компаниям, «которым сегодня нужно самим выстраивать технологические цепочки для производства, ...нужно иметь возможность кредитоваться со ставкой от 1 до 1,5 %. <...> При ставке рефинансирования 16 % невозможно организовать эффективное производство. Все средства поглощает выплата банковских процентов»²⁶.

Данный кейс недвусмысленно показывает, что существующий расклад соотношения сил между государственным и частным секторами при существующем институциональном формате их взаимодействия не способен обеспечить прорывные проекты модернизации экономики. Разветвлённая государственная бюрократия и обширный госсектор экономики разрабатывают такие правила привлечения частного капитала к общенациональным проектам развития, которые не привлекательны для предпринимательского сектора. Последний предпочитает избегать малопродуктивных государственных стимулов и предпочитает реализовывать гораздо менее форматные проекты без государственной поддержки, что не обеспечивает надлежащего эффекта масштаба и не решает ключевых народнохозяйственных задач. Иными словами, парадигма «экономики предложения» («продуктивизма»), заявленная в российском общественно-политическом дискурсе, в настоящее время пока ещё не подкреплена адекватным инструментарием экономической политики и в действительности не вытеснила господствующую последние три десятилетия неолиберальную парадигму.

Кроме того, сложившаяся ситуация иллюстрирует тот факт, что в современном мире социально-экономическое развитие перестаёт определяться преимущественно институционально-экономическими факторами: добавляются не менее значимые аспекты идеологии, безопасности и технологий. Важно заметить и то, что прежние стимулы и возможности легко превращаются в барьеры, а неоднозначно трактуемые в парадигме уходящего мироустройства барьеры развития могут превратиться в его «трамплины».

Выводы

Концептуальная опора российских проектировщиков образа экономической политики именно на «экономику предложения» соответствует общемировому тренду на использование обновлённого «бренда» данной экономической доктрины. Законо-

²⁴ Отобраны первые проекты технологического суверенитета России на ₽234 млрд / М-во цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ: [сайт]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/48951/> (дата обращения: 23.08.2024).

²⁵ Суверенитет под микроскопом // Монокль. 8 июля 2024. URL: <https://monocle.ru/monocle/2024/28/suverenitet-pod-mikroskopom/> (дата обращения: 23.08.2024).

²⁶ Суверенитет под микроскопом.

мерности долгосрочного циклического технологического и мирохозяйственного развития сформировали длительный «эшелон» мировой повестки дня промышленного протекционизма с такими драйверами, как реиндустриализация, секьюритизация и суверенизация национальной промышленно-технологической базы, обеспечение высокопроизводительных («хороших») рабочих мест для населения, уменьшение острого социального неравенства. Для России, в силу последних геэкономических событий, актуальность концептуальной рамки именно «экономики предложения» даже более актуальна, чем для стран Запада, поскольку вышеуказанные драйверы довлеют над нашей страной в гораздо большей степени.

В связи с этим для российской экономики предложения гораздо более важна роль первоначального импульса, запускающего дальнейший самоподдерживающийся рост спроса и предложения. Судя по опыту байденомики, американской администрации приходится идти на беспрецедентные бюджетные вливания в критически важные технологические отрасли, допуская дальнейший рост огромного государственного долга, ради такого экономического импульса, несмотря на неизмеримо большую, по сравнению с Россией, мощью своего корпоративного промышленного сектора экономики. К сожалению, мы не видим в России аналогичной по сравнительной степени воздействия попытки государственного стимулирования экономики, за исключением оборонных отраслей промышленности.

Нужно отметить, что концептуальный образ российской экономики предложения не отличается логической непротиворечивостью, консолидацией органов макроэкономической политики и их организационно-практическим единством. Некоторые представители органов исполнительной власти при отсутствии единой магистральной доктринальной линии рекомендуют в качестве концептуальных «подпорок» экономики предложения мемы устаревших неолиберальных теорий. Налицо принципиальная разнаправленность налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики с точки зрения воплощения даже слабо обрисованных штрихов российской экономики предложения.

Наконец, политическая экономия новой экономики предложения подразумевает структурирование социально-экономических групп, выступающих как в роли драйвера необходимых преобразований, так и в качестве инертных и даже сопротивляющихся новому направлению экономической политики объектов. В этом плане «новая экономика предложения» концептуально сходна с традиционным пониманием промышленной политики, как не равнодушной по отношению к «рынкам» форме экономической политики. Остаётся надеяться, что совершенствование концептуального образа российской экономики предложения будет происходить одновременно с отсеиванием и отбором наиболее эффективных практических инструментов её осуществления.

Список литературы

1. *Мещеряков, Д. А.* Барьеры на пути развития российской экономики (общие проблемы) / Д. А. Мещеряков // Экономическое возрождение России. – 2013. – № 4 (38). – С. 54–60.
2. *Гришин, В. И.* Приоритеты и барьеры развития российской экономики / В. И. Гришин // Научные труды Вольного экономического общества. – 2019. – Т. 218, № 4. – С. 274–280.
3. *Бодрунов, С. Д.* Промышленная политика России в условиях вызовов глобальной трансформации: задачи теории и практики перехода к новому этапу индустриального развития (НИО 2.0) / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2023. – № 2 (76). – С. 5–12. DOI: 10.37930/1990-9780-2023-2(76)-5-12.

4. Верников, А. В. Правда ли, что национальные экономические традиции тормозят развитие? (институциональный подход) / А. В. Верников, А. А. Курышева // *Экономическое возрождение России*. – 2024. – № 2 (80). – С. 122–140. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-2-80-122-140.

5. Глазьев, С. Ю. Глобальная трансформация через призму смены технологических и мирохозяйственных укладов / С. Ю. Глазьев // *AlterEconomics* – 2022. – № 1 (19) – С. 93–115. DOI:10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.6.

6. Глазьев, С. Ю. Перспективы развития России на длинной волне нового технологического уклада / С. Ю. Глазьев // *Экономическое возрождение России*. – 2023 – № 2 (76). – С. 27–32. DOI: 10.37930/1990-9780-2023-2(76)-27-32.

7. Васильев, В. С. Налоговые реформы Р. Рейгана и Д. Трампа: эволюция приоритетов / В. С. Васильев, М. М. Соколов // *США & Канада: экономика – политика – культура*. – 2018. – № 8. – С. 5–25. DOI:10.31857/S032120680000356-5.

8. Агеев, А. И. Не пора ли «за флажки» дозволенного? Часть III / А. И. Агеев, Д. А. Митяев // *Экономические стратегии*. – 2024 – № 2 (194). – С. 24–31. DOI: 10.33917/es-2.194.2024.24-31.

9. Толкачев, С. А. Промышленная политика и рещоринг: байденомика сменяет трампономику / С. А. Толкачев // *США & Канада: экономика – политика – культура*. – 2022. – № 1. – С. 21–38. DOI: 10.31857/S2686673022010023/.

References

1. Meshherjakov D. A. (2013) Bar'ery na puti razvitija rossijskoj jekonomiki (obshhie problemy) [Common problems of barriers in the development of the Russian economy]. *Economic Revival of Russia*, 4(38), pp. 54–60.

2. Grishin V. I. (2019) Prioritety i bar'ery razvitija rossijskoj jekonomiki. *Nauchnye trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva* [Priorities and barriers to the development of the Russian economy]. *Scientific works of the Voluntary Economic Society*, 4(218), pp. 274–280.

3. Bodrunov S. D. (2023) *Promyshlennaja politika Rossii v uslovijah vyzovov global'noj transformacii: zadachi teorii i praktiki perehoda k novomu jetapu industrial'nogo razvitija (NIO 2)* [Industrial Policy of Russia in the Face of Challenges of Global Transformation: Tasks of the Theory and Practice of Transition to a New Stage of Industrial Development (NIS.2)]. *Economic Revival of Russia*, 2(76), pp. 5–12. DOI: 10.37930/1990-9780-2023-2(76)-5-12.

4. Vernikov A. V., Kuryшева A. A. (2024) *Pravda li, chto nacional'nye jekonomicheskie tradicii tormozjat razvitie (institucional'nyj podhod)*. – *Jekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii* [Is It True That National Economic Traditions Hinder Development? (Institutional Approach)]. *Economic Revival of Russia*, 2(80), pp. 122–140. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-2-80-122-140.

5. Glaz'ev S. Ju. (2022) *Global'naja transformacija cherez prizmu smeny tehnologicheskikh i mirohozjajstvennyh ukladov*. [Global Transformations from the Perspective of Technological and Economic World Order Change]. *AlterEconomics*, 1(19), pp. 93–115. DOI:10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.6.

6. Glaz'ev S. Ju. (2023) *Perspektivy razvitija Rossii na dlinnoj volne novogo tehnologicheskogo uklada*. [Prospects for the Development of Russia on the Long-Term Wave of Growth in the New Technological Order]. *Economic Revival of Russia*, 2(76), pp. 27–32. DOI: 10.37930/1990-9780-2023-2(76)-27-32.

7. Vasil'ev V.S., Sokolov M.M. (2018) Nalogovye reformy R.Rejgana i D.Trampa: jevoljucija prioritetov. [Tax Reforms of R. Reagan and D. Trump: Evolution of Priorities]. USA & Canada Journal, (8), pp. 5–25. DOI:10.31857/S03212068000356-5.

8. Ageev A. I., Mitjaev D. A. (2024) Ne pora li «za flazhki» dozvolennogo? Chast' III [Isn't it time to 'go beyond the flags' allowed? Part III]. Economic Strategies, 2(194), pp. 24–31. DOI: 10.33917/es-2.194.2024.24-31.

9. Tolkachev S. A. (2022) Promyshlennaja politika i reshoring: bajdenomika smenjaet tramponomiku. [Industrial Policy and Reshoring: Bidenomics Replaces Trumponomics]. USA & Canada Journal, (1), pp. 21–38. DOI: 10.31857/S2686673022010023/.

S.A.Tolkachev²⁷, A.Yu. Teplyakov²⁸. Russia in the Conceptual Perspective of the «New» Supply-Side Economics²⁹. Western economic thought is searching the new theoretical concepts could become the basis for the economic policy being pursued in the context of the collapse of globalisation. Neoliberal recipes reflected in the 'Washington Consensus' have long discredited themselves. A candidate for a new consensus theoretical concept is the so-called 'new' supply-side economics, the most popular 'paradigm of productivism' version proposed by D. Rodrik. Introduction of the supply-side economics concept into the lexicon of Russia's economic policy in 2023 reflects the similarity of doctrinal attitudes both in our country and in the West. The analysis of supply-side economics attitudes in comments of the leading representatives of the Russian economic bloc shows that its conceptual image is not expressed in a theoretically consistent logic. At times, outdated provisions of neoliberal theories are proposed as conceptual bases of supply-side economics. Although modern supply-side economics is conceptually similar to the doctrines of industrial policy, replacing markets with the state to achieve progressive structural transformation of the economy. The idea of a self-sustaining impulse of structural transformations is not traceable in the practical tools for the implementation of the Russian supply-side economy. The multidirectional fiscal and monetary policy in Russia does not correspond to the unified logic of the new supply-side economy. There is no proper understanding of the correct structuring of socio-economic groups that are potential drivers of the necessary structural transformations.

Keywords: Washington Consensus, Supply-Side Economics, Productivism, World Economic Order, Economic Policy.

²⁷ *Sergey A. Tolkachev*, Professor of the Department of Economic Theory, Senior Research Fellow at the Institute for Global Studies, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Avenue, Moscow, 125993, Russia), Doctor of Economics, e-mail: tsa2000@mail.ru

²⁸ *Artyom Yu. Teplyakov*, Research Fellow at the Institute for Global Studies, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Avenue, Moscow, 125993, Russia), Candidate of Economics, e-mail: teplyakovy@mail.ru

²⁹ The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of Finuniversity.

DOI: 10.37930/1990-9780-2024-4-82-50-57

В. Б. Сироткин¹

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ВАРИАНТОВ АНАЛИЗА ФИНАНСОВЫХ РЫНКОВ

Отмечено, что в современном экономическом анализе финансовых рынков и практике операций новые компьютерные методы вытесняют традиционные способы обоснования сделок. Компьютерные модели анализа данных расширяют число вариантов отображения рыночной реальности и служат основанием высокодоходного алгоритмического и высокочастотного трейдинга.

Ключевые слова: рынок, трейдинг, алгоритмы, модели, данные.

УДК 330.352

Предварительные замечания

1. Можно перечислить несколько современных подходов к истолкованию научного познания. Важнейшими интерпретациями научного знания являются: реализм, инструментализм и конвенционализм.

Реализм полагает, что научное познание даёт нам истинное знание об объективных законах, выражающих устойчивые и существенные связи между явлениями. Задача научного познания состоит в том, чтобы объяснять и предсказывать наблюдаемые явления.

Инструментализм утверждает, что научное познание предназначено для того, чтобы отвечать на вопрос, как происходят явления, а не для того, чтобы раскрывать их сущность. Истина интерпретируется не как тождественное отображение действительности, а как действие, обеспечивающее успех в конкретной ситуации.

Конвенционализм (*от лат. convenire – соглашение*) считает возможным использовать различные теоретические средства для исследования, описания и теоретической реконструкции явлений. Понятия, категории и законы являются условностями, произвольными соглашениями – конвенциями между учёными. Элементы конвенционализма имеют место в неопозитивизме, прагматизме и операционализме. Конвенционализм отрицает объективное/истинное отображение реальности наукой и полагает научные теории и законы субъективными конструкциями учёных. Такие конструкты необходимы для достижения коммуникаций и взаимопонимания между учёными.

Современный этап развития науки (постклассическая, неклассическая наука) начался в 1970-х гг. и сопровождался междисциплинарностью (интеграцией) и обслуживанием утилитарных потребностей. Идеалы и нормы научного познания трансформировались: возникали новые научные дисциплины, время между открытиями и их практическим использованием сокращалось, отчётливое различие между естественными и гуманитарными науками исчезло.

¹ Владислав Борисович Сироткин, профессор кафедры бизнес-информатики и менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения (190000, РФ, Санкт-Петербург, ул. Б. Морская, 67), д-р экон. наук, профессор, заслуженный работник Высшей школы РФ, e-mail: jaette@mail.ru.

2. Принцип Оккама, существующий более 700 лет, утверждает: «Не следует множить сущее без необходимости». Пренебрежение данным методологическим принципом таит опасность создания новых наукоподобных сущностей, которые являются интеллектуальными конструктами, не отражающими реальности.

Наука должна содержать методы, позволяющие из потока информации выявить сведения/данные, которые описывают реальность. Для получения указанного результата требуется дискурс – вид перформативной реальности², в которой существуют и совершают действия мыслящие субъекты.

Основу для дискурсивной реальности составляют определённые принципы – религиозные, политические, экономические и др. Указанные принципы формируются сообществом, обладающим специфической этикой, собственным отношением к другим идеям и практикам. Исторически мышление трансформировалось от метафизики к логическому позитивизму, затем к прагматизму, а сегодня «мыслящее сообщество» и специфическая этика своим правом производит новые практики [1].

Торговля по алгоритмам

Список рекордсменов по показателям доходности инвестиционных компаний выглядит следующим образом [2].

1. Medallion Found. Инвестор Джим Саймонс за 1988–2018 гг. получил среднегодовую доходность 39,1 %.

2. Quantum Found. Инвестор Джордж Сорос за 1969–2000 гг. получил среднегодовую доходность 32 %.

3. SAS. Инвестор Стивен Коэн за 1992–2003 гг. получил среднегодовую доходность 30 %.

4. Medallion Found. Инвестор Питер Линч за 1977–1990 гг. получил среднегодовую доходность 29 %.

5. Berkshire Hathaway. Инвестор Уоррен Баффет за 1965–2018 гг. получил среднегодовую доходность 20,5 %.

Достижения чемпиона по доходности активов Джима Саймонса были получены за счёт использования торговли по алгоритмам.

Большинство инвесторов для прогнозирования цен на акции используют модели фундаментального анализа и/или технического анализа. Саймонс использовал модель алгоритмической торговли, в основе которой лежит идея о том, что для прогнозирования изменения цен на активы не обязательно досконально понимать, какие факторы влияют на движение фондового рынка. Вместо этого следует разработать математическую систему, которая определяет ряд «сигналов», передающих важную информацию о рынке относительно будущего движения цен. Исследователи не пытались определить или предсказать состояния рынка с помощью экономической теории или иных традиционных методов. Они не выясняли причин, благодаря которым ситуация на рынке меняется. Используя математику, Саймонс пытался определить ряд состояний, наиболее соответствующих наблюдаемым ценам на рынке. Полученная модель давала рекомендации о том, какие сделки совершать, чтобы получать выгоду из предполагаемого состояния рынка.

² Перформативный (*от лат. performato – создаю, образываю*) – относящийся к перформативу, речевому акту, равноценному поступку.

Рынок следовало отображать как вид сложных данных. Анализируя данные, можно извлекать выгоду из поведения рынка. Существуют математические модели, реализующие и интерпретирующие определённые закономерности в разрозненных данных, которые большинство игроков принимает за случайности.

Указанный подход к отображению фрагментов реальности можно отнести к структурализму – поиску структуры и её инвариантов корреляций между сигналами.

Фонд Саймонса действовал согласно алгоритму, соответствующему математической модели, отражающей механизмы рынка. Статистические методы и регрессионный компьютерный анализ исторической доходности операций на рынке позволяют выявить устойчивые и повторяющиеся ритмы движения цен в течение длительных интервалов времени (многолетние данные о сделках). На основе прошлой информации и анализа исторических данных пытаются исключить случайность и установить закономерности, которые могут повторяться в будущем.

Используя гипотезу о том, что люди будут реагировать на события аналогично тому, как они это делали в прошлом, можно прогнозировать ситуацию на рынке и использовать это в своих интересах. Например, определять аномалии – те активы, которые падают ниже исторических показателей, компьютер автоматически (без участия человека) создаёт предсказательные торговые сигналы (инструкции для исполнения торговых операций), прогнозируя цены на будущее.

Комбинирование сигналов и алгоритмов прогнозирования [3] на базе единой торговой системы позволило Саймонсу организовать высокую оборот ордеров на краткосрочном рыночном горизонте (3 мин, 3 дня, 3 недели, 3 мес.) и извлекать высокую прибыль [2].

Алгоритм ищет зависимости в данных; переупорядочивает набор объектов, чтобы получить описывающее их сходство.

Алгоритмический трейдинг (метод ордеров с использованием автоматически запрограммированных торговых инструкций (время, цена, объём) – инициирование высокого оборота ордеров на краткосрочном горизонте на основе информации, полученной электронным способом, и высокочастотная торговля (HFT – high-frequency trading) привели к резкому изменению микроструктуры и увеличению сложности и неопределённости его данных.

Сегодня компьютеры используются для генерации новостей об экономической статистике. Алгоритмы торгуют простыми новостями и интерпретируют более сложные для понимания новости. Они способны автоматически присваивать настройки новостным сюжетам так, чтобы автоматизированная торговля могла работать непосредственно с новостным сюжетом. На основе новостей люди строят собственные индикаторы и ищут торговые преимущества.

Слово «рынок» имеет переносное значение, связанное с громким разговором. Рынки выросли из таверн и кофеен. Способ создания разговоров в цифровой среде будет использован для преобразования новостей в сделки. Передача процесса интерпретации новостей от людей к машинам идёт по нарастающей [2].

В 1980-х гг. отдел расчётных технологий ИВМ начал разрабатывать компьютерное программное обеспечение для распознавания и преобразования речевых сигналов. Задача заключалась в том, чтобы внести в компьютеры необходимый объём данных аудиозаписей и письменного текста для разработки вероятностно-статистической модели, способной предсказывать наиболее возможные последовательности слов на базе череды звуков. Получив набор определённых звуков, вычислялась наиболее оптималь-

ное предположение о «скрытых» последовательностях слов, которые воспроизводили эти звуки. Роботы в области компьютерной лингвистики позволили создать техники распознавания речи, перевода текстов и многое другое.

Информационный взрыв сопровождается хаосом неструктурированной информации. Превращение неструктурированной информации в структурированную осуществляется на основе контент-анализа³.

«Автоматизация контент-анализа» означает толкование текстов с использованием компьютеров, без участия человека. При полной автоматизации анализа экспертной компьютерной программой происходит сведение содержания текстов к названиям и обозначениям тематик, фактов или смыслов.

Для экономической сферы прикладная модель поисковой системы может включать тезаурус (специальный словарь понятий и терминов в определённой предметной области): «налоги», «трудоустройство», «банки» и пр. Интеллектуальные поисковики исключают из поиска нежелательные тематики, регулируют ранжирование поиска по словам и степени доминирования тематики, создают рубрицированный каталог всех электронных текстов и новые способы прочтения / интерпретации событий и явлений, описанных в текстах.

Количественный анализ рынков предполагает, что различные факторы/показатели взаимосвязаны друг с другом, и между ними существуют надёжные математические отношения. Автоматическая компьютерная модель отслеживает поведение указанной взаимосвязи и совершает сделки в те моменты, когда наблюдается отклонение цен от тех, что предсказаны этими моделями. Единая автоматизированная торговая система покупает определённое количество товара (валюта, сырьё, акции и пр.) с положительными сигналами и совершает короткие продажи товара с отрицательными сигналами. Каждая сделка зависит от всех других сделок, а прогнозирование будущего позволяет получать прибыль из прогнозов.

Квантовые инвесторы существенно потеснили приверженцев традиционного – фундаментального и технического – анализа и стали доминирующими игроками в финансовом бизнесе [2].

Распространение автоматической компьютерной торговли открыло новую эру риска и нестабильности. Трейдеры способны усиливать/разгонять существующие тренды и менять природу рынков.

Получение информационных преимуществ за счёт анализа больших массивов данных требует дополнительных интеллектуальных и технических ресурсов (больших вычислительных мощностей).

Прибыль владельцев систем компьютерной торговли складывается из убытков других инвесторов, лишённых информационного преимущества. Растущее влияние на общество «доброжелательных миллиардеров» позволяет им единолично определять приоритеты в некоммерческом мире и распределять ресурсы, игнорируя государственные интересы.

Фонд «Medallion» создал модули, которые распознают и интерпретируют закономерности в разрозненных данных и совершал сделки с акциями, облигациями и валютой, получая прибыль на сигналах продолжения трендов и предсказаниях разво-

³ Контент-анализ (*от лат. contents* – содержание, содержимое), или анализ содержания, – стандартный метод изучения содержания сообщений в области общественных наук для получения достоверной информации о реальности.

ротов рынка. Сделки совершались в те моменты, когда наблюдалось отклонение цен от тех значений, которые были предсказаны моделями.

Ведущие сотрудники фонда не имели экономического образования и не отвлекались от математики и программирования исторических данных о рыночных ценах, пытаясь подвести рынок под действие законов математики (логики, теории игр и пр.). Вера в логику и рациональность, битва со случайностью позволили им реализовать количественный подход в торговле и организовать самый высокодоходный фонд.

Развилка интерпретаций биржевой торговли

У человека скорость передачи нервного сигнала в сенсорной системе (около 30 тыс. символов в секунду) во много раз медленнее, чем скорость электрического сигнала в компьютере. Ограничения чувствительности органов и нервной системы означают, что многие из событий в окружающей среде происходят слишком быстро, чтобы когнитивная система человека могла за ними уследить. Когда сигналы, достигающие нас, являются постоянными и повторяющимися, то они дают удовлетворительное ментальное представление о реальности. Если сигналы дезорганизованы, то точность наших образов значительно уменьшается и представление о реальности искажается. Точность предположений о будущем ограничена нашей способностью получать, перерабатывать и запоминать поступающую извне информацию [4].

Известный американский публицист Майкл Льюис (р. 1960) утверждает следующее [3]:

I. В 2007 г. фондовые биржи США предоставляли блоки компьютеров в дата-центрах⁴. Скорость осуществления сделок с ценными бумагами уже не сдерживалась человеческими возможностями. Ограничением скорости выполнения биржевых приказов стала выступать скорость распространения сигнала между дата-центром в здании биржи в Чикаго и дата-центром биржи в Нью-Йорке. При получении прибыли от осуществления арбитражных сделок (купля/продажа ценных бумаг по их цене на бирже А и продажа/купля этих же бумаг по цене на бирже Б) преимущество получал высокочастотный трейдер⁵ – тот, кто обладал информационным преимуществом. Получая информацию о приказах клиентов раньше других биржевых игроков, такой трейдер мог проводить опережающие сделки, дающие возможность безубыточной работы. HFT-трейдеры, используя прямое подключение к торговой площадке или размещая серверы вблизи бирж, получают рыночную информацию быстрее других, перехватывают и исполняют приказы клиентов биржи (крупных банков). Самое ценное, что есть у брокерской фирмы, – это биржевые приказы своих клиентов. HFT-фирмы, действуя на опережение, обращают ценность приказов клиентов себе на пользу.

⁴ Дата-центр биржи – место размещения серверов (мощный компьютер, который хранит данные и позволяет работать с ними удаленно (просматривать, править, добавлять новые, удалять лишние)). Функции сервера: а) хранить информацию с публичных сайтов и программ (тексты, изображения и другие файлы); б) обеспечение доступа к корпоративной информации (базы данных, почта, документы); в) координация взаимодействия компьютеров, объединённых в сеть; г) хранение копий важных данных (образов операционных систем с пользовательскими настройками); д) создание общего пространства для организаций, которым важно предоставлять сотрудникам общий доступ к файлам.

⁵ Высокочастотный трейдер (HFT – high-frequency trading) – компьютерные стратегии на финансовых рынках, позволяющие совершать сделки с ценными бумагами за доли секунд.

II. Символ мирового капитализма – фондовый рынок – обернулся обманом. Работа рынка ценных бумаг основана на предположении о том, что рыночный механизм перемещает капитал от неэффективных компаний к эффективным, удовлетворяя интересы инвесторов. В действительности на фондовом рынке США деньги, полученные финансовыми посредниками, – это своего рода налог на инвестиции (плата за капитал), выплачиваемый национальной экономикой за наличие недостатков в финансовой системе. Появление новой автоматизированной системы торговли ценными бумагами позволило HFT-трейдерам торговать, не подвергая себя угрозе банкротства⁶. К 2013 г. HFT-трейдерам принадлежало 85 % доходов, а крупным банкам – 15 %. Крупные банки Уолл-стрит лишились прибыли, а вокруг HFT выстраивалась огромная инфраструктура.

Автоматизированная биржевая торговля включает использование роутеров и алгоритмов, которые выполняют интеллектуальные операции за человека.

Роутер (маршрутизатор) на отправку приказов на биржу программируется брокером и начинает жить своей жизнью. Роутер определяет место, куда следует направить приказ клиента: сначала туда, где за участие в торгах брокеру заплатят откаты и комиссионные, а уже потом туда, где за сделки взимается плата. Биржи побуждают брокеров исполнять приказы там, где они получают вознаграждение, а не там, где лучшая цена для клиента. В 2007 г. происходила фрагментация олигополистического рынка акций с двумя доминирующими биржами NASDAQ (National Association of Securities Dealers Automated Quotation – Служба автоматизированных котировок Национальной ассоциации дилеров по ценным бумагам) и NYSE (New York Stock Exchange – Нью-Йоркская фондовая биржа), в 2013 г. в США насчитывалось бирж: 13 публичных и 44 частных. Возможности выбора брокером торговых площадок существенно выросли, а доходы увеличились, так как новые фондовые биржи выплачивали брокерам комиссионные за переадресацию приказов.

Алгоритмы создают департаменты электронного трейдинга, где принимают решение, как «нарезать» любой полученный приказ. Например, нарезать приказ на покупку 100 000 акций на 20 частей с исполнением каждые 5 минут, пока цена не достигнет 25 долларов.

Возможность видеть реальную общую картину рынка получают немногие. Для большинства создаётся картина фрагментов рынка, угодная работодателю.

Существует несколько мнений по поводу алгоритмической и высокочастотной торговли ценными бумагами. Одни финансовые аналитики и исследователи отмечают, что такая децентрализованная торговля улучшает ликвидность и снижает затраты на торги. Другие, такие как Майкл Льюис, считают что HFT превращает фондовый рынок США в чёрный ящик⁷, поэтому эта торговля несправедлива и создаёт новые сложности для финансовых систем.

Наблюдая за игрой со стороны, её нельзя понять. Непрозрачная отрасль не раскрывает, а скрывает свои правила. Чтобы разгадать, что происходит, надо находиться в игре. Те, кто принадлежит к системе, не станут рисковать карьерой и отка-

⁶ HFT-трейдер в конце каждого рабочего дня закрывает свои позиции на рынке, что позволяет им переживать подъёмы и спады рискованного бизнеса. В плохие времена HFT исчезают и все убытки достаются банкам.

⁷ «Чёрный ящик» – термин для обозначения системы, внутреннее устройство и механизм работы которой очень сложные (компоненты и логика недоступны для проверок).

зываются от порядка, приносящего им доходы. Такие игроки не будут привлекать внимание к проблемам, сопутствующим их деятельности.

М. Льюис утверждает, что крупные инвесторы, отдающие приказы посредникам для исполнения на бирже, полагали, что их приказы исполняются по лучшей для инвестора цене. Большинство игроков видит не то, что есть, а то, что хотят видеть. К 2023 г. инвесторы распознали, что на площадках, которые они создали для торговли ценными бумагами:

– трейдеры могут играть против инвесторов, усложняя процедуру торгов так, что она понятна только трейдерам;

– за перепродажу приказов, перехваченных НФТ, фирмы платят банкам большие деньги;

– крупные банки создают «тёмные пулы»⁸ – торговые объёмы, которые скрыты для большинства участников рынка и не выводятся на общие торговые площадки. Цены согласовываются участниками «тёмных пулов», рынок перестаёт быть прозрачным, и возникает проблема неблагоприятной цены товара для потребителя [3].

Заключение

1. Информационная революция многократно расширила число вариантов отображения капиталистической реальности. Многообразие выбора объяснительных суждений о содержании/значении/смысле вещей, текстов и отношений между людьми растёт. Доверие к адекватности/истинности универсальных ортодоксий⁹ больших рассказов/мифологий существенно подорвано. В современном экономическом анализе наблюдается измельчение, фрагментация и дестандартизация гомогенных сущностей и разрыв между тем, во что мы верим, и тем, что происходит в действительности. Увеличивается расхождение между должным и сущим, реальным и вымышленным опытом. Мало кто пытается контролировать то, чего он не понимает. Непонимание продолжает расти, а добавление новых слов в существующую систему мышления ведёт к её дестабилизации и непреднамеренным последствиям.

2. Группы интересов/профессиональные группы предпочитают действовать на рынках согласно локальному смыслу, предохраняющему такую группу от распада. За лояльность к ценностям группы её члены получают вознаграждение. В случаях, когда факты реальности опровергают коллективную веру в результаты анализа, группа экономистов переформируется вокруг иной веры, защищающей её от распада. Чтобы большая и значимая группа экономистов высказалась единогласно, следует, чтобы они находились под действием какой-либо принудительной силы, либо чтобы они не говорили всей правды. Традиция единогласия при оценке экономической реальности всегда ведёт к концентрации власти. Новые идеи/инновации/изменения исходят от тех, для кого отличие от других (удаление от одинаковости) является значимой ценностью.

Современные корпорации стремятся захватить и удержать власть над потребителями. Обладая огромными ресурсами, корпорации получают возможность распространять и навязывать такие правила поведения, которые превращают частную сферу граждан в объект получения доходов.

⁸ «Тёмные пулы» управляют частными брокерскими компаниями.

⁹ Ортодоксия (*от греч. orthos – прямой, правильный и doxa – мнение*) – правильное учение – тип консервативного мышления, придающий центральное значение вере, учению, идеологии и мировоззрению.

3. Можно допустить, что рынок представляет собой не результат какой-либо экономической теории, а управляемый хаос – импровизацию, сумму компромиссов и конфликтов разного характера и уровня. При такой предпосылке рынок целесообразно интерпретировать как вид сложных данных, закономерности которых следует установить и использовать. Указанный подход представляет альтернативу традиционным способам анализа, прогноза и обоснования принимаемых экономических решений. Под давлением растущего разнообразия и влиятельных групп у субъектов рынка относительно изменений возникает проблема пересмотра/перераспределения/перестимулирования подходов к анализу экономической реальности. Те, кто не смогут адаптироваться к изменениям, перейдут на более низкий уровень развития или погибнут.

Список литературы

1. Положенцев, А. М. Трансцендентальное сообщество и его практические принципы / А. М. Положенцев // Альманах «Дискурсы этики». – № 4 (9) 2014 / 1 (10) 2015. – С. 123–134.
2. Цукерман, Г. Человек, который разгадал рынок: Как математик Джим Саймонс заработал на фондовом рынке 23 млрд долларов: пер. с англ. / Г. Цукерман. – М.: Эксмо: БОМБОРА, 2022. – 400 с. – (Биржевые короли. Профессиональные принципы выдающихся финансистов).
3. Льюис, М. Flash Boys: Высокочастотная революция на Уолл-стрит: пер. с англ. / М. Льюис. – М.: Альпина Паблишер, 2024. – 346 с.
4. Тоффлер, А. Футурошок: [перевод] / А. Тоффлер. – СПб.: Лань, 1997. – 461 с.

References

1. Polozhentsev A. M. (2014/2015) Transsedental'noye soobshchestvo i yego prakticheskiye printsipy [Transcendental Community and Its Practical Principles]. Discourses of Ethics, 4(9)/1(10), pp. 123–134.
2. Zuckerman G. (2022) Chelovek, kotoryy razgadal rynek: kak matematik Dzhim Saymons zarabotal na fondovom rynke 23 mlrd dollarov [The Man Who Solved the Market: How Jim Simons Launched the Quant Revolution]. Translation from English. Moscow: Eksmo, 400 p.
3. Lewis M. (2024) Flash Boys. Vysokochastotnaya revolyutsiya na Uoll-Strit [Flash Boys: A Wall Street Revolt]. Translation from English. Moscow, Alpina Publisher, 346 p.
4. Toffler A. (1997) Futuroshok [Future Shock]. St. Petersburg, Lan Publ., 461 p.

V. B. Sirotkin¹⁰. **The Problem of Selecting Options for Financial Market Analysis.** The author notes that in modern economic analysis of financial markets and practice of operations, new computer methods are replacing traditional methods of substantiating transactions. Computer models of data analysis expand the number of options for displaying market reality and serve as the foundation for highly profitable algorithmic and high-frequency trading.

Keywords: market, trading, algorithms, models, data.

¹⁰ *Vladislav B. Sirotkin*, Professor of Department of Business Informatics and Management, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation (67 Bolshaya Morskaya St., St. Petersburg, 190000, Russia), Doctor of Economics, Professor, Honored Fellow of Higher Education of the Russian Federation, e-mail: jaette@main.ru

DOI: 10.37930/1990-9780-2024-4-82-58-70

Н. Г. Привалов¹

НОМО TRADITUM КАК РАЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТРЕБИТЕЛЬ

Отказ от либерального курса в России требует разработки новой идеологии, в том числе в экономической политике. Одним из важных вопросов современной смешанной экономики является механизм потребительского поведения. Пропаганда в течение последних тридцати лет искусственно созданной модели homo economicus, не имеющей глубоких корней в менталитете россиян, не сформировала в нашем обществе устойчивых рыночных хозяйственных моделей поведения. Истощение природных ресурсов и нарастающие нетрадиционные для экономической теории экономические кризисы создают ограничения на рост потребления. В условиях «дикого» российского рынка существуют значительные риски для функционирования традиционной рыночной модели потребительского поведения. Поэтому для российского потребителя требуется усиление государственной защиты и в целом иная модель поведения, отличная от западной. В статье предлагается модель потребительского поведения как составная часть концепции homo traditum, лежащей в основе методологии нравственно-религиозного неинституционализма.

Ключевые слова: кризис либерализма, homo economicus, homo traditum, потребительское поведение, методология нравственно-религиозного неинституционализма, теория ограниченной рациональности.

УДК 330.16

Проблема

Отказ от либерального курса в России одновременно должен означать корректировку экономической политики. При неизменности направления на строительство смешанной модели экономик в ней должен произойти крен в сторону усиления человеческого содержания, для чего требуется усиление государственного вмешательства, общественного саморегулирования и соответствующей пропаганды здорового образа жизни. Необходимо отойти от крайностей дикой рыночной экономики, неизбежной на начальном этапе строительства рыночной экономической модели. «Третий путь России» должен сопровождаться возрождением лучших черт человеческой личности, подавлявшихся более ста лет советского и постсоветского периода. Для этого необходимо создать всеобщую систему общественной и личной безопасности, комфортной жизни для большинства россиян, которые теоретически должны относиться к среднему классу. В том числе требуется защита потребителя, ибо мы все являемся таковыми. Не человек для экономики, но экономика для человека. Таков должен быть стратегический лозунг экономического развития.

¹Николай Геннадьевич Привалов, профессор Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д.5), д-р экон. наук, доцент, e-mail: Ns-privalov@mail.ru

Цель данной работы – сформулировать проблему и основные тезисы концепции модели homo traditum как потребителя.

В рамках достижения цели работы ставятся следующие *задачи*:

1. Постановка проблемы.
2. Классификация публикаций по теме поведения потребителя.
3. Определение применимости методологии нравственно-религиозного неоинституционализма к проблеме потребительского поведения.
4. Определение методологических взаимосвязей модели человека homo traditum и теории поведения потребителя.
5. Определение проблем, связанных с внедрением модели homo traditum как рационального потребителя.
6. Определение основных направлений корректировки государственной политики в сфере защиты прав потребителя.

Методы

В работе применяется *методология нравственно-религиозного неоинституционализма*. Её основными принципами являются системность, равновесие, нравственность и антропологический принцип.

Системность выражается в привлечении традиционных (статистические, исторические и др.) и нетрадиционных для социальных исследований научных инструментов (например, зоопсихологии, кибернетики), а также учёт в институциональном анализе поведения человека и управления им не только социально-экономических факторов, но также факторов духовных, имеющих часто религиозную основу.

Равновесие выражается в стремлении сохранить гармонично развитую личность, отражённую в модели homo traditum (человек как социально-духовно-биологическое существо), структурированные общественные отношения и русскую цивилизацию в целом.

Нравственность в концепции идеологии «Третьего пути» для России выражается в справедливости как адекватном вознаграждении человека за сохранение им своей сущности homo traditum (человек традиционный) [1, с.21].

Антропологический принцип – это учёт в построении парадигмы, методологии, концепции и прочих элементов общественных теорий сущности человека, его наиболее важных черт.

Анализ литературы

Современные российские публикации по теме потребительского поведения можно классифицировать по следующим группам.

Большинство из них посвящено традиционной рыночной тематике – маркетинговой политике [2]. В том числе некоторые отмечают аспект влияния на потребителя глобализации [3], пандемии COVID-19 [4], цифровизации [5], искусственного интеллекта [6], экономических санкций [7], экологического фактора [8]. Уникальная тема – дети как потребители [9].

Некоторые публикации носят откровенно рекламный характер, выражая интересы конкретного производителя. Они часто также носят узкоотраслевой характер [10]. Другие пишут также о традиционной теме – защите прав потребителя [11], в том числе – с чисто юридической точки зрения [12]. Лишь отдельные работы носят более теоретический, концептуальный характер, ставя, например, вопрос о необходимости новой

государственной идеологии, учитывающей аспект политики трезвости [13], о коренных изменениях в условиях потребления и о необходимости, соответственно, разработки новой потребительской теории и политике [14, 15].

Следовательно, предлагаемая в данной работе тема является актуальной, теоретически не разработанной и носящей философский концептуальный характер.

Основная часть

1. Тридцать три года существования легального рынка в России породили множество частных хозяйственных субъектов и рыночных институтов, т. е. формальных и неформальных правил выживания, существования и даже преуспевания в условиях жёсткой конкурентной борьбы. Шоковая терапия, ускоренная приватизация и разгосударствление общественной и личной жизни проходили, начиная с правительства Е. Т. Гайдара без учёта национальных традиций, в основном – по американским и, возможно, некоторым европейским образцам. После разгула девяностых годов постепенно стали складываться структуры гражданского общества, которые, однако очень слабо воспринимаются общественным мнением. Социологические опросы ВЦИОМ показывают почти полное недоверие в постсоветской России демократическим институтам при высоком доверии традиционным институтам – Президенту (как верховному правителю России), армии, правоохранительным органам и Русской Православной Церкви.

При этом очень низким доверием пользуются структуры, относимые в развитых странах к гражданскому обществу – средства массовой информации, профсоюзы, партии, оппозиция. (табл. 1)

Таблица 1

Одобрение россиянами деятельности общественных институтов в 2024 г.,
% к числу опрошенных²

Общественный институт	На 31.07.2024	На 31.08.2024	На 30.09.2024
Армия	76,8	73,3	74,7
Правоохранительные органы	52,7	55,2	54,9
РПЦ	63,2	61,3	60,9
СМИ	45	41,6	41,1
Судебная система	38,8	36,8	38,1
Общественная палата	36,7	35,2	37,4
Политические партии	36,8	36,6	35,8
Профсоюзы	30,8	30,4	30,3
Оппозиция	24,5	23,2	23,9

При этом стабильно высокий уровень доверия сохраняется к личности Президента РФ В. В. Путина (табл. 2).

² Деятельность общественных институтов. URL: <https://wciom.ru/ratings/deyatelnost-obshchestvennykh-institutov> (дата обращения: 01.11.2024)

Доверие политикам в 2024 г.
(суммы ответов «безусловно доверяю» и «скорее доверяю», %) ³

Известные политики	14.07.2024	1.09.2024	13.10.2024
В.В. Путин	81,5	75,5	77,1
М.В. Мишустин	61,8	59,2	60,9
Д.А. Медведев	38,5	38,9	39,3
Г.А. Зюганов	34,3	32,6	31,4
С.М. Миронов	28,7	25,3	26,9

Авторитет некоммерческих организаций, к которым относятся и общества по защите потребителей, также невысок.

По данным Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Высшей школы экономики, в 2023 г. уровень доверия россиян к НКО фактически не изменился по сравнению с 2020 г. Последние годы этот показатель держится на уровне 54 %. О деятельности обществ по защите потребителей в населённом пункте, где проживают респонденты, знают лишь 26 % опрошенных ⁴.

Суд, который в развитых странах является важным средством восстановления справедливости, также не пользуется популярностью. Поэтому при всей необходимости развития гражданского общества, в том числе обществ по защите прав потребителей (и других подобных организаций, например, обществ обманутых вкладчиков), ожидать большого роста их влияния в ближайшее время не стоит. Процесс этот медленный, занимавший, например, в Западной Европе не одно столетие. Можно, например, предположить, что многие из известных ныне НКО (профсоюзы, организации предпринимателей, обществ по защите кого-либо, потребительские кооперативы и т. п.) родились из средневековых цеховых структур. Цехи ремесленников в западноевропейских городах были многопрофильными объединениями, защищавшими своих членов от чрезмерной конкуренции, обеспечивавшими им влияние на городское самоуправление и т. п.

В России же такого опыта не было. Воспоминания о самоуправлении в некоторых городах до присоединения их к Московскому княжеству являются скорее приукрашенными. Наши современники часто идеализируют опыт новгородской республики с её посадником, вечем и якобы всеобщим избирательным правом. Однако это не подтверждается археологически. Руководитель новгородской археологической экспедиции академик В. Л. Янин рассказывал, что на небольшой территории Ярославова дворища было подвергнуто раскопкам почти всё пространство, кроме стоящих старинных построек. И здесь не были обнаружены следы вечевого площади. При этом в толще грунта в Великом Новгороде сохранялись мостовые и деревянные тротуары. А настила вечевого площади нет. Поэтому он предположил, что вечевая площадь бы-

³ Доверие политикам. URL: <https://wciom.ru/ratings/doverie-politikam/> (дата обращения: 11.11.2024).

⁴ Татьяна Вятыхо. Доверие на микроуровне: НКО в борьбе за будущее. URL: <https://economics.hse.ru/ecjourn/news/890900713.html> (дата обращения 11.11.2024).

ла скорее «площадкой», где собиралось ограниченное количество выборных представителей от районов города, т. е. самых влиятельных и богатых. Эта площадка могла сохраниться где-нибудь под более новыми пристройками к старым церквям на Ярославовом дворе.

Земское самоуправление, благотворительные общества и потребительская кооперация были ликвидированы большевиками и заменены Советскими органами власти и колхозами. Поэтому помощи в защите прав потребителей и на современном этапе следует скорее ждать от государства, конечно, при взаимодействии через социальное партнёрство с общественными организациями. В любом случае необходимо саморазвитие самого человека – потребителя. Отказ от несостоявшейся в России модели *homo economicus* требует создания новой идеологии экономического поведения, в том числе в потреблении.

Этого же требуют и внешние условия – истощение природных ресурсов, санкционная блокада России, усиление оппортунизма (мошенничества).

Всё это делает в России традиционного для Запада потребителя беззащитным, что требует ограничения роста потребления и создания системы всеобщей безопасности, в том числе в сфере потребления.

2. Методология нравственно-религиозного неинституционализма является более гуманной, объективной и комплексной, чем методология либерализма, в основе которой лежит искусственно созданная модель *homo economicus*. Модель *homo economicus* не имеет доказательства и потому близка к религиозному догмату.

В роли потребителя *homo economicus* должен иметь следующие черты:

- 1) знать свои потребности и понимать свои интересы;
- 2) считать, оценивать и планировать свой бюджет;
- 3) оценивать и планировать свои возможности (денежные затраты, время, т. е. производственные и транзакционные издержки);
- 4) постоянно изучать рынок (товары, цены, конкурентов и т. п.);
- 5) оценивать полезность и предельную полезность получаемых благ;
- 6) преследовать свою личную выгоду и стремиться максимизировать общую полезность;
- 7) иметь склонность к экономии, все оценивать в денежной форме;
- 8) иметь доступ к информации;
- 9) соблюдать общественные правила и быть предсказуемым.

Данные свойства рационального потребителя строятся на основе некоторых искусственно созданных моделей, вошедших в арсенал «библии» экономического либерализма – *mainstream economics*, – прежде всего на основе австрийской школы предельной полезности. Впоследствии данная теория, называемая также теорией субъективной полезности, перекочевала в Англию к создателю неоклассического направления А. А. Маршаллу, а ещё позднее в США. В США же, что интересно, преобладают потомки немецких переселенцев. Таким образом, в основе *mainstream economics* лежит наряду с другими факторами психология немецкой нации, отличающаяся от прочих народов точностью, аккуратностью, бережливостью и педантичностью. А как же широкая русская (грузинская и т. п.) душа? Как её втиснуть в узкую теорию кардиналистов или ординалистов (варианты теории субъективной полезности)?

Для этого нужно переделать сам менталитет российских народов, изменить его кардинально, что и пытались сделать рыночники на протяжении более тридцати лет, призывая стать «шопоголиком», «бамбучо», «мачо» и т. п.

Поэтому считаем целесообразным применить к теории рационального потребителя методологию нравственно-религиозного неоинституционализма. Её первый принцип, системность, применительно к потребителю должен выражаться в учёте целого комплекса факторов, формирующих потребительское поведение.

В Экономиксе эти факторы сводятся к закону спроса и неценовым фактором, сдвигающим кривую спроса. Принцип неценовых факторов, не имеющих чёткого перечня, очень удобен. В него можно включать любые институциональные факторы, обычно не упоминаемые классиками Экономикс, прежде всего – менталитет и национальные традиции в различных ситуациях его проявления. Жаль только, что в Экономиксе ничего подобного об этих институциональных факторах не говорится.

Более совершенную теорию потребительского поведения создал Дж. Кейнс. Он, не будучи психологом, даже вывел «основной психологический закон», согласно которому, у человека по мере роста его доходов потребление увеличивается, но в меньшей мере, чем доход. Часть дохода накапливается. Кейнс предложил термины, отражающие данную закономерность – «склонность» к потреблению и сбережению, каждая из которых имеет характеристики – «средняя» и «предельная». Если классики связывали желание домохозяйств хранить сбережения в денежной форме со ставкой банковского процента, то Кейнс видел причину в изменении доходов.

Есть объяснение и отрицательного наклона кривой спроса. Отрицательный наклон кривой AD объясняется эффектами: чем выше уровень цен, тем меньше реальные запасы денежных средств (при условии, что предложение денег и скорость их обращения остаются фиксированными); эффектом процентной ставки; эффектом богатства; эффектом импортных закупок.

Эффект процентной ставки сводится к росту спроса на кредиты в случае роста цен, т.к. у домохозяйств не хватает наличных денег. Банки, видя это, увеличивают процентную ставку на кредиты, что сокращает спрос на кредит. Итогом будет падение спроса на потребительские товары на рынке.

Только вот к нашей ситуации этот механизм не имеет отношения. При стабильном росте цен большинство россиян едва ли побежит в банки за потребительским кредитом. Подъём цен мы воспринимаем непосредственно на рынке. Так случилось, например, летом-осенью 2024 г., когда Центральный Банк якобы для борьбы с инфляцией стал повышать в несколько этапов ключевую ставку с 16 до 21 %. Одновременно с прекращением государственной программы поддержки льготного ипотечного кредитования новостроек резко выросли проценты за ипотечные кредиты. Это вызвало резкое падение спроса на жильё. Однако, заметьте, что в данном случае банки подняли ставки вслед за решениями ЦБ, а не под влиянием возросшего спроса на кредиты.

Эффект богатства вводит в логическую цепочку ещё дополнительное звено в виде облигаций и банковских вкладов. Если происходит рост цен, то клиенты, получая проценты со своих инвестиций, видят их упавшую реальную ценность, поэтому становятся «беднее» и сокращают расходы.

Эффект богатства тем более не выдерживает критики в России, поскольку очень немногие из нас имеют облигации и всецело доверяют банкам и государству. Россияне имеют негативный опыт сталинских облигаций и постсоветских облигаций ГКО, ОФЗ, рухнувших в августе 1998 г., когда страна пережила дефолт. Банковская система у нас молодая, и доверительные отношения между ней и населением при наличии массового мошенничества ещё не сложились.

Поэтому домохозяйства в России часто хранят сбережения не в банках и не в виде ценных бумаг, а в виде ювелирных украшений и недвижимости. Тезаврация, как изъятие денег из оборота, ещё значительно присутствует в хозяйстве России. Следовательно, имеется необходимость разработки методологии экономического поведения применительно к российским геополитическим условиям.

Системность в методологии нравственно-религиозного неоинституционализма должна предполагать, что человек, во-первых, не является механическим существом подобно компьютеру и постоянно высчитывающим свой интерес.

Что касается несовершенства человеческой природы, то здесь весьма привлекательной выглядит теория Герберта Саймона. Американский социолог Герберт Саймон создал *теорию неполной рациональности*, в соответствии с которой, возможности типичного человека ограничены. Он не обладает необходимым объёмом памяти и способностями к переработке большого количества информации. У него отмечается нехватка времени и рациональности в выборе. Он может быть ленив и т. п. Поэтому он принимает удовлетворительное, а не наилучшее решение. Принцип оптимальности здесь заменён на принцип удовлетворённости [16].

Во-вторых, на человека должно воздействовать множество факторов, в том числе и «мир невидимый» – сфера внешнего мира, не воспринимаемая органами чувств и приборами. Поэтому она традиционно относится к объекту религии. И она весьма большая. К примеру, около 93 % космоса недостижима для земных телескопов и называется астрономами «тёмной материей», что теоретически допускает существование там неизвестных нам законов.

Учитывая «*триединую сущность человека*» (человек как социально-духовно-биологическое существо), методология нравственно-религиозного неоинституционализма допускает формирование духовной стороны человека Богом и, соответственно, воздействие через душу на человека «мира невидимого».

3. *Антропологический принцип* наряду с тремя другими, отмеченными выше, требует учёта сущности человека в построении всей политики.

Данный принцип лежит в основе многих великих учений и влиятельных геополитических концепций – рыночной (человек – homo economicus, по А. Смит), марксистская (человек – коллективист, социальное существо – продукт исторического развития), нацизм (расовая теория) и др. Если «человек – образ божий», а также «божья тварь – творение, раб божий и т. п., то к нему и должно быть соответствующее отношение. Если человек – высокообразованная обезьяна – аналогично. Поэтому представляется целесообразным рассмотреть методологические связи модели человека homo traditum и теории поведения потребителя.

Системность homo traditum, описанная выше, в модели рационального потребителя должна учитывать его коренные естественные потребности и защищать от культивирования вредных привычек, навязанных рыночными производителями. Различные нездоровые зависимости, носящие с разной степенью силы наркотический характер, должны предотвращаться и пресекаться, например, через насильственное лечение от алкоголизма, наркомании, табакокурения, потребление иных нездоровых веществ, зависимости от интернета, азартных игр и т. п. Во всех этих случаях, человек теряет свою личность и его нужно спасать.

Пример – *хикikomори*, как называют уже миллионы молодых людей, зависящих от интернета и почти не выходящих из своих комнат. Эта проблема уже прояви-

лась в разных развитых странах и требует участия родителей, психологов, психиатров, общественности и государства.

Что включается в понятие естественной потребности, нужно решать научными методами с привлечением достижений традиционной культуры и религии.

Равновесие для *homo traditum* состоит в гармоничном развитии всех трёх сторон его личности. Как потребитель *homo traditum* должен уметь составлять равновесный набор своей потребительской корзины не только с учётом бюджета, но и зная свои естественные потребности и остерегаясь развить неестественные.

В целом свойства *homo traditum* как рационального потребителя могут быть следующими:

- 1) стремление узнать свои потребности и понять свои интересы;
- 2) научиться по возможности считать, оценивать и планировать свой бюджет, хотя бы в стратегическом плане;
- 3) научиться оценивать и планировать свои возможности (денежные затраты, время, т. е. производственные и транзакционные издержки);
- 4) при совершении важных транзакций изучать рынок;
- 5) приобрести опыт потребителя для оценки качества наиболее важных товаров, особенно продуктов питания и лекарств;
- 6) сочетать личную и коллективную (общественную) выгоду;
- 7) при необходимости переходить на ограниченное потребление (в условиях ограниченности ресурсов, высокой инфляции, состояния здоровья и т. п.);
- 8) уметь пользоваться ограниченной информацией;
- 9) сохранять баланс в потреблении, т. е. равномерно удовлетворять свои социальные, духовные и биологические потребности;
- 10) особое внимание обращать на безопасность жизнедеятельности;
- 11) соблюдать общественные правила и быть предсказуемым.

Не полагаясь на сознательность недостаточно рационального *homo traditum* (согласно теории Г. Саймона), государство должно помогать ему формировать этот рациональный набор, обеспечивая ему необходимые доходы, пропагандируя здоровый образ жизни и юридически управляя потребительским рынком.

Стратегическая цель *homo traditum* – не максимизация общей полезности в краткосрочном периоде, как постулирует Economics для *homo economicus*, а оптимальное удовлетворение своих естественных потребностей и продление жизни на относительно комфортном уровне и благополучие судьбы после смерти. В этом проявляется принцип нравственности в отношении *homo traditum* как рационального потребителя, что равнозначно справедливости, которая конкретизируется в адекватном вознаграждении человека за сохранение им своей сущности, т. е. *homo traditum*.

Имеются некоторые конкретные примеры такого общественного поощрения рационального потребителя. Так, в некоторых современных западных фирмах применяются надбавки к заработной плате некурящим сотрудникам, т.к. они больше времени уделяют работе, да и здоровье у них крепче.

Расширение свободы в отношении вредных привычек даёт обратный эффект. Так, анализ статистики потребления алкоголя в России на протяжении XX в. говорит о прямой зависимости количества потребляемых литров алкоголя на душу населения и массовом ухудшении здоровья.

В 80-х годах д.э.н., профессор Б. И. Исаков дал следующую информацию о вреде производства алкоголя. Все приведённые ниже цитаты взяты из его лекции «О

необходимости восстановления ленинских норм в антиалкогольной политике в связи с катастрофическими последствиями алкоголизации страны», прочитанной 5 марта 1985 г. в центральном Доме художников г. Москвы.

«По закономерности Жданова-Загоруйко, уровень алконаркомании (душевое потребление в литрах абсолютного алкоголя (чел. в год) примерно равен проценту дебильности новорождённых. Последний, по демографическим законам, примерно через биоположение превращается в демографическую нагрузку (процент дебильности населения)».

«По закономерности Жданова-Загоруйко, процент дебильных новорождённых в РСФСР с сильными и средними патологическими мутациями на начало 80-х можно оценить на уровне 21–22 %. Примерно такую же долю составляют полудебильные новорождённые со слабыми патологическими мутациями. Таким образом, беспечная алкоголизация населения к нач. 80-х годов дала 34–36-процентную дебильность и полудебильность новорождённых в стране, в том числе 42–44-процентную – по РСФСР. По статистическому анализу, при алконаркомании свыше 25 л а.а./ чел-год в стране наступает алкогольно-экономический коллапс (алкогольная разруха), при котором общество не в состоянии обеспечить не только расширенного, но даже простого воспроизводства на душу населения (начинается суженное воспроизводство)» [17, с.34–35].

4. Рассмотрим некоторые государственные меры, необходимые для формирования новой модели потребительского поведения в новых геополитических условиях.

Например, что касается неестественных потребностей, необходимо вводить нравственно-духовную цензуру. Во многом их порождает навязчивая реклама. Даже Президент РФ В. В. Путин сказал, что редко смотрит телевизор, но, когда это случается и передачи прерываются на рекламу, у него возникает «неформальная лексика». Об этом глава государства заявил на втором медиафоруме региональных и местных СМИ «Правда и справедливость» в апреле 2015 г. «Даже не буду вслух произносить, что я думаю по этому поводу, – отметил Президент. – Думаю, что со мной согласно подавляющее большинство граждан РФ»⁵.

Потребителям необходима не реклама, а достоверная информация о товаре – его назначении, способах изготовления, составе, способах безопасного применения.

Требуется запретить рекламу табака и алкоголя во всех видах, рекламу лекарств и предметов, способных оскорбить окружающих. В комитеты по цензуре должны входить авторитетные специалисты по данным вопросам и представители общественности, в том числе религиозных организаций. Ещё В. В. Жириновский предлагал 60 % эфирного времени на телевидении, посвящённого исполнению песен, отдавать российским исполнителям. Другое дело, что российская массовая культура заполнена безвкусицей и пошлостью типа Н. Баскова, Ф. Киркорова и т. п. Здесь тоже требуется своя нравственная цензура.

Это касается и употребления русского мата в культуре. Имеются эксперты, доказывающие отрицательное воздействие ругани на всё живое. Эксперименты с растениями, проведённые уральским физиком Геннадием Чеуриным, показывают положительное воздействие на посевы православной молитвы и, напротив, резко негативное влияние русского мата⁶ [22].

Поэтому требуется принятие государственной программы борьбы с алкоголизмом и табакокурением, что позволит законодательно признать алкоголь и табак

⁵ URL: <http://lenta.ru/news/2015/04/28/putimcommercial/> (дата обращения 11.11.2024)

⁶ [Электронный ресурс]. Видеофильм «Как наше слово отзовется»

наркотиками и в перспективе принудительно лечить страдающих от них. Естественно, это должно происходить не сразу и комплексно с применением других мер.

Заключение

На основании проведённого исследования можно прийти к следующим выводам:

1. Проблема потребительского поведения является извечной, нерешённой и актуальной особенно в кризисных ситуациях.

2. От решения данного вопроса зависит в том числе состояние экономики, политики, общественной безопасности и социальной сферы.

3. Фактор потребительского поведения неизбежно присутствует в любых человеческих отношениях – в воспитании, образовании, пропаганде и государственной политике.

4. В настоящее время в связи с кризисом либеральной идеологии актуальным становится возрождение национально-патриотической идеологии и, соответственно, национальной культуры, в том числе с учётом фактора здорового потребительского поведения.

5. Научное и философское обоснование формирования новой идеологии потребительского поведения предлагается осуществлять с помощью модели *homo traditum*.

6. Применение к социальным вопросам методологии нравственно-религиозного неoinституционализма является оправданным.

7. Проводимая в этих целях государственная политика будет эффективной только в случае адекватного учёта человеческой сущности.

Список литературы

1. *Привалов, Н. Г.* Парадигма равновесия для национальной системы образования в России (междисциплинарный подход) / Н. Г. Привалов // Подготовка специалистов для судебной системы в контексте парадигмальности. Сборник материалов Всероссийского круглого стола. 26 октября 2023 г. / под общ. ред. В. Г. Бондарева, Е. П. Цыплаковой. – СПб.: Астерион, 2024. – 156 с. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_67874614_23891885.pdf (дата обращения: 12.11.2024).

2. *Михайленко, Н. Н.* Методы психологического воздействия рекламы на потребителя / Н. Н. Михайленко // Практический маркетинг. – 2023. – № 6 (312). – С. 38–41.

3. *Долженко, И. Б.* Влияние глобализации на изменения потребительских предпочтений и операции ТНК индустрии моды / И. Б. Долженко // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 7-1 (46). – С. 139–143.

4. *Морозова, А. А.* (2021). Адаптация рекламных сообщений брендов в социальных сетях к условиям пандемии COVID-19: мнение аудитории / А. А. Морозова // Брендинг как коммуникационная технология XXI века: Материалы VII Международной научно-практической конференции / под ред. А. Д. Кривоносова. – СПб: Изд-во: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2021. – С. 144–147.

5. *Королев, О. Л.* (2022). Индивидуализация производства и потребления в цифровой экономике / О. Л. Королев // Философия хозяйства. – 2022. – № 2 (140). – С. 112–124.

6. *Жевняк, О. В.* Правовые механизмы решения проблем использования прикладного искусственного интеллекта при оказании услуг / О. В. Жевняк, Е. Г. Шаблова,

Н. В. Городнова // Российские регионы в фокусе перемен: Сборник докладов XVII Международной конференции. – Екатеринбург. – 2023. – С. 615–620.

7. Волохов, Н. Н. Тенденции рынка общественного питания в современных условиях / Н. Н. Волохов, Ф. К. Семёнова // Первый экономический журнал. – 2024. – № 6 (348). – С. 20–27.

8. Голубева, Т. Б. Экологические услуги и менталитет потенциальных потребителей: примеры противоречий / Т. Б. Голубева, Е. В. Морозова // Молодёжь в поисках разрешения современных экологических вызовов: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. Н. П. Несговорова. – Курган, 2023. – С. 44–50.

9. Царьков, П. Е. Детский рынок как особая культура: теоретические подходы к исследованию/ П. Е. Царьков // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В. А. Мансуров. – Изд-во: Российское общество социологов, 2020. – С. 4221–4228.

10. Гудко, А. О конструктивном диалоге, взвешенных решениях и подлинной заботе о потребителе/ А. Гудко // Сантехника, отопление, кондиционирование. – 2022. – №10 (250). – С. 40–45.

11. Бохан, Л. Е. Ретроспективный анализ законодательства о защите прав потребителей / Л. Е. Бохан, Б. Е. Кошелюк // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 10 (226). – С. 135–136.

12. Абдиров, Н. М. Некоторые вопросы подведомственности и подсудности споров о защите прав потребителей / Н. М. Абдиров // Труды оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. – 2017. – № 31. – С. 101–104.

13. Вуколов, А. В. Трезвость – основа государственной идеологии России/ А. В. Вуколов, А.А Зверев // Законом утвердим и сохраним трезвость: Материалы Всероссийской научно-практической конференции общественного движения "Союз утверждения и сохранения Трезвости "Трезвый Урал" с международным участием, посвящённой 20-летию ОД "Союз УСТ "Трезвый Урал". – Тюмень, 2023. – С. 13–23.

14. Томилин, К. В. О потребителе постиндустриальной эпохи и аспектах его изучения / К. В. Томилин // Будущее науки – 2015: Сборник научных статей 3-й Международной молодёжной научной конференции: в 2-х томах. / отв. ред. Горохов А. А. – Курск, 2015. 23–25 апреля 2015 г. – Т. 1. – С. 264–268.

15. Архипова, Н. И. Предпосылки к развитию гуманистического маркетинга в современных условиях / Н. И. Архипова, М. Т. Гуриева // Вестник РГГУ. Серия: экономика, управление, право. – 2019. – № 1. – С. 8–18.

16. Герберт Саймон. Рациональность как процесс и продукт мышления / Герберт Саймон // Thesis. – 1993. – Вып. 3. – С. 16–38.

17. Привалов, Н. Г. Третий путь России: новая надежда в XXI веке / Н. Г. Привалов – Екатеринбург: Уральское изд-во, 2012. – 432 с.

References

1. Privalov N. G. (2024) Paradigma ravnovesiya dlya natsional'noy sistemy obrazovaniya v Rossii (mezhdistsiplinarynyy podkhod) [Equilibrium Paradigm for the National Education System in Russia (Interdisciplinary Approach)]. In: Podgotovka spetsialistov dlya sudebnoy sistemy v kontekste paradigmal'nosti. Sbornik materialov Vserossiyskogo kruglogo stola. [Training of Specialists for the Judicial System in the Context of Paradigmaticity]. Proceedings From the All-Russian Round-Table Conference]. V. G. Bondareva, E. P. Tsyplakova (Ed.). October 26, 2023. St. Petersburg: As-

terion. 156 p. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_67874614_23891885.pdf (Access date: 12.11.2024).

2. Mikhaylenko N. N. (2023) *Metody psikhologicheskogo vozdeystviya reklamy na potrebitelya* [Methods of the Psychological Impact of Advertising on Consumers]. *Practical Marketing*, 6 (312), pp. 38–41.

3. Dolzhenko I. B. (2020) *Vliyaniye globalizatsii na izmeneniya potrebitel'skikh predpochteniy i operatsii TNK industrii mody*. [The Influence of Globalization on Changes in Consumer Preferences and Operations of TNCs in the Fashion Industry]. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 7-1 (46), pp. 139–143.

4. Morozova A. A. (2021) *Adaptatsiya reklamnykh soobshcheniy brendov v sotsial'nykh setyakh k usloviyam pandemii COVID-19: mneniye auditorii* [Adaptation of Brand Advertising Messages on Social Media to the Conditions of the COVID-19 Pandemic: Audience Opinion]. In: *Branding kak kommunikatsionnaya tekhnologiya XXI veka: Materialy VII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Branding as a Communication Technology of the 21st Century: Proceedings of the 7th International Scientific and Practical Conference (Krivonosov A. D. Ed.)]. St. Petersburg: St. Petersburg State Economic University, pp. 144–147.

5. Korolev O. L. (2022) *Individualizatsiya proizvodstva i potrebleniya v tsifrovoy ekonomike* [Individualization of Production and Consumption in the Digital Economy]. *Philosophy of Economics*, 2(140), pp. 112–124.

6. Zhevnyak O. V. (2023) *Pravovyye mekhanizmy resheniya problem ispol'zovaniya prikladnogo iskusstvennogo intellekta pri okazanii uslug* [Legal Mechanisms for Solving Problems of Using Applied Artificial Intelligence in the Provision of Services]. In: *Rossiyskiye regiony v fokuse peremen: Sbornik dokladov XVII Mezhdunarodnoy konferentsii* [Russian regions in the focus of change: Proceedings of the 17th International Conference]. Ekaterinburg, pp. 615–620.

7. Volokhov N. N. (2024) *Tendentsii rynka obshchestvennogo pitaniya v sovremennykh usloviyakh* [Trends in the Public Catering Market in Modern Conditions]. *First Economic Journal*, 6 (348), pp. 20–27.

8. Golubeva T. B. (2023) *Ekologicheskiye uslugi i mentalitet potentsial'nykh potrebiteley: primery protivorechiy* [Environmental Services and the Mentality of Potential Consumers: Examples of Contradictions]. In: *Molodezh' v poiskakh razresheniya sovremennykh ekologicheskikh vyzovov: Sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Youth in Search of Solutions to Modern Environmental Challenges: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference]; Nesgovorova N. P. (Ed.). Kurgan, pp. 44–50.

9. Tsarkov P. E. (2020) *Detskiy rynek kak osobaya kul'tura: teoreticheskiye podkhody k issledovaniyu* [Children's Market as a Special Culture: Theoretical Approaches to Research]. In: *Sotsiologiya i obshchestvo: traditsii i innovatsii v sotsial'nom razvitiy regionov: Sbornik dokladov VI Vserossiyskogo sotsiologicheskogo kongressa* [Sociology and Society: Traditions and Innovations in the Social Development of Regions. Proceedings of the 6th All-Russian Sociological Congress]; Mansurov V. A. (Ed.). Publishing house: Russian Society of Sociologists, pp. 4221–4228.

10. Gudko A. (2022) *O konstruktivnom dialoge, vzveshennykh resheniyakh i podlinnoy zabote o potrebitelye* [On Constructive Dialogue, Informed Decisions and Genuine Care for the Consumer]. *Plumbing, Heating, Air Conditioning*, 10(250), pp. 40–45.

11. Bokhan L. E. (2023) *Retrospektivnyy analiz zakonodatel'stva o zashchite prav potrebiteley* [Retrospective Analysis of Legislation on the Protection of Consumer Rights]. *Agrarian and Land Law*, 10 (226), pp. 135–136.

12. Abdirov N. M. (2017) Nekotoryye voprosy podvedomstvennosti i podsudnosti sporov o zashchite prav potrebiteley [Some Issues of Jurisdiction and Jurisdiction of Disputes on the Protection of Consumer Rights]. Proceedings of the Orenburg Institute (Branch) of the Moscow State Law Academy, 31, pp. 101–104.

13. Vukolov A. V. (2023) Trezvost' – osnova gosudarstvennoy ideologii Rossii [Sobriety Is the Basis of the State Ideology of Russia]. In: Zakonom utverdim i sokhranim trezvost': Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii obshchestvennogo dvizheniya "Soyuz utverzhdeniya i sokhraneniya Trezvosti "Trezvyy Ural" s mezhdunarodnym uchastiyem, posvyashchennoy 20-letnemu yubileyu OD "Soyuz UST "Trezvyy Ural" [We Will Establish and Preserve Sobriety by Law: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference of the Social Movement "Union for the Promotion and Preservation of Sobriety "Sober Ural" With International Participation. Dedicated to the 20th Anniversary of the OD "Union of UST "Sober Ural"]. Tyumen, pp. 13–23.

14. Tomilin K. V. (2015) O potrebitele postindustrial'noy epokhi i aspektakh yego izucheniya [On the Consumer of the Post-industrial Era and Aspects of Its Study]. In: Budushcheye nauki – 2015: Sbornik nauchnykh statey 3-y Mezhdunarodnoy molodezhnoy nauchnoy konferentsii: v 2-kh tomakh [Future of Science – 2015: Proceedings of the 3rd International Youth Scientific Conference: in 2 Volumes]. Vol. 1; Gorokhov A. A. (Ed.). April 23–25, 2015. Kursk, pp. 264–268.

15. Arkhipova N. I. (2019) Predposylki k razvitiyu gumanisticheskogo marketinga v sovremennykh usloviyakh [Prerequisites for the Development of Humanistic Marketing in Modern Conditions]. RSUH/RGGU Bulletin. Series: Economics. Management. Law, 1, pp. 8–18.

16. Simon G. (1993) Ratsional'nost' kak protsess i produkt myshleniya [Rationality as Process and as Product of a Thought]. Thesis, 3, pp. 16–38.

17. Privalov N. G. (2012) Tretiy put' Rossii: novaya nadezhda v XXI veke [Russia's Third Path: New Hope in the 21st Century]. Ekaterinburg: Ural Publishing House, 432 p.

N. G. Privalov⁷. Homo Traditum as a Rational Consumer. Rejection of the liberal course in Russia requires development of a new ideology, particularly in economic policy. The mechanism of consumer behavior is one of the important issues of the modern mixed economy. Over the past thirty years, the propaganda of an artificially created model that does not have deep roots in the mentality of Russians, homo economicus, has not formed sustainable market economic models of behavior in our society. The depletion of natural resources and growing economic crises, unconventional for economic theory, restrict the growth of consumption. In the conditions of the "wild" Russian market, there are significant risks for the existence of the traditional market model of consumer behavior. Therefore, the Russian consumer requires strengthened state protection and, in general, a new model of behavior, different from the Western one. The paper proposes a model of consumer behavior as an integral part of the concept of homo traditum, which underlies the methodology of moral and religious neo-institutionalism.

Keywords: crisis of liberalism, homo economicus, homo traditum, consumer behavior, methodology of moral and religious neo-institutionalism, theory of bounded rationality.

⁷ Nikolai G. Privalov, Professor at the North-Western Branch of the Russian State University of Justice (5 Aleksandrovsky park, St. Petersburg, 197046, Russia), Doctor of Economics, Associate Professor, e-mail: Ns-privalov@mail.ru

ЭКОНОМИКА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА И ИННОВАЦИИ

DOI: 10.37930/1990-9780-2024-4-82-71-92

Ю. В. Вертакова¹, В. А. Плотников²

ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ И РАЗВИТИЮ ЦИФРОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ РАБОТНИКОВ В УСЛОВИЯХ ИНДУСТРИИ 5.0

Выполнен анализ проблем, связанных с овладением работниками цифровыми компетенциями и их развитием, а также обосновать рекомендации по их преодолению в условиях Индустрии 5.0. Эмпирическое исследование проводилось в форме анализа опыта внедрения элементов концепции цифровых ассистентов в различных регионах России, в том числе проводимого с участием соавторов статьи; теоретическое исследование базировалось на использовании классических методов сравнительного, ретроспективного, институционального и компетентностного анализа, изучении лучших практик управления цифровым развитием в условиях Индустрии 4.0 и Индустрии 5.0.

Выявлено, что недостаточно сформированные и развитые цифровые компетенции работников являются одним из наиболее серьезных и труднопреодолимых препятствий в достижении целей деятельности современных российских организаций. Традиционно используемый для решения этих проблем подход, основанный на обучении сотрудников стандартными методами, не даёт должного результата, что определяется имеющимися ресурсными ограничениями. Предложен авторский подход к решению рассмотренных проблем, основанный на создании региональных и/или университетских центров подготовки цифровых ассистентов. Дана общая характеристика понятия «цифровой ассистент», предложен авторский организационно-управленческий подход к формированию и развитию цифровых компетенций работников в условиях Индустрии 5.0 с использованием цифровых ассистентов. В исследовании впервые

¹ *Юлия Владимировна Вертакова*, профессор Курского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (305016, г. Курск, ул. Ломоносова, д. 3), д-р экон. наук, профессор, e-mail: Vertakova7@ya.ru

² *Владимир Александрович Плотников*, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета (191023, г. Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30–32), д-р экон. наук, профессор, e-mail: plotnikov_2000@mail.ru

предложен оригинальный авторский целостный подход к формированию и развитию цифровых компетенций работников в условиях Индустрии 5.0, пригодный к использованию на региональном уровне путём тиражирования его применения, до настоящего времени с достаточной полнотой не описанный в литературе.

Ключевые слова: индустрия 5.0, цифровизация, цифровая трансформация, цифровые компетенции, цифровая грамотность, организационное развитие, управление развитием персонала, цифровые ассистенты.

УДК 330.352

Введение

Развитие социально-экономической системы в России и многих других странах мира происходит под мощным воздействием такого фактора, как цифровизация [1]. Она охватывает многочисленные процессы человеческой деятельности, подвергая их трансформации. По нашему мнению, цифровизация представляет собой современный этап развития процессов информатизации социально-экономических процессов [2], на котором, вследствие развития технологий обработки дискретных данных с использованием быстродействующих коммуникационных и вычислительных устройств, в человеческой деятельности во всё большей степени используются именно цифровые данные (или, возможно, оцифрованные аналоговые данные).

Сегодня цифровизация во всё большей степени приобретает характер цифровой трансформации [3; 4], когда согласно известному диалектическому закону количественные цифровые изменения процессов человеческой деятельности в той или иной сфере, накапливаясь и оказывая друг на друга системное влияние, придают цифровизации новое качество, в результате мы имеем дело с по-новому организованными процессами, осуществление которых как по отдельности, так и совокупно с требуемым качеством становится практически невозможным без использования цифровых технологий.

В результате цифровой трансформации формируется новый тип устройства социально-экономической системы, который получил название «Индустрия 5.0». Этой проблематике посвящено значительное число исследований [5–8]. В рамках известной концепции Индустрия 4.0 происходит активное внедрение цифровых инструментов в процессы хозяйственной деятельности, в результате чего формируются т. н. киберфизические системы. Индустрия 5.0 предполагает активное человеко-машинное взаимодействие, в рамках этой концепции получают распространение человеко-машинные системы.

Несмотря на прогрессивный характер рассматриваемых процессов, у них имеются и негативные последствия. Одним из таких негативных эффектов является формирование феномена цифрового неравенства. Причинами цифрового неравенства являются разные возможности доступа к цифровым технологиям и различная сформированность цифровых компетенций, которые не позволяют полноценно использовать даже доступные цифровые достижения, характерные для различных людей. Цифровое неравенство проявляется и внутри организаций, итогом чего является снижение их потенциала цифрового развития и успешного осуществления цифровой трансформации.

При Индустрии 5.0, с одной стороны, во многих процессах человек либо полностью вытесняется из экономического процесса, либо опирается на использование

технологий. И происходит «вытеснение» человека из сферы экономики. С другой стороны, человек не уходит вовсе из экономической сферы, а выступает в качестве её неотъемлемого элемента, выполняя функции в большей степени не исполнительские, а регулировочные, контрольные и т. д. То есть к уровню развития цифровых компетенций работника эпохи Индустрии 5.0 предъявляются весьма высокие требования.

Очевидной и главной, по нашему мнению, предпосылкой цифровизации и цифровой трансформации является информационно-технологическая. В отсутствие материальной основы в виде достаточного количества цифровых устройств (датчиков, приборов передачи и обработки данных, их визуализации и хранения и т. д.), а также развитой и доступной физической и экономически информационно-коммуникационной инфраструктуры, проникновение цифровых технологий в социальные и экономические процессы будет весьма ограниченным. Достижение рассматриваемой предпосылки означает, в том числе, и развитие технологий производства и эксплуатации цифрового оборудования, и высокий уровень развития соответствующих областей науки.

Второй предпосылкой выступает предпосылка институциональная. Как было отмечено выше, цифровизация и цифровая трансформация требуют развитой инфраструктуры, в том числе публичной, общедоступной. Общество в этом заинтересовано, поэтому соответствующие отношения активно регулируются специальными нормами. Примером такого рода может являться Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы». Иной пример – включение в Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» отдельной национальной цели: «Цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы».

Третьей необходимой предпосылкой выступает наличие у пользователей цифровых технологий знаний, навыков и мотиваций, необходимых для того, чтобы использовать достижения цифровизации на практике. Несмотря на то, что достижения в технологиях обработки данных становятся всё более значительными, и в ряде областей как промышленного, так и бытового использования цифровых устройств происходит переход от автоматизированных к автоматическим режимам их работы, обойтись вовсе без человека в абсолютном большинстве случаев, даже при использовании совершенных цифровых технологий, по-прежнему невозможно. Следовательно, уровень цифровых компетенций людей является, наряду с упомянутыми выше двумя иными предпосылками, важной третьей предпосылкой цифровизации и цифровой трансформации.

Целью данного исследования является анализ проблем, связанных с овладением цифровыми компетенциями и их развитием, а также разработка рекомендаций по их преодолению в условиях Индустрии 5.0. При этом, следует сделать уточнение, определяющее границы авторского исследования. Когда речь идёт о цифровых компетенциях людей, возникают резонные вопросы – о каких именно людях идёт речь, для чего им нужны указанные компетенции? Уместно в этой связи, на наш взгляд, процитировать фрагмент выступления президента нашей страны на Петербургском международном экономическом форуме – 2017:

«Намерены кратно увеличить выпуск специалистов в сфере цифровой экономики, а по сути нам предстоит решить более широкую задачу, задачу национального уровня – добиться всеобщей цифровой грамотности... для этого следует серьёзно усовершенствовать систему образования на всех уровнях – от школы до высших

учебных заведений, и, конечно, развернуть программы обучения для людей самых разных возрастов»³.

То есть, можно выделить две категории людей, нуждающихся в освоении цифровых компетенций: во-первых, специалисты, занятые в том секторе экономики, который именуется «цифровая экономика». Это – программисты, инженеры-электронщики, системные администраторы компьютерных систем и т. д. От количества этих специалистов и уровня их квалификации зависит величина цифрового сектора национальной экономики, его технологический уровень, конкурентоспособность производимых цифровых товаров и услуг, а также перспективы цифрового развития. Подготовка этих кадров в стране уделяется достаточно большое внимание, что отражено, например, в табл. 1 и 2. Можно отметить, что по количественным характеристикам Россия здесь опережает многие развитые страны мира;

Таблица 1

Подготовка кадров в сфере информационных технологий и смежных областей образования, связанных с интенсивным использованием ИКТ
(составлено по данным официальной статистики [9, с. 83–87])

Категория обучаемых	Численность студентов на начало 2022/2023 учебного года, тыс. чел.	Выпуск в 2022 году, тыс. чел.
Программы подготовки квалифицированных рабочих, служащих	43,2	12,9
Программы подготовки специалистов среднего звена	387,0	63,7
Программы подготовки в бакалавриате, специалитете, магистратуре	1065,4	209,9
Программы подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре и ассистентура-стажировка	н. д.	4,264

Таблица 2

Подготовка кадров по научной области «Информационно-коммуникационные технологии» в России и некоторых странах мира (составлено по данным официальной статистики [9, с. 89-90])

Страна	Среднее профессиональное образование по программам подготовки специалистов среднего звена		Высшее образование по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры		Высшее образование по программам подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Великобритания (2020)	6,4	5,6	29,4	4,2	1,1	4,0
Италия (2020)	0,7	13,5	5,5	1,3	0,1	1,8
Республика Корея (2020)	8,1	5,0	20,0	4,6	0,5	3,3
Россия (2022)	46,4	7,6	48,1	5,9	1,0	7,3
США (2020)	36,2	3,6	156,6	5,2	2,4	3,3
Франция (2020)	5,7	2,5	24,3	4,0	0,6	5,3

³ <https://forumspb.com/news/news/vladimir-putin-postavil-zadachu-dobitsya-v-rf-vseobshchey-tsifrovoy-gramotnosti/>

В данном случае речь идёт о цифровой грамотности, уровень которой в России, к сожалению, пока ещё недостаточно высок (табл. 3 и 4), особенно в сравнении с развитыми странами мира (табл. 5), что является сдерживающим фактором инновационного в целом и цифрового – в частности – развития.

Таблица 3

Доля населения Российской Федерации, обладающего цифровой грамотностью и ключевыми компетенциями цифровой экономики

(источник: Паспорт федерального проекта «Кадры для цифровой экономики»⁴)

Год	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Доля, %	26	27	30	32	36	38	40

Примечание: за 2018 г. – факт, за остальные годы – план.

Таблица 4

Цифровые навыки населения Российской Федерации, %

(составлено по данным официальной статистики [9, с. 33])

Навык	2019	2020	2021	2022
Отправка электронной почты с прикрепленными файлами	39,7	42,2	62,2	64,8
Работа с текстовым редактором	40,4	40,4	38,4	42,3
Копирование или перемещение файла или папки	36,3	37,5	36,3	39,8
Использование инструмента копирования и вставки в документе	24,9	27,7	27,7	29,3
Работа с электронными таблицами	22,0	22,9	21,4	25,8
Использование программ для редактирования фото-, видео- и аудиофайлов	21,9	20,9	21,4	23,4
Передача файлов между компьютером и периферийными устройствами	31,0	27,3	26,1	22,7
Подключение и установка новых устройств	15,3	14,2	14,2	15,1
Создание паролей для защиты устройств, приложений, учётных записей	–	–	11,1	13,4
Создание электронных презентаций с использованием специальных программ	9,0	9,3	10,1	12,4
Проверка достоверности информации, найденной в сети Интернет	–	–	–	12,3
Изменение настроек доступа к учётным записям	–	–	6,7	9,0

В нашем исследовании мы будем говорить о тех цифровых компетенциях, которые можно обозначить термином «цифровая грамотность», т. е. о компетенциях универсальных, базовых, позволяющих людям как в быту, так и в профессиональной деятельности беспрепятственно использовать различные цифровые устройства и технологии. В качестве базового в нашем исследовании мы используем определение цифровой грамотности, предложенное в исследовании НАФИ; это – «базовый набор

⁴ https://files.data-economy.ru/Docs/FP_Kadry_dlya_cifrovoj_ekonomiki.pdf.

знаний, навыков и установок, позволяющий человеку эффективно решать задачи в цифровой среде»⁵.

Таблица 5

Цифровые навыки населения в России и некоторых странах мира, %
(составлено по данным официальной статистики [9, с. 34])

Навык	Передача файлов между компьютером и периферийными устройствами	Работа с электронными таблицами	Использование программ для редактирования фото-, видео- и аудиофайлов
Бельгия	50	44	27
Германия	53	34	31
Россия	23	26	23
Финляндия	71	51	54
Франция	69	44	41
Чехия	57	40	28
Швеция	62	45	34
Эстония	55	42	34

Краткий литературный обзор

Проблемы цифровой грамотности и цифровых компетенций активно изучаются российскими и зарубежными исследователями. Так, в работе И. С. Симаровой и соавт. [10] предложено цифровые компетенции по аналогии с тем, как мы сделали выше, разделять на базовые и специальные. При этом, отмечается их существенный вклад не только в экономическое развитие, но и в достижение высокого качества жизни, с одной стороны. С другой стороны, показано, что недостаточное развитие цифровых компетенций служит сдерживающим фактором для цифровизации:

«Несмотря на высокий уровень развития информационно-коммуникационных технологий и их относительную доступность..., лишь половина населения обладает базовыми цифровыми компетенциями, а доля населения, способного решать специализированные задачи с применением информационно-коммуникационных технологий, совсем незначительна. Применение программных средств в организациях является взаимозависимым процессом: с одной стороны, организации в незначительных объемах применяют программные средства, требующие развития цифровых компетенций у персонала, с другой – рынок труда не обеспечивает наличие необходимых специалистов в достаточном объеме» [10, с. 939].

Специальных, оригинальных подходов к развитию цифровых компетенций указанные авторы не рассматривают. Для специальных компетенций предложено использовать традиционные формы обучения как внутрифирменного, так и внешнего, а

⁵ <https://nafi.ru/projects/sotsialnoe-razvitie/tsifrovaya-gramotnost-dlya-ekonomiki-budushchego>.

для базовых – вообще не делать ничего, руководствуясь принципом, что «жизнь сама всему научит».

Н. С. Ермашквич и соавт. [11] рассматривают проблему более широко, с позиций изменения состава и структуры профессиональных компетенций в условиях цифровой экономики. При таком подходе, цифровые компетенции не отделяются от иных видов компетенций, т.к. применяются они комплексно, совместно. С таким подходом можно согласиться, в то же время неясно, как быть, если у человека, в отношении которого принято решение о необходимости формирования у него компетенций цифровой экономики, нецифровые компетенции имеются, а цифровых нет.

Дело в том, что в рассматриваемой работе для формирования компетенций, востребованных в цифровой экономике, предлагается использовать специальную обучающую цифровую платформу. Но как быть, если обучающийся не сможет ей полноценно воспользоваться в силу того, что у него нет пока ещё достаточных цифровых компетенций? Этот вопрос остаётся без ответа.

Е. В. Васильева и соавт. [12] рассматривают проблему развития уровня цифровых компетенций у конкретной группы работников – государственных служащих. Интерес представляет предложенная в этой работе систематизация цифровых компетенций, среди которых выделены следующие группы [12, с. 32-33]: общие знания информационных технологий и применения персонального компьютера (ПК); знания и навыки применения ПК; знания и навыки работы с офисными программами; знания и навыки работы с информационно-телекоммуникационной сетью «Интернет».

Предложено учитывать развитость этих компетенций при назначении государственных служащих на должности, разработана соответствующая формализованная система требований, что, безусловно, представляет и теоретический, и практический интерес. В то же время, вопрос о том – как именно формировать эти компетенции – остался вне рамок проведённого исследования. А именно он, по нашему мнению, представляет особый интерес.

Вопросу именно формирования цифровых компетенций посвящено исследование И. А. Волковой и В. С. Петровой [13]. Эти авторы также предлагают собственную классификацию цифровых компетенций, а также выделяют уровни их освоения. В то же время, несмотря на достаточно глубокую проработку вопроса относительно сущности цифровых компетенций и обоснование того, что они востребованы в современных условиях, оригинального ответа на вопрос относительно того, как же их формировать, в статье не приведено.

Авторы ограничились общими, довольно неконкретными рекомендациями, что надо создать «педагогическую систему внедрения формирования цифровых компетенций у будущих специалистов» и практиковать «использование информационно-дидактического комплекса в качестве инновационной методологической основы организации и обучения как основу формирования цифровых компетенций у будущих специалистов» [13, с. 23].

Содержательно схожим является исследование М. М. Батовой [14]. Автор достаточно развёрнуто и аргументированно раскрывает суть цифровых компетенций, описывает их необходимость и отмечает важную роль в их формировании и развитии образовательных организаций. Можно согласиться с тем, что «процессы цифровой трансформации ... диктуют необходимость развития и цифровых компетенций не только путём расширения их перечня, но и путём качественного изменения содержа-

ния компетенций, установления преемственности между уровнями созданных компетенций» [14, с. 1579].

Но в вопросе способов формирования и развития цифровых компетенций оригинальных подходов автором не предложено, следует, по его мнению, усилить внимание к этой составляющей обучения, шире использовать компьютерную технику в образовательной деятельности и т.п.

Интерес представляет исследование Т. А. Гилевой [15]. Здесь подчёркивается важная идея: состав и структура, степень развития цифровых компетенций персонала компании должны определяться не умозрительными рассуждениями относительно наступления цифровой эры в экономике, но стратегией цифровой трансформации компании. И лишь после разработки и утверждения этой стратегии следует определить компетентностные дефициты (в части цифровых навыков и знаний), после чего составить программу (фактически – частную стратегию) их устранения.

Для формирования программы обучения предложено использование ряда критериев, характеризующих процесс обучения: стоимость; продолжительность; практичность (имеется в виду соотношение теоретических и прикладных тем, вопросов, затрагиваемых в ходе обучения); профессиональность; комплексность специализаций; количество обучаемых. Окончательный выбор предпочтительных методов обучения с целью формирования цифровых компетенций происходит по двухэтапной методике: (1) «проводится предварительный отбор методов с учётом соответствия их содержания выявленной потребности в развитии компетенций. Это соответствие определяется по критерию результативности, объединяющему такие характеристики метода, как практичность, профессиональность и комплексность»; (2) «уточнение выбора осуществляется по критериям стоимости и продолжительности обучения».

Для оценки по критериям используется экспертный метод с выставлением баллов по каждому из критериев и последующим оптимальным выбором экстремального (по сумме баллов) метода обучения. При этом, заметим, что сами методы обучения являются традиционными, но среди них выделен такой, как «наставничество», к которому мы ещё вернёмся в дальнейшем изложении.

В статье Р. Ш. Махмудовой [16] дана характеристика компетенций, присущих Индустрии 4.0, а также сделан краткий обзор мирового опыта их классификации и обобщённых подходов к формированию. Во многом эти подходы предложено строить на использовании электронной образовательной среды (игры-симуляторы, «учебные фабрики», обучение с использованием виртуальной реальности и пр.), как дающие наилучшие результаты. Но здесь вновь возникает вопрос, который ставился нами ранее: как быть в ситуации, когда требуется сформировать цифровые компетенции у специалиста, не обладающего высоким уровнем цифровой грамотности?

В этой связи, резонно обратиться к начальным этапам формирования цифровых компетенций, к формированию их базовой части (цифровой грамотности). Такого рода задача решается в исследовании Е. С. Скворцовой [17], которая для формализации отдельных составляющих цифровой грамотности школьников предлагает составление «Паспорта цифровых компетенций», в котором должны быть представлены следующие частные виды цифровой компетентности: математическая, информационная, коммуникативная. При этом, «базовые цифровые компетенции учащихся формируются на уроках информатики... Представленные цифровые компетенции могут быть сформированы как у детей школьного возраста, так и у студентов СПО и

высшего образования, как основа профессиональной компетенции при приёме на работу» [17, с.27].

В исследовании многонационального коллектива (Э. Бёрнс и соавт. [18]) изучены возможности имплементации в России европейского опыта формирования цифровых компетенций на основе авторской модели развития цифровой компетентности преподавателей, которая включает два компонента: структурный и функциональный. Первый из них представлен теориями обучения и дидактики, второй основывается на национальной и европейской образовательной политике, структурирует педагогические, психологические и дидактические параметры программ повышения квалификации в контексте электронного обучения.

Данные разработки весьма интересны, но они касаются не столько формирования цифровых компетенций, сколько их развития, т. е. предполагается, что речь идёт о повышении квалификации сотрудников, а не о первичном обучении.

Интерес представляет обзорная статья Х. Тинмаза и соавт. [19], в которой представлены результаты сравнительного анализа подходов авторов из разных стран (всего рассмотрено 43 публикации, вышедших в период 2001-2021 гг.) к пониманию термина «цифровая грамотность» и его смысловому наполнению. Можно согласиться с их выводом, что трактовка цифровой грамотности (и цифровых компетенций, а также цифровой компетентности) весьма ситуативна и должна рассматриваться в конкретном страновом, историческом, профессиональном, социальном и т. д. контексте. То же можно сказать и относительно методов формирования и развития цифровых компетенций.

Также наш интерес вызвала обзорная статья С. Фариас-Гайтан и соавт. [20], что обусловлено попыткой этих специалистов рассмотреть вопросы формирования цифровых компетенций в контексте цифровой трансформации и участия в этом высших учебных заведений. Заслуживает особого внимания объём использованной этими специалистами выборки, в её первичный вариант вошло 830 статей, проиндексированных в цитатно-аналитических базах данных Scopus и Web of Science за период 2015–2022 гг.; после фильтрации для детального изучения была сформирована вторичная выборка, включающая 202 статьи. Исходя из такого объёма проанализированных первичных материалов, можно полагать, что сделанные авторами выводы являются достаточно репрезентативными.

В данном исследовании установлено, что значимая часть мировых публикаций рассматривает вопросы оценки уровня цифровых навыков и использования образовательных технологий для их формирования, при этом, наибольшее количество статей (121) посвящено цифровой компетентности. Она формируется через систематическое обучение; во многих высших учебных заведениях есть соответствующие программы обучения как для студентов, так и для преподавателей, которые помогают им развивать цифровые навыки. То есть, в данном обзоре основное внимание уделялось классическим способам формирования цифровых компетенций.

В то же время, отмечена важная связь между общими и специальными цифровыми компетенциями: «Пандемия усилила необходимость развития цифровых навыков как среди учителей, так и среди учащихся. Технологии, которые они использовали для общения и отдыха, стали необходимыми инструментами для учёбы и работы».

Результаты и обсуждение

Современная экономика во всё большей степени цифровизуется [21-23], одновременно с этим цифровизации подвергаются и социальные отношения. При этом определить причинно-следственные связи между цифровизацией экономической и социальной весьма сложно. Например, сеть Интернет, изначально создававшаяся для решения научно-производственных задач, сегодня служит технологической основой для социальных сетей, и, напротив, многочисленные мессенджеры, изначально предназначенные для социального, межличностного электронного взаимодействия, довольно часто используются сегодня для профессионального взаимодействия.

То есть, социальная и экономическая составляющие цифровизации должны рассматриваться как единый, комплексный феномен. Это предъявляет новые требования к людям (и как к работникам, и просто как к членам социума), касающиеся того, что они должны уметь использовать цифровые технологии, т. е. обладать цифровыми компетенциями. При этом, освоить эти компетенции единожды и затем пользоваться теми возможностями, которые они дают, на протяжении всей жизни невозможно. Необходимо постоянное формирование и развитие (вслед за достижениями технологического прогресса) цифровых компетенций, составу, структуре и специфике которых уделяется значительное внимание как в литературе и в официальных документах, так и на практике.

В то же время, выделяются два уровня цифровых компетенций: базовые и специальные. Первые подразумевают наличие минимально-необходимых знаний и навыков, позволяющих использовать те возможности, которые предоставляют цифровые технологии и устройства. Их также именуют, зачастую, цифровой грамотностью. Специальные же компетенции обладают спецификой, их конфигурация для разных условий, видов профессиональной деятельности, отраслей и т. д. могут существенно различаться. Но сформировать специальные компетенции у человека, не являющегося грамотным в цифровом отношении, невозможно.

Специальные цифровые компетенции «накладываются» на уже наличествующую у человека цифровую грамотность. В силу сложности специальных цифровых компетенций, их специфичности, они – в терминах институционализма – могут быть отнесены к специфическим активам. А с точки зрения теории человеческого капитала – вложения в их формирование и развитие могут рассматриваться как инвестиции в человеческий капитал. В этой связи и в России, и в других странах созданы образовательные системы (основное и дополнительное профессиональное образование различных уровней, внутрифирменное обучение и др.), призванные формировать цифровые компетенции работников.

Приёмы и методы обучения, направленные на формирование цифровых компетенций, не имеют существенных отличий от аналогичных инструментов, ориентированных на формирование иных (не цифровых) компетенций, хотя, конечно, же специфичность получаемых компетенций накладывает определённые технические по своей сути ограничения на организацию процесса обучения. Например, очевидно, что для такого обучения должны использоваться компьютеры и иное электронное оборудование, соответствующее программное обеспечение и т. д. Но принципиальных отличий здесь нет: аналогично этому при обучении, например, навыкам вождения автомобиля не обойтись без использования самого автомобиля.

Сдерживающим фактором дальнейшего инновационно-технологического развития российской экономики является недостаточный уровень цифровой компетент-

ности россиян, что подтверждается имеющейся статистикой, которая была приведена выше. Особенно остро эта проблема проявилась в период пандемии Covid-19, которая дала мощный импульс цифровизации различных деловых процессов [24-26]. В ходе пандемии выяснилось, что оказавшиеся востребованными в новых условиях базовые цифровые компетенции, которыми работники, формально говоря, должны были обладать, в должной степени у них не сформированы, даже в тех случаях, когда есть формальные подтверждения (например, в виде сертификатов и свидетельств о получении дополнительного профессионального образования) их наличия.

Особенно остро эта проблема проявилась в системе образования, где обучение весной 2020 г. практически полностью перешло в дистанционный формат. Выяснилось, что значительное число педагогических работников попросту не в состоянии проводить занятия в удалённом (дистанционном) режиме, т.к. не владеют даже базовыми цифровыми компетенциями, не говоря уже о специальных. Например (данные на апрель 2020 г., начало пандемии Covid-19), «по данным экспертов РАНХиГС, более 60 % учителей оказались не готовы к быстрому переходу на дистанционное обучение: опыта нет»⁶.

Таким образом, имеется проблема недостаточной сформированности и развитости цифровых компетенций, преодоление которой в данный момент времени происходит в пассивном режиме (в логике – «само собой с течением времени решится»), стоит достаточно остро. Да, делаются попытки её решения через изучение соответствующих вопросов в программы школьного образования. Но до того момента, когда нынешние школьники вступят в трудовую жизнь, пройдёт достаточно много времени. Неясно в этой ситуации: как быть с теми работниками (взрослыми людьми), цифровые навыки для которых становятся востребованы, но они в должной мере не владеют даже основами цифровой грамотности.

В настоящее время эта проблема решается через стимулирование обучения, в том числе бесплатного. Например, в рамках реализации национального проекта «Демография» «почти 35 тыс. пенсионеров в России прошли обучение компьютерной грамотности в 2020 году»⁷. Имеются также многочисленные коммерческие курсы, где работники могут обзавестись цифровыми компетенциями. Система образования, казалось бы, вполне в состоянии справиться с задачей формирования и развития цифровых компетенций в России. Так в теории. А как на практике?

Не умаляя значимости образовательных мероприятий, следует отметить их добровольный и/или платный характер, к тому же они проводятся во время досуга (в нерабочее время), которого у работающих граждан весьма и весьма мало. Для подтверждения этого тезиса обратимся к результатам исследования «Прекариат-2022», которое было проведено в июне 2022 г. по репрезентативной выборке в 106 поселениях РФ во всех федеральных округах (N = 1200), анализ которого представлен в научной публикации Г. В. Тартыгашевой [27]:

«54 % респондентов отметили, что часто работают сверхурочно, 35 % работников отрабатывают положенное трудовым договором рабочее время. Те, кто часто работают сверх положенного времени, проводят на работе в среднем на 28 % времени больше, чем оговорено в их трудовых договорах... Согласно результатам социо-

⁶ <https://rg.ru/2020/04/27/eksperty-nazvali-glavnuiu-problemu-dlia-uchitelej-v-onlajn-obrazovanii.html>.

⁷ <https://национальныепроекты.рф/news/pochti-35-tysyach-pensionerov-proshli-obuchenie-kompyuternoy-gramotnosti-v-2020-godu/>

логического исследования «Прекариат-2022», 22,3 % имеют ненормированный рабочий день. Косвенным подтверждением снижения количества свободного времени являются результаты анализа структуры доходов трудящихся, где, помимо зарплаты по основному месту работы (2018 г. – 94,5 %, 2022 г. – 98,4 %), работники вынуждены подрабатывать (2018 г. – 22,3 %, в 2022 г. – 26,8 %). Каждый четвёртый работающий россиянин (25,8 % в 2018 и 2022 гг.) вынужден обеспечивать себя дополнительно продуктами питания (дача, огород, подсобное хозяйство), такой труд требует большого количества времени... Большинство работников пытаются адаптироваться к существующим социально-экономическим реалиям, но ценой напряжённой деятельности становятся снижение качества жизни, дефицит досуга» [27, с. 74–75].

Итак, даже в условиях понимания дефицита цифровых компетенций, задача их формирования и развития в современной России зачастую остаётся нерешённой из-за нехватки ресурсов (материальных, мотивационных и – главным образом – временных), итогом чего является торможение процессов цифрового развития. Если рассмотреть величину Индекса внедрения цифровых технологий (Digital Adoption Index, DAI), который рассчитывается Всемирным банком⁸, то Россия в мировом рейтинге занимает достаточно высокое 28 место (табл. 6). Но если рассмотреть рейтинг нашей страны по частному цифровому субиндексу, характеризующему человеческие ресурсы (DAI People Sub-index), то по его значению Россия находится лишь на 35 позиции в мире (табл. 7).

Таблица 6

Рейтинг стран по Индексу внедрения цифровых технологий
(источник: данные Всемирного банка, 2016 г.)

Ранг	Страна	Значение индекса
1	Сингапур	0,870592058
2	Люксембург	0,863389730
3	Австрия	0,862426519
4	Республика Корея	0,857824147
5	Мальта	0,855213523
6	Германия	0,839698195
7	Нидерланды	0,838463187
8	Япония	0,834881246
9	Эстония	0,833086073
10	Швеция	0,831694961
...
28	Россия	0,744089782
...
178	Экваториальная Гвинея	0,185237125
179	Нигер	0,159881338
180	Центрально-Африканская Республика	0,147106558

⁸ <https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2016/Digital-Adoption-Index>

Анализ возможных методов развития цифровых компетенций россиян в описанных условиях привёл нас к идее о необходимости внедрения системы «цифровых ассистентов», которая близка по своей сути к предложенной Т. А. Гилевой [15], работа которой анализировалась нами выше, такой форме передачи цифровых знаний, как «наставничество». Аналогичная идея была предложена в работе Л. А. Рейнголд и соавт. [28], которые в организации работы подобных ассистентов видят возможность улучшения процедур цифровизации образования, в частности обращаясь к опыту конкретных университетов:

«Пользователи – преподаватели, студенты, другие сотрудники – должны понимать информационную инфраструктуру внутри учреждения и за его пределами и при необходимости получать помощь в решении проблем, с которыми они сталкиваются. К оказанию такой помощи можно привлечь студентов. Для решения этой проблемы в ВШЭ существует служба цифровых ассистентов..., которыми обычно являются студенты» [28, р. 75].

Таблица 7

Рейтинг стран по цифровому субиндексу человеческих ресурсов

(источник: данные Всемирного банка, 2016 г.)

Ранг	Страна	Значение субиндекса
1	Гонконг (административный район КНР)	0,913343370
2	Дания	0,897201598
3	Швейцария	0,889733791
4	Люксембург	0,873817801
5	Макао (административный район КНР)	0,869236290
6	Австрия	0,865305126
7	Швеция	0,854530215
8	Республика Корея	0,842408001
9	Бахрейн	0,840248585
10	Япония	0,835007071
...
35	Россия	0,696205258
...
178	Чад	0,054669220
179	Демократическая Республика Конго	0,051249810
180	Центрально-Африканская Республика	0,014240119

Рассуждая о терминологии, следует отметить, что термина «ассистент» нам представляется более предпочтительным, чем «наставник». Это определяется некоторыми смысловыми различиями, а также разницей социальных статусов тех, кто оказывает, и тех, кто получает, помощь при освоении цифровых технологий. Традиционно в качестве наставников выступают более опытные в выполнении работы сотрудники, которые, как правило, имеют больший возраст, чем те, кого они обучают

эффективным практикам трудовой деятельности. Приведём в качестве примера опыт наставничества, внедрённый в Сибирской генерирующей компании (СГК):

«На сегодняшний день на электростанциях СГК передают опыт и помогают новичкам сотни наставников (по итогам третьего квартала 2021 г. – 628). 85 % из них – представители рабочих профессий: электрогазосварщики, машинисты-обходчики, электромонтёры и другие. Более 60 % стажёров – вновь принятый персонал, остальные перешли внутренним переводом на новую должность. Наставничество в энергетике существовало всегда, ведь энергетика – отрасль сложная, требующая высоких профессиональных компетенций. За стажёром (работником, не имеющим опыта по профилю занимаемой должности, проходящим профподготовку по новой должности) закрепляют профессионала – того, у кого есть не только знания и навыки, но и опыт работы по данной специальности. Наставник делится с новичком знаниями, помогает освоиться на новом месте... Средний возраст наставников – 43 г., средний опыт работы – не менее 14 лет»⁹.

То есть, в традиционном восприятии, как правило, наставник – это не только человек, обладающий более развитыми профессиональными компетенциями, но и большим жизненным опытом, что определяется наличием возрастной разницы между ним и стажёров. Этот факт (возможность получить поддержку не только в профессиональных, но и в житейских вопросах) придаёт наставнику в глазах стажёра авторитет. В случае же обучения цифровым компетенциям ситуация, как правило, иная, диаметрально противоположная. Как раз люди младших возрастов, развитие которых во многом происходит в цифровой реальности, в большей степени обладают базовыми цифровыми компетенциями, чем представители старших поколений.

Например, по официальным данным за 2022 г., в 84 % российских семей имелись смартфоны, при этом умеют пользоваться ими 90 % подростков в возрасте 12–14 лет [9, с. 18, 38]. Этот эффект передачи опыта и знаний от младших поколений к старшим подтверждается статистически: типичной практикой для российских семей является оказание помощи со стороны представителей младших поколений в использовании цифровых технологий (табл. 8).

В этой связи нам представляется более уместным использование термина «ассистент» (по сути – помощник, в деятельности которого отсутствует на уровне термина наставничество, менторство, возможность «учить жизни») или, для придания конкретности сути его деятельности – «цифровой ассистент». Цифровой ассистент, в нашей трактовке, это – работник организации или привлекаемый внешний волонтер, обладающий развитыми цифровыми компетенциями, задача которого состоит в оказании помощи другому работнику или группе работников этой организации в практическом освоении слабо развитых у них цифровых компетенций.

Следует дать пояснения относительно возможного волонтерского статуса цифрового ассистента. Действительно, у многих российских организаций опыт наставничества (а с организационной, управленческой точки зрения различие между наставниками и ассистентами не принципиально) имеется, организационные механизмы его осуществления отработаны. Наставников специально отбирают, как и стажёров, нуждающихся в поддержке на основе тестирования или иной аналогичной процедуры. Затем стажёра закрепляют на определённый срок за наставником, при этом за достигнутые успехи во внутрифирменном обучении наставники получают

⁹ <https://sibgenco.online/news/element/nauchi-menya-zachem-energetikam-nastavniki/>

материальные (например, в виде премии) и/или нематериальные (например, в виде публичного награждения принятым в организации знаком отличия) вознаграждения. Эта организационная схема с лёгкостью может быть перенесена на деятельности внутренних цифровых ассистентов.

Таблица 8

Структура цифровой взаимопомощи в российских семьях, %
(составлено по данным официальной статистики [9, с. 36])

Возрастная категория, лет	Приходилось осуществлять помощь в использовании цифровых технологий за последние 6 месяцев	Приходилось обращаться за помощью в использовании цифровых технологий за последние 6 месяцев
14–17	58	16
18–24	56	13
25–29	43	15
30–34	40	20
35–39	42	19
40–44	31	22
45–49	35	27
50–54	24	23
55–59	25	29
60 и старше	16	23
Всего	36	20

Вопрос состоит в том, что различие между наставниками и ассистентами (в нашей трактовке) не только в терминологии. Имеется важное сущностное различие. Наставник является носителем компетентностного опыта не только личного, но и накопленного организацией. Его знания, навыки – элемент организационного, социального, интеллектуального капитала компании, который уже сформирован, задача наставника – через межличностное общения транслировать накопленные успешные профессиональные практики, обучая им стажёра.

В случае цифровых ассистентов ситуация может оказаться совершенно иной. Скорость цифровых изменений и темпы цифровой трансформации в разных отраслях, регионах, конкретных организациях могут быть существенно различными. Например, опыт деятельности школ в условиях пандемии Covid-19 ярко показал, что уровень цифровой зрелости средней российской школы весьма низок. И в этом случае «внутри» организации необходимого набора цифровых компетенций попросту не существует, невозможно транслировать от одной группы работников к другой то, чего нет в наличии.

Наставники передают традиции и традиционный опыт работы, соответствующие знания. Цифровые же ассистенты призваны сформировать у закреплённых за ними работников цифровые компетенции, являющиеся инновационными по своей природе, порой даже чуждые (и это – опять же – ярко подтверждает опыт цифровых трансформаций отечественных школ) сложившейся организационной культуре. Поэтому эти компетенции должны быть привнесены извне. При этом, традиционное внешнее обучение, как мы показали выше, не всегда может быть использовано.

В этой связи опять возникает вопрос – а где взять должное число волонтеров – цифровых ассистентов? Особенно когда запрос на них достаточно высок. Например, в Курской области [29] имеется 519 общеобразовательных организаций, в которых занято 13585 педагогических работников, из которых 79 % имеют возраст свыше 35 лет, а самая многочисленная группа – от 50 лет и старше – имеет удельный вес 61 %.

Система образования региона остро нуждается в развитии цифровых компетенций у сотрудников, которые должны активно использовать в своей как педагогической, так и организационной деятельности современные цифровые технологии, но, к сожалению, зачастую это затруднительно в силу отсутствия должных цифровых компетенций. Очевидно, что в данных условиях потребное число цифровых ассистентов измеряется многими десятками или даже сотнями человек (более точно количественно определить потребность станет возможным после проведения соответствующего массового тестирования педагогических и административных сотрудников).

Одним из соавторов данной статьи – Ю. В. Вертаковой – в 2024 г. в Курской области совместно с Центром университетского партнёрства и отделом цифрового стратегического развития и партнёрства Высшей школы экономики¹⁰ по согласованию с органами управления регионом инициирован проект по созданию системы развития цифровых компетенций у работников системы образования на основе использования цифровых ассистентов, в роли которых, на правах волонтеров, должны выступить студенты региональных университетов (Юго-Западного и Курского государственных университетов). Этот проект пока находится в стадии инициации, поэтому говорить о его результатах пока преждевременно. Тем не менее, продуктивной нам представляется сама идея.

Итак, в качестве цифровых ассистентов – волонтеров предлагается использование студентов университетов, которые могут осуществлять эту деятельность в рамках проектной деятельности или прохождения различных видов практик, предусмотренных учебными планами. При этом, так сказать – попутно, достигается и большая практическая направленность образовательной подготовки самих студентов, которые имеют возможность достаточно глубоко ознакомиться с организацией бизнес-процессов профильных организаций, интегрироваться в их организационную культуру и, возможно, после окончания университета (или даже в процессе обучения) устроятся туда на работу.

Для реализации нашей идеи мы предлагаем создать в регионе специальный волонтерский центр цифровых компетенций (как вариант – в регионах, где имеется значительное число университетов – например в Санкт-Петербурге, такие центры могут создаваться при университетах; именно по этой схеме проект начал реализовываться и в Курской области – см. выше), который будет выступать в качестве модератора запросов региональных организаций на повышение цифровых компетенций сотрудников, удовлетворять которые возможно будет посредством привлечения цифровых ассистентов – волонтеров из числа студентов.

Заключение

Подводя итог проведённому исследованию, отметим, что развитие цифровой экономики и Индустрии 5.0 в современной России происходит довольно неравномерно, с некоторыми дисбалансами, что снижает потенциал использования цифро-

¹⁰ Проект «Цифровые ассистенты НИУ ВШЭ», https://it.hse.ru/it_assistants/

вых технологий для стимулирования экономического роста и социально-экономического развития. Это связано с имеющимися объективными препятствиями, одним из наиболее существенных из них является недостаточный уровень сформированности цифровых компетенций. Причём речь в данном случае идёт не только о профессиональных цифровых компетенциях, но и о базовых, которые также называют «цифровой грамотностью».

Это препятствие постепенно будет устраняться автоматически, по мере взросления и вступления в трудовую деятельность представителей молодёжи, базовые цифровые компетенции у которых сформированы в большей степени, чем у представителей старших поколений. Это связано с тем, что дети, молодые люди с раннего возраста сталкиваются с цифровыми устройствами и технологиями, которые являются элементом естественной для этих людей среды обитания. Поэтому и уровень цифровой грамотности у представителей молодых поколений выше.

В то же время, ждать годы и десятилетия – пока базовые цифровые компетенции для большинства населения (как занятого, так и незанятого в экономике) станут «естественными», безответственно. За это время российские компании и экономика в целом безвозвратно утратят конкурентоспособность в новых технологических условиях Индустрии 5.0. Поэтому необходимо принятие специальных мер по ускорению процессов формирования и развития цифровых компетенций россиян (прежде всего – работающих).

Традиционно используемый для решения этих проблем подход, основанный на обучении сотрудников стандартными методами, не даёт должного результата, что определяется имеющимися ресурсными ограничениями. В исследовании предложен авторский подход к решению рассмотренных проблем, основанный на создании региональных и/или университетских центров подготовки цифровых ассистентов. Дана общая характеристика понятия «цифровой ассистент», предложен авторский организационно-управленческий подход к формированию и развитию цифровых компетенций работников в условиях интенсивной цифровизации экономики с использованием цифровых ассистентов.

Направлением дальнейших исследований может стать детальная проработка организационного механизма функционирования центров подготовки цифровых ассистентов, а также разработка для них типовой бизнес-модели.

Список литературы

1. Плотников, В. А. Цифровизация как закономерный этап эволюции экономической системы / В. А. Плотников // Экономическое возрождение России. – 2020. – № 2 (64). – С. 104–115.
2. Плотников, В. А. Цифровизация производства: теоретическая сущность и перспективы развития в российской экономике / В. А. Плотников // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2018. – № 4 (112). – С. 16–24.
3. Брагина, А. В. Развитие сквозных технологий планирования деятельности промышленного предприятия в условиях цифровизации экономики / А. В. Брагин, Ю. В. Вертакова, А. В. Евченко // Организатор производства. – 2020. – Т. 28, № 1. – С. 24–36.
4. Rojas-García, J. A., Elias-Giordano C., Quiroz-Flores J. C., Nallusamy S. Profitability enhancement by digital transformation and canvas digital model on strategic processes in post-Covid-19 in logistics SMEs // Social Sciences & Humanities Open. 2024. Vol. 9. P. 100777.

5. *Артеева, В. С.* Индустрия 5.0: библиометрический анализ / В. С. Артеева // Экономика и Индустрия 5.0 в условиях новой реальности (ИНПРОМ-2022). Сборник трудов все-российской научно-практической конференции с зарубежным участием. СПб.: Политех-Пресс, – 2022. – С. 73–76.

6. *Бабкин, А. В.* Индустрия 5.0: понятие, формирование и развитие / А. В. Бабкин, А. А. Фёдоров, И. В. Либерман, П. М. Клачек // Экономика промышленности. – 2021. – № 4. – С. 375–395.

7. *Бабкин, А. В.* Управление кросс-отраслевым потенциалом развития в условиях Индустрии 5.0: теория, инструментарий и практические приложения / А. В. Бабкин, Е. В. Шкарупета, В. А. Плотников // Экономическое возрождение России. – 2022. – № 2 (72). – С. 50–65.

8. *Ху Тинтин.* Обзор национальных стратегий перехода к Индустрии 5.0 / Тинтин Ху // Экономика и управление инновациями. – 2022. – № 3 (22). – С. 28–38.

9. *Цифровая экономика: 2024: краткий статистический сборник / В. Л. Абашкин, Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский [и др.]* – М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», – 2024. – 124 с.

10. *Симарова, И. С.* Цифровые компетенции: понятие, виды, оценка и развитие / И. С. Симарова, Ю. В. Алексеевичева, Д. В. Жигин // Вопросы инновационной экономики. – 2022. – Т 12, № 2. – С. 935–948.

11. *Ермашкевич, Н. С.* Развитие профессиональных компетенций в условиях цифровой экономики / Н. С. Ермашкевич, М. Л. Панявина, З. В. Родионова // Лидерство и менеджмент. – 2021. – Т 8, № 4. – С. 483–502.

12. *Васильева, Е. В.* Развитие цифровых компетенций государственных гражданских служащих Российской Федерации / Е. В. Васильева, В. Н. Пуляева, В. А. Юдина // Бизнес-информатика. – 2018. – № 4 (46). – С. 28–42.

13. *Волкова, И. А.* Формирование цифровых компетенций в профессиональном образовании / И. А. Волкова, В. С. Петрова // Вестник Нижневартского государственного университета. – 2019. – № 1. – С. 17–24.

14. *Батова, М. М.* Формирование цифровых компетенций в системе «образование – наука – производство» / М. М. Батова // Вопросы инновационной экономики. – 2019. – Т 9, № 4. – С. 1573–1584.

15. *Гилева, Т. А.* Компетенции и навыки цифровой экономики: разработка программы развития персонала / Т. А. Гилева // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. – 2019. – № 2 (28). – С. 22–35.

16. *Махмудова, Р. Ш.* Вопросы развития цифровых компетенций специалистов для Индустрии 4.0 / Р. Ш. Махмудова // Информационное общество. – 2024. – № 1. – С. 61–70.

17. *Скворцова, Е. С.* Цифровые компетенции школьников: понятие и сущность / Е. С. Скворцова // Вопросы педагогики. – 2024. – № 2-2. – С. 24–30.

18. Burns E., Silvennoinen E., Kopnov V. A., Shchipanova D. E., Papić-Blagojević N., Tomašević S. Supporting the development of digitally competent vet teachers in Serbia and Russia // Education and Science Journal. 2020. Vol. 22. № 9. P. 174–203.

19. Tinmaz H., Lee Y. T., Fanea-Ivanovici M., Baber H. A systematic review on digital literacy // Smart Learning Environments. 2022. Vol. 9. P. 21.

20. Farias-Gaytan S., Aguaded I., Ramirez-Montoya M. S. Digital transformation and digital literacy in the context of complexity within higher education institutions: a systematic literature review // *Humanities and Social Sciences Communications*. 2023. Vol. 10. P. 386.

21. Акаев, А. А. Прогнозирование рынка труда на этапе перехода к цифровой экономике / А. А. Акаев, А. А. Петряков, А. И. Сарыгулов // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. – 2021. – № 4 (130). – С. 14–20.

22. Назаров, Д. М. Экономика 2.0: неоклассика, цифровая трансформация и эволюционная экономика / Д. М. Назаров // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. – 2023. – № 4 (142). – С. 7–16.

23. Усков, В. С. Развитие цифровой экономики России: факторы и региональные различия / В. С. Усков // *Проблемы развития территории*. – 2024. – Т. 28, № 1. – С. 28–41.

24. Иващенко, Д. А. Влияние пандемии Covid-19 на цифровизацию экономики ЕС / Д. А. Иващенко // *Экономика и бизнес: теория и практика*. – 2020. – № 12-1. С. 257–261.

25. Плотников, А. В. Влияние пандемии на отдельные отрасли экономики (на примере образования) / А. В. Плотников // *Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии*. – 2020. – № 4 (46). – С. 40–44.

26. Цифровые технологии и кибербезопасность в контексте распространения Covid-19 / Счётная палата Российской Федерации. М., 2020. – 41 с.

27. Тартыгашева, Г. В. О досуге российских работников / Г. В. Тартыгашева // *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»*. – 2022. – № 3. – С. 69–81.

28. Reingold L. A., Klychikhina O. V., Solovyev A. V. Computer science and information systems: implementation features in education during the pandemic // *Proceedings of the Institute for Systems Analysis Russian Academy of Sciences*. 2023. Vol. 73. № 2. P. 70–79.

29. Вертакова, Ю. В. Оценка уровня развития общего образования региона (на материалах Курской области) / Ю. В. Вертакова // *Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии*. – 2022. – № 3 (53). – С. 17–23.

References

1. Plotnikov V. A. (2020) Tsifrovizatsiya kak zakonomernyy etap evolyutsii ekonomicheskoy sistemy [Digitization as a Logical Stage in the Evolution of an Economic System]. *Economic Revival of Russia*, 2(64), pp. 104–115.

2. Plotnikov V. A. (2018) Tsifrovizatsiya proizvodstva: teoreticheskaya sushchnost' i perspektivy razvitiya v rossiyskoy ekonomike [Digitalization of Production: The Theoretical Essence and Development Prospects in the Russian Economy]. *Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics*, 4(112), pp. 16–24.

3. Bragina A. V., Vertakova Y. V., Yevchenko A. V. (2020) Razvitiye skvoznykh tekhnologiy planirovaniya deyatelnosti promyshlennogo predpriyatiya v usloviyakh tsifrovizatsii ekonomiki [Development of End-To-End Technologies of Industrial Enterprise Activity Planning in the Conditions of Economy Digitalization]. *Organizer of Production*, 1(28), pp. 24–36.

4. Rojas-García J. A., Elias-Giordano C., Quiroz-Flores J. C., Nallusamy S. (2024) Profitability Enhancement by Digital Transformation and Canvas Digital Model on Strategic Processes in Post-Covid-19 in Logistics SMEs. *Social Sciences & Humanities Open*, 9, 100777.

5. Artyeva V. S. (2022) Industriya 5.0: bibliometricheskii analiz [Trends for Industry 5.0: A Bibliometric Analysis]. In: *Ekonomika i Industriya 5.0 v usloviyakh novoy real'nosti (INPROM-*

2022). *Sbornik trudov vsrossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s zarubezhnym uchastiyem* [Economy and Industry 5.0 in the New Reality. Works of the All-Russian research-to-practice conference with foreign participation]. St. Petersburg: Politech-Press Publ., pp. 73–76.

6. Babkin A. V., Fedorov A. A., Liberman I. V., Klachek P. M. (2021) *Industriya 5.0: ponyatiye, formirovaniye i razvitiye* [Industry 5.0: Concept, Formation and Development]. *Russian Journal of Industrial Economics*, 4, pp. 375–395.

7. Babkin A. V., Shkarupeta Y. V., Plotnikov V. A. (2022) *Upravleniye kross-otraslevym potentsialom razvitiya v usloviyakh Industrii 5.0: teoriya, instrumentariy i prakticheskiye prilozheniya* [Intersectoral Development Potential Management Under Industry 5.0: Theory, Tools and Practical Applications]. *Economic Revival of Russia*, 2(72), pp. 50–65.

8. Hu Tingting (2022) *Obzor natsional'nykh strategiy perekhoda k Industrii 5.0* [Review of National Strategies for Transition to Industry 5.0]. *Economics and Innovation Management*, 3(22), pp. 28–38.

9. Abashkin V. L., Abdrakhmanova G. I., Vishnevskiy K. O., et al. (2024) *Tsifrovaya ekonomika: 2024: kratkiy statisticheskiy sbornik* [Digital Economy, 2024: Pocket Data Book]. Moscow: NRU HSE Publ., 124 p.

10. Simarova I. S., Alekseevicheva Y. V., Zhigin D. V. (2022) *Tsifrovye kompetentsii: ponyatie, vidy, otsenka i razvitie* [Digital Competencies: Concept, Types, Assessment and Development]. *Russian Journal of Innovation Economics*, 2(12), pp. 935–948.

11. Ermashkevich N. S., Panyavina M. L., Rodionova Z. V. (2021) *Razvitie professional'nykh kompetentsiy v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki* [Professional Competencies in the Digital Economy]. *Leadership and Management*, 4(8), pp. 483–502.

12. Vasilieva E. V., Pulyaeva V. N., Yudina V. A. (2018) *Razvitiye tsifrovyykh kompetentsiy gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh Rossiyskoy Federatsii* [Digital Competence Development of State Civil Servants in the Russian Federation]. *Business Informatics*, 4 (46), pp. 28–42.

13. Volkova I. A., Petrova V. S. (2019) *Formirovaniye tsifrovyykh kompetentsiy v professional'nom obrazovanii* [Formation of Digital Competencies in Professional Education]. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, 1, pp. 17–24.

14. Batova M. M. (2019) *Formirovaniye tsifrovyykh kompetentsiy v sisteme «obrazovaniye – nauka – proizvodstvo»* [Formation of Digital Competencies in the System “Education – Science – Production”]. *Russian Journal of Innovation Economics*, 4(9), pp. 1573–1584.

15. Gileva T. A. (2019) *Kompetentsii i navyki tsifrovoy ekonomiki: razrabotka programmy razvitiya personala* [Digital Economy Competencies and Skills: Staff Development Program Design]. *Bulletin of USPTU. Science, Education, Economics. Series: Economics*, 2 (28), pp. 22–35.

16. Makhmudova R. S. (2024) *Voprosy razvitiya tsifrovyykh kompetentsiy spetsialistov dlya Industrii 4.0* [Development of Digital Competencies for Industry 4.0]. *Information Society*, 1, pp. 61–70.

17. Skvortsova E. S. (2024) *Tsifrovyye kompetentsii shkol'nikov: ponyatiye i sushchnost'* [Digital Competencies of School Students: Concept and Essence]. *Issues of Pedagogy*, 2–2, pp. 24–30.

18. Burns E., Silvennoinen E., Kopnov V. A., Shchipanova D. E., Papić-Blagojević N., Tomašević S. (2020) *Supporting the Development of Digitally Competent Vet Teachers in Serbia and Russia*. *Education and Science Journal*, 9 (22), pp. 174–203.

19. Tinmaz H., Lee Y. T., Fanea-Ivanovici M., Baber H. (2022) *A Systematic Review on Digital Literacy*. *Smart Learning Environments*, 9, p. 21.

20. Farias-Gaytan S., Aguaded I., Ramirez-Montoya M. S. (2023) *Digital Transformation and Digital Literacy in the Context of Complexity Within Higher Education Institutions: A Systematic Literature Review*. *Humanities and Social Sciences Communications*, 10, p. 386.

21. Akayev A. A., Petryakov A. A., Sarygulov A. I. (2021) Prognozirovaniye rynka truda na etape perekhoda k tsifrovoy ekonomike [Labor Market Forecasting at the Stage of Transition to the Digital Economy]. *Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics*, 4(130), pp. 14–20.

22. Nazarov D. M. (2023) *Ekonomika 2.0: neoklassika, tsifrovaya transformatsiya i evolyutsionnaya ekonomika* [Economy 2.0: Neoclassics, Digital Transformation and Evolutionary Economy]. *Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics*, 4(142), pp. 7–16.

23. Uskov V. S. (2024) Razvitiye tsifrovoy ekonomiki Rossii: faktory i regional'nyye razlichiya [Development of Russia's Digital Economy: Factors and Regional Differences]. *Problems of Territory's Development*, 1(28), pp. 28–41.

24. Ivashchenko D. A. (2020) Vliyaniye pandemii Covid-19 na tsifrovizatsiyu ekonomiki ES [Impact of the COVID-19 Pandemic on the Digitalization of the EU Economy]. *Economy and Business: Theory and Practice*, 12–1, pp. 257–261.

25. Plotnikov A. V. (2020) Vliyaniye pandemii na otdel'nyye otrasli ekonomiki (na primere obrazovaniya) [The Impact of the Pandemic on Specific Sectors of Economics, Using Education as an Example]. *Theory and Practice of Service: Economics, Social Sphere, Technology*, 4(46), pp. 40–44.

26. Accounts Chamber of the Russian Federation (2020) *Tsifrovyye tekhnologii i kiberbezopasnost' v kontekste rasprostraneniya Covid-19* [Digital Technologies and Cybersecurity in the Context of the Spread of COVID-19]. Moscow, 41 p.

27. Tartygasheva G. V. (2022) O dosuge rossiyskikh rabotnikov [On the Leisure of Russian Workers]. *RSUH/RGGU Bulletin. Series: Philosophy. Social Studies. Art Studies*, 3, pp. 69–81.

28. Reingold L. A., Klychikhina O. V., Solovyev A. V. (2023) *Computer Science and Information Systems: Implementation Features in Education During the Pandemic*. *Proceedings of the Institute for Systems Analysis Russian Academy of Sciences*, 2(73), pp. 70–79.

29. Vertakova Y. V. (2022) Otsenka urovnya razvitiya obshchego obrazovaniya regiona (na materialakh Kurskoy oblasti) [Assessment of the Regional General Education Level of Development (On the Materials of the Kursk Region)]. *Theory and Practice of Service: Economics, Social Sphere, Technology*, 3 (53), pp. 17–23.

Y. V. Vertakova¹¹, V. A. Plotnikov¹². Organizational and Managerial Approach to Defining and Developing Digital Competences of Employees in the Context of Industry 5.0. Upon carrying out an analysis of problems related to the acquisition and development of digital competencies by employees, the authors present recommendations for overcoming these problems in the context of Industry 5.0. The empirical study, conducted with the participation of the co-authors of the article, was in the form of an analysis of the experience of implementing elements of the digital assistants concept in various regions of Russia. The theoretical foundation was based on the use of classical methods of comparative, retrospective, institutional and competence analyses, as well as the study of best practices in managing digital development in the context of Industry 4.0 and Industry 5.0. The analysis revealed that insufficiently formed and developed digital competencies of em-

¹¹ *Yulia V. Vertakova*, Professor at the Kursk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation (3 Lomonosova St, Kursk, 305016, Russia), Doctor of Economics, Professor, e-mail: Vertakova7@ya.ru

¹² *Vladimir A. Plotnikov*, Professor at the Saint-Petersburg State University of Economics (30–32 Griboedov Canal Emb., Saint Petersburg, 191023, Russia), Doctor of Economics, Professor, e-mail: plotnikov_2000@mail.ru.

employees are one of the most serious and insurmountable obstacles on the path to achieving the goals of modern Russian organizations. The approach traditionally used to solve these problems, based on training employees using standard methods, does not give the desired result, which is determined by existing resource constraints. The author's approach to solving the aforementioned problems is proposed, based on the creation of regional and/or university centers for training digital assistants. A general description of the concept of "digital assistant" is presented, the author's organizational and managerial approach to the definition and development of digital competencies of workers in the conditions of Industry 5.0 using digital assistants is suggested. For the first time, this study proposes an original author's holistic approach to the definition and development of digital competencies of workers in the conditions of Industry 5.0, suitable for use at the regional level by replicating its application, which has not yet been described in sufficient detail in the literature.

Keywords: Industry 5.0, digitalization, digital transformation, digital competencies, digital literacy, organizational development, personnel development management, digital assistants.

DOI: 10.37930/1990-9780-2024-4-82-93-107

С. Н. Большаков¹, Ю. М. Большакова², О. Д. Притула³

МЕНЕДЖМЕНТ ЗНАНИЙ В КОНТЕКСТЕ «ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА» И СОЗДАНИЯ ИННОВАЦИЙ

В статье раскрывается актуальность социальных взаимодействий академического сообщества и бизнес-среды, смены модели менеджмента знаний на основе расширения системы социальных взаимодействий. В статье акцентируется внимание на необходимости учёта рыночных факторов разработки направлений научно-инновационной политики, расширения спектра участников разработки и реализации академической научной политики, привлечения социальных, политических и экономических акторов, заинтересованных в продвижении инноваций. На основе анализа зарубежного опыта констатируется востребованность показателей измерения эффективности академической и научной среды, учёта фактора востребованности научных результатов в интересах общества и государства. Результаты проведённого анализа позволяют сделать вывод о внимании исследователей к проблемам трансформации функций университетов, их ведущей исследовательской роли в формировании новых знаний. По результатам исследований выявлена стратегическая роль экосистем университетов в производстве и управлении знаниями, значение сетевых социальных взаимодействий при обосновании выбора направления развития инноваций. Акцентируется внимание на концепции предпринимательского университета, роли концепции в управлении знаниями, продвижении инноваций в бизнес-среду, формирования системы контрольных показателей измерения эффективности исследовательской политики современных университетов.

Ключевые слова: инновации, знания, университет, социальные взаимодействия, бизнес, экономика
УДК 338.46

Университеты являются основными институтами социальной и культурной жизни с момента их создания и играют ведущую роль в развитии общества. В последние десятилетия они всё активнее участвуют в формировании глобального общества знаний. Вместе с новыми управленческими практиками и финансовыми вызова-

¹ Сергей Николаевич Большаков, Руководитель Ленинградского областного отделения ВЭО России, профессор кафедры политологии и прикладных политических процессов Российского государственного социального университета (129226, РФ, Москва, ул. Вильгельма Пика, 4 стр. 1), д-р экон. наук, профессор, e-mail: snbolshakov@mail.ru

² Юлия Михайловна Большакова, доцент кафедры экономики и государственного и муниципального управления Коми республиканской академии государственной службы и управления (167982, РФ, Северо-Западный федеральный округ, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 11), канд. полит. наук, e-mail: project.edu.2024@jmail.com

³ Оксана Дмитриевна Притула, доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ в г. Великий Новгород (173003, РФ, Новгородская обл., г. Великий Новгород, ул. Германа, д. 31), канд. экон. наук, e-mail: project.edu.2024@jmail.com

ми университеты подверглись давлению, требующему активной реакции в целях разработки адекватной стратегии рефлексии вызовам международных конкурентных рынков образования и науки.

Блейкли И., Эндерс Дж. и Лепори Б. отмечают, что эти изменения вызвали необходимость создания новых социальных взаимодействий и коммуникаций. Это сделало видимыми многочисленные социально-управленческие взаимодействия как внутри академических кругов, так и между государственными и негосударственными субъектами, а также различными заинтересованными сторонами [1].

Финский исследователь Пулкинен К. пишет, что, адаптируясь к меняющимся вызовам и процессам социального развития, университеты исторически проявляли устойчивость к изменениям политического ландшафта и экономических институтов [2]. Несмотря на высокую зависимость от государственных ресурсов и восприимчивость к изменениям в управленческой среде, университеты не являются пассивными объектами. Университетскому сообществу удалось сохранить «академическое ядро» своей деятельности, то, что Бертон Кларк назвал «академическим центром».

Политика, цели и стандарты, продвигаемые в инициативах и регламентах ЕС или ОЭСР, активно поддерживаются и реализуются на национальном уровне [3]. Как отмечают Холцингер К. и Книлл К., это приводит к динамичности изменений в управленческих механизмах университетов и их финансировании [4]. Эти изменения активизировали участие негосударственного сектора в финансировании университетов, что дало возможность использовать грантовое и проектное финансирование. Активность бизнеса, фондов и партнёров университетов формирует новые условия их функционирования.

Рефлексия менеджмента университетов, пересмотр стратегий развития сформировало установки на изменения создающие новые требования к внутренней университетской среде, академическим исследователям, которые должны поддерживать высокое качество и честность исследований, одновременно адаптируясь к новой системе финансирования, основанной на конкретных результатах и новых социально-интерактивных практиках взаимодействия с внешней средой.

Практика совместного творчества внутренней и внешней среды университетов основывается на активном процессе производства знаний, в который вовлечены множество высокомотивированных участников с собственными интересами. Этот процесс напоминает проектирование социальных инноваций, в ходе которого создаются новые комбинации практик и знаний. Караяннис Е., Барт Т. и Кэмпбелл Д. писали, что выявление проблем и поиск решений осуществляется с использованием максимально расширенного опыта и потенциала «модели четверной спирали» [5].

Модель знаний «Тройная спираль», разработанная Ицковицем Х. и Лейдесдорфом Л., выделяет три взаимосвязанные «спирали», которые формируют национальную инновационную систему. Эти спирали представляют собой взаимодействие трёх ключевых субъектов исследовательской политики: «академии/университеты», «бизнес/промышленность» и «государство/правительство».

Ицковиц и Лейдесдорф акцентируют внимание на взаимодействиях между университетами, бизнесом и правительством, подчёркивая важность «трехсторонних сетей и гибридных взаимодействий», где эти спирали пересекаются [6].

В расширенной модели «тройной спирали» Караяннис, Барт и Кэмпбелл предлагают добавить «четвёртую спираль», которая обозначает новую категорию – «общественность, основанная на цифровых восприятиях и цифровой культуре» [5]. Эта «четвёртая спираль» связана с факторами, такими как «медиа», «творческие индуст-

рии», «культура», «ценности», «стиль жизни» и «искусство», а также с понятием «креативный класс», активно внедряющимся в научный дискурс. Значение объяснительного потенциала «четвёртой спирали» заключается в том, что культура и ценности, с одной стороны, и цифровые способы конструирования «общественной реальности», транслируемые средствами массовой информации, с другой стороны, существенно влияют на национальную инновационную систему. Инновационная культура общества, ориентированная на будущее, служит базовым инструментом для продвижения передовых технологий в экономике, основанной на знаниях.

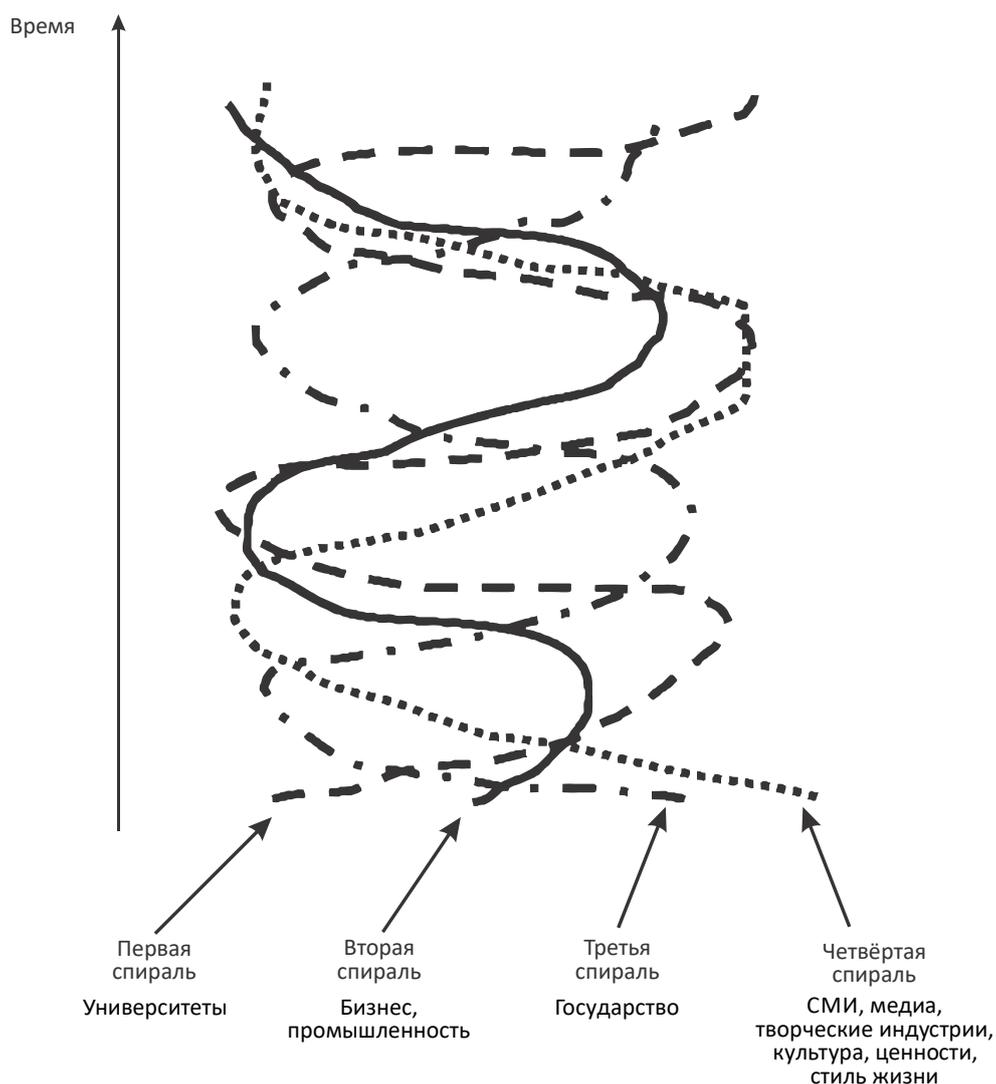

Рис. 1. «Четверная спираль: отношения университет-бизнес-промышленность-государство и медиа, основанная на культуре общества» (источник: Караяннис, Барт и Кэмпбелл, 2012)

Анализ того, как исследователи понимают и реагируют на новые вызовы, оказывает на них определённое давление, каковы ожидания общества по результатам деятельности исследователей и университетов и т. д., формирует комплекс знаний об источниках адаптивности последних.

Вызовы, стоящие перед современными университетами в условиях перехода от аналоговой и цифровой экономик, выносят на поверхность проблему кадрового обеспечения и адекватности системы академического образования, выбора направлений перспективных исследований. Инициированные в последнее время разновидности образовательных программ, таких как сетевые программы обучения, дуального образования, в т. ч. за счёт целевого набора, создания базовых цифровых кафедр, позволяют привлечь внимание бизнеса и предпринимательской среды к подготовке кадров в университетах.

Для большинства организаций в университетской среде выделяются определённые кадровые проблемы, в т. ч. наличие когнитивных барьеров и отношений к перспективам внедрения искусственного интеллекта среди профессорско-преподавательского состава. Если для молодых академических учёных программы переквалификации позволяют активно внедряться в бизнес-практику аналоговой экономики и быстро переучиваться, то консервативная система образования и алгоритмизация образовательных программ в значительной степени отстаёт от требований времени.

Требования современной аналоговой цифровой экономики к новому набору компетенций и обновление образовательных программ вынесли на поверхность комплекс организационно-управленческих проблем институциональной среды образовательных учреждений и научных институтов. Также основной проблемой, по мнению многих исследователей, является оценка когнитивных компетенций обучающихся и разработка платформ сквозных технологий оценки выпускника современного университета.

Тенденции научно-технологического прогресса позволяют акцентировать внимание на востребованности выпускников академической, университетской среды для работы в условиях цифровой экономики, обладающих спектром цифровых компетенций, которые широко востребованы среди технологических предпринимателей.

Перестройка системы менеджмента университета по взаимодействию с современными цифровыми платформами и предпринимательской средой позволяет описать профиль компетенции будущего специалиста, выделить его потенциал и привлечь обучающихся к реализации проектных инициатив на основе индивидуальных особенностей.

Большинство институтов системы образования и их активное взаимодействие с предпринимательским сообществом осуществляется путём моделирования образовательных траекторий и программ в соответствии с востребованным перечнем компетенций цифровой экономики. Вопросы совместного производства знаний и развития профессионального потенциала учреждений образования и академической науки, направлены на улучшение взаимодействий с представителями субъектов бизнеса.

Анализ участников реализации программы университетского академического лидерства «2030», реализуемое среди российских университетов в рамках трека «исследовательское лидерство», позволяет отметить, что большинство университетов участников программы можно отнести к «предпринимательскому университету». Так оценка показателя «количество реализованных проектов», в т. ч. с участием членов

консорциума, демонстрирует определённую направленность менеджмента университетов на продвижение инновационных разработок и результатов интеллектуальной деятельности (рис. 2).

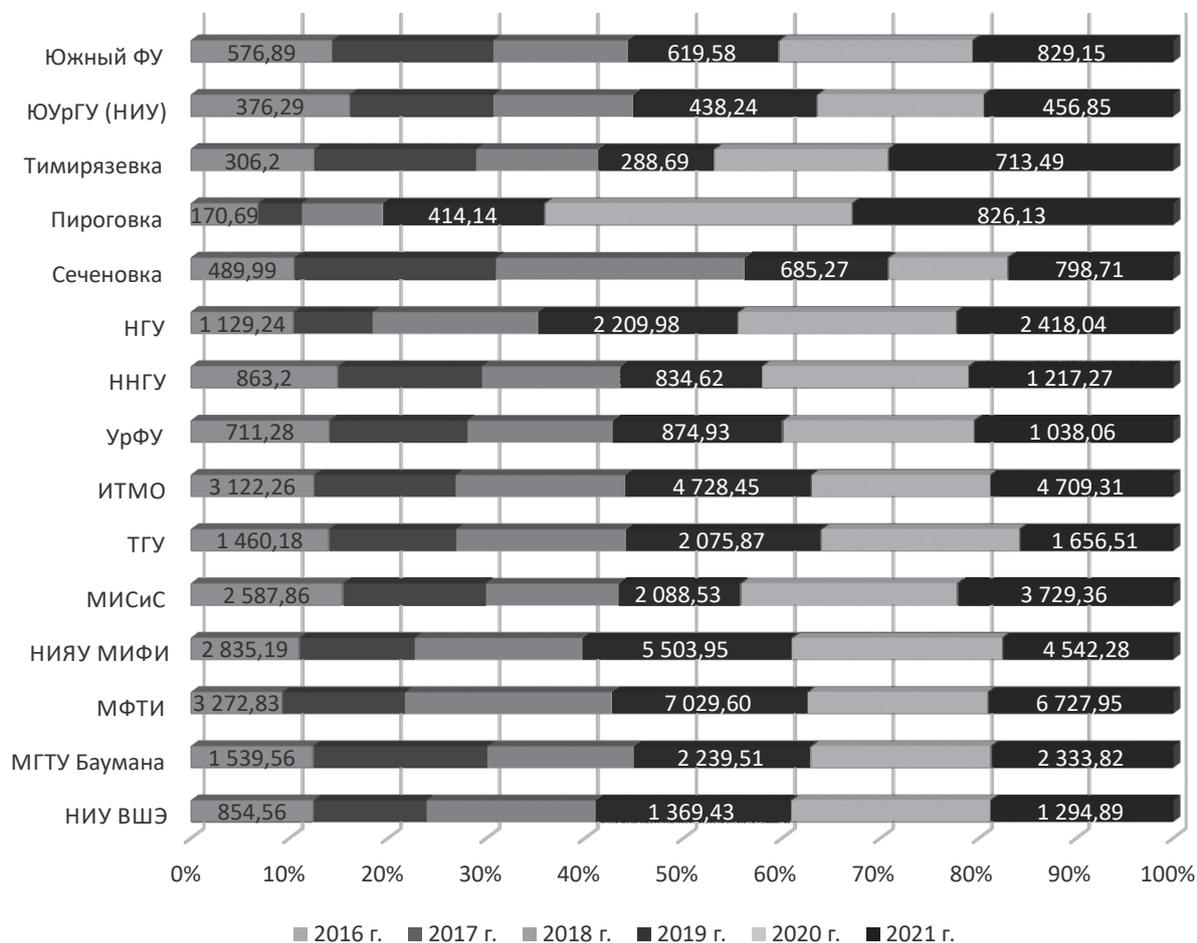

Рис. 2 Объём средств от выполнения исследований и разработок на 1 НПР университетов участников программы «Приоритет 2030» (источник: составлено авторами)

Анализ участников программы в рамках трека «исследовательское лидерство» позволяет говорить о ведущей активности технических и инженерных вузов с высоким уровнем показателя «объём средств от выполнения исследований и разработок на 1 НПР», в 2021 г. МФТИ – 6727, 95 тыс. руб., ИТМО – 4709, 31 тыс. руб. Впрочем нельзя не отметить и разброс показателей по выделенным в данную группу университетов, например, показатель ЮУрГУ – Южно-Уральский государственный университет составил 456,85 тыс. руб., что в 14 раз меньше, чем у МФТИ.

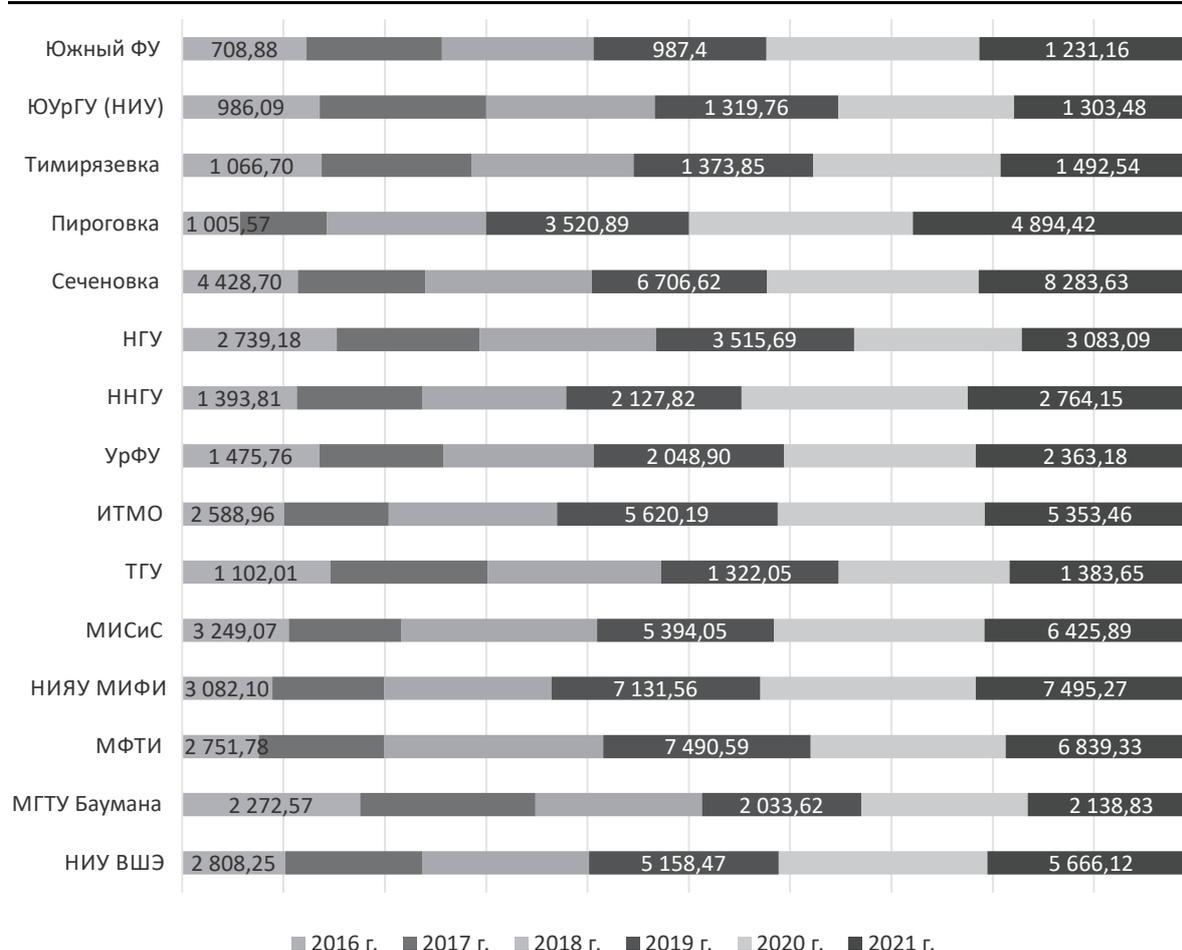

Рис. 3. Показатель «доходы от приносящей доход деятельности в расчёте на 1 НПП» университетов участников программы «Приоритет 2030», тыс. руб. (источник: составлено авторами)

Показателем, оценивающим предпринимательскую деятельность университетов, может являться показатель «доходы от приносящей доход деятельности в расчёте на 1 НПП». Как видим разброс по университетам, представляющим трек «исследовательское лидерство» составляет 6,1 раза. Ведущими университетами по данному показателю являются НИЯУ МИФИ (7495,27 тыс. руб.), первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова – «Сеченовка» (8283,86 тыс. руб.), МИСИС (6425,89 тыс. руб.).

В течение последних лет органы государственного управления образования и науки всё более активно стимулируют образовательную и академическую среду принимать участие в государственных проектах и программах на основе оценки ресурсов, возможностей и потенциала организаций (см. рис. 4). Участие в той или иной государственной программе является индикатором конкурентоспособности организации, возможности продемонстрировать свой научных потенциал и востребованность бизнесом результатов научных достижений и инноваций. Анализ активности

участия университетов в объявленных государством программах показывает значение для университетов таких программ, как создание научно-образовательных центров (что означает активность взаимодействий с бизнес-партнёрами, ведущими научными центрами) – 37 университетов участников программы «Приоритет 2030» принимали участие в этой программе, 26 университетов принимали участие в программе «Стартап как диплом» и т. д.

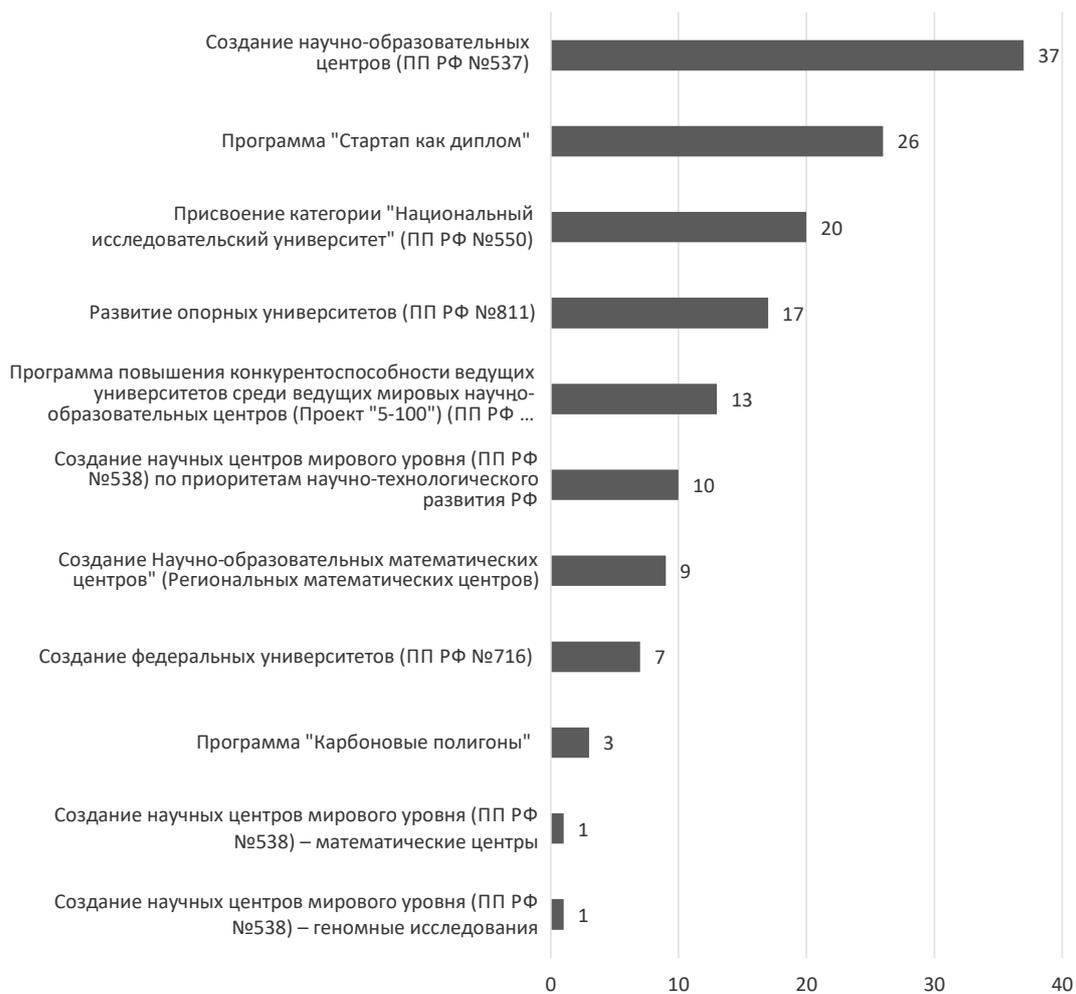

Рис. 4. Показатели участия ведущих университетов России участников программы «Приоритет 2030» в иных программах, объявленных Постановлениями Правительства (ПП) и Министерства образования и науки, на момент подачи заявки участия в «Приоритет 2030», 2021 (источник: составлено авторами)

Научно-технологическое предпринимательство университетов реализуется в форме сетевого или проектного сотрудничества путём не только интеграции разработок, технологий и форм её реализации на рынке, но и путём синтеза идей, концептуа-

лизации характеристики инновационных разработок. Инициативы научно-технологического предпринимательства выбирают своей стратегий работы на новых технологических рынках, рост которых обусловлен цифровой экономикой и передовыми технологиями. Рыночные возможности, рост новых рынков (таких как аэронет, нейронет и пр.) придают особое значение интеллектуальной собственности, институционализации инноваций.

Институционализация поддержки системы академической науки и образования Правительством РФ и Министерством науки и высшей школы РФ позволяют сконцентрировать усилия на формировании устойчивой системы выращивания национальных технологических лидеров на базе ведущих университетов, в т. д. входящих и в национальную программу «Приоритет 2030». Все это демонстрирует переориентирование менеджмента университетов на новую траекторию развития, социальную активность взаимодействия с внешней средой, демонстрацию заинтересованности бизнес и инновационного партнёрства.

В научной литературе активно продвигается концепция «предпринимательского университета», что является отражением необходимости повышения взаимодействия университетских исследованиями и рыночной деятельностью малых предприятий, бизнеса в сфере НИОКР. Инновационная активность «предпринимательского университета» позволяет предотвратить снижение эффективности отраслей в экономике, предложить рынку новые технологии, продукты и услуги. Модель «предпринимательского университета» позволяет сформировать на определённом территориальном уровне экосистему университетских инноваций.

Обзор количества научных публикаций, посвящённых темам «предпринимательского университета» и «академического предпринимательства», в последние время демонстрирует рост (см. рис. 5), это подтверждает интерес к проблемам инновационной политики и экосистемам современных университетов, оценки их влияния на процессы экономического и социального развития стран и регионов.

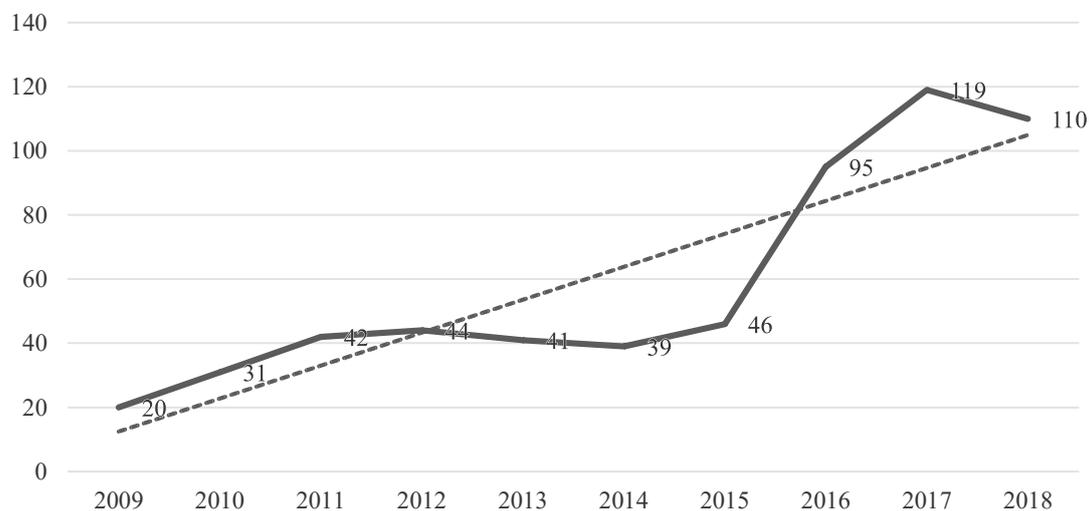

Рис. 5 Распределение публикаций web of Sc. по академическому предпринимательству (n = 587), за период с 2009 по 2018 гг. [9]

Исследовательский интерес к проблемам управления знаниями, инновационной активности университетов прослеживается и при анализе категорий публикаций «Web of Science» (рис. 6).

Рис. 6. Распределение категорий «Web of Science», соответствующих публикациям в области академического предпринимательства (топ-25 категорий), за период с 2009 по 2018гг. [9]

Анализ позволяет акцентировать внимание, что самые популярные категории «Web of Science», связанные с публикациями по академическому предпринимательству, охватывают категории менеджмента (341 публикация), бизнеса (152 публикации) и промышленного инжиниринга (122 публикации). Эти три наиболее распространённые категории в совокупности занимают долю в 56,9 % от всех публикаций

выборки. Это говорит о том, что академическое предпринимательство является особой специализированной темой в научной литературе по менеджменту.

Результаты свидетельствуют о том, что академическое предпринимательство является востребованным междисциплинарным исследовательским явлением, привлекающим внимание различных научных сфер, таких как биомедицинские технологии, инженерные науки, инновации и другие области научных исследований.

Предпринимательские университеты становятся катализаторами социально-экономических изменений, регионального общественного развития, рассматриваются как экосистема, состоящая из набора институциональных элементов и индивидуальных качеств лидеров местных академических сообществ. Необходимо констатировать, что расширяется роль университетов для предпринимательского общества, в дополнение к необходимости генерировать передачу инноваций и технологий, основанных на знаниях, МИПы университетов, и академические институты сосредоточиваются на увеличении предпринимательского капитала.

МИП университетов представляют собой широко используемый инструмент для продвижения инновационных и бизнес-идей в рамках концепции «предпринимательского университета». Взаимодействие академических фирм, являющихся элементами этой концепции, рассматривается как фактор освоения передовых наукоёмких технологий, которые имеют существенное значение для общества и экономики.

В рамках развития «экосистема» предпринимательского университета переходит от традиционной линейной модели инноваций, которая реализуется посредством взаимодействия университетских подразделений и малых коммерческих фирм по реализации имеющихся научных инновационных разработок, к модели нелинейных инноваций, в которой ключевую роль играет «экосистема» инноваций, распространения знаний, прикладных исследований и коммерциализации научных разработок (рис. 7).

Национальные (многоуровневые) инновационные системы, действующие в основном в логике линейной инновационной модели, очевидно, будут в проигрышной ситуации – временные горизонты для жизненного цикла инноваций ускорятся, и чтобы выйти на рынки, с жёсткой конкурентной глобальной средой понадобится время которого нет.

Модель «Тройной спирали» подчёркивает важность социального взаимодействия между академическими кругами, государством и промышленностью, акцентируя внимание на активном взаимодействии в триаде «университет-промышленность-правительство». Караянис [10] и Лейсдорфф [11] акцентируют внимание на значимости международных и межсекторальных исследовательских взаимодействий. Одним из обоснований создания исследовательских сетей является соблюдение интересов целевых аудиторий и привлечение широкой общественности к результатам научной деятельности и производителям знаний.

В исследованиях часто упоминается концепция «многоуровневой исследовательской архитектуры», которая применяется в различных областях и позволяет лучше понять сложность организации исследовательских процессов [12]. Эспленд и Саудер обсуждают сочетание стимулов и показателей эффективности в академической среде, представляющее собой мощный инструмент управления поведением сотрудников [13].

Модель линейных инноваций:

Модель нелинейных инноваций:

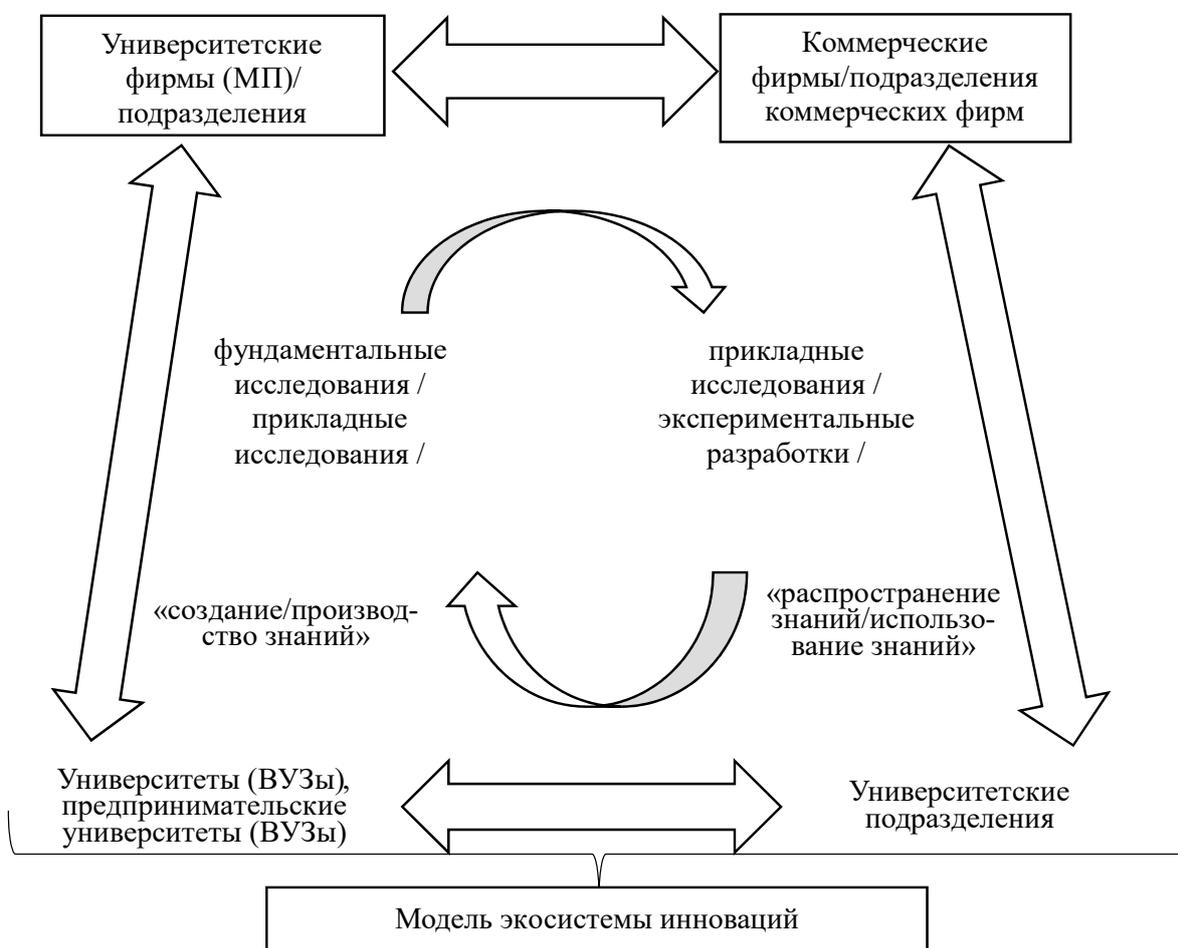

Рис. 7. Линейные и нелинейные инновационные модели университетов и коммерческих/ академических МП, подразделений (источник: Караяннис, Барт и Кэмпбелл, 2012).

Вейк К. отмечает, что университетские сообщества раньше рассматривались как слабо связанные организации, которые избегают иерархического контроля, сохраняя при этом академическую автономию [14]. Реформа образования часто заключалась в освобождении университетов от прямого государственного контроля и предоставлении им возможности самостоятельно организовывать свою иерархию и систему управления. Это привело к трансформации университетов в сложные иерархии, вынужденные балансировать между множественными, порой противоречивыми требованиями различных заинтересованных сторон. С уменьшением роли государства из-за изменений в структурах официальной поддержки и увеличения автономии университетов возникли новые возможности для внешних заинтересованных сторон. Джонгблуд Б. и др. отмечают, что вертикальная подотчётность, ранее строго контролируемая государством, теперь дополняется горизонтальной подотчётностью перед бизнесом, наблюдательными советами и грантодателями [15]. Это создаёт давление на университетскую среду, заставляя пересматривать систему менеджмента с учётом сложности взаимодействий с внешними субъектами и требованиями к обновлению управленческих систем. Университеты должны демонстрировать не только достижения в области исследований, но и социальную значимость для общества. За последние три десятилетия статус исследователей и университетов как ведущих производителей и распространителей знаний постепенно изменился.

Все большее число консалтинговых компаний и аналитических центров заполняет эту нишу. Одним из способов, с помощью которого исследователи стремятся создать новую ценность, является расширение взаимодействия с неакадемическими заинтересованными сторонами, бизнесом, технопарками, при работе над инновациями и постановке целей по производству знаний. Бенневорт П. утверждает, что в академическом сообществе социальная ответственность «заинтересованного университета» проявляется в принятии центральной роли в поиске решений актуальных проблем общества [16]. Эта ответственность подразумевает действия, выходящие за рамки простого взаимодействия, и акцентирует внимание на создании бизнес-процессов, которые позволяют университетам совместно с другими субъектами разрабатывать и обосновывать перспективные направления развития проектов в сфере цифровой экономики и разрешения общественных проблем.

Университеты и исследователи не уделяют одинакового внимания интересам всех заинтересованных сторон и не могут легко согласовать представление различных интересов на институциональном уровне. Более того, сложности на макро- и институциональных уровнях не всегда определяют практику взаимодействия с обществом на микроуровне.

При расширении понимания участия общественности как элемента национальной инновационной системы акцент смещается с целей и продуктов на средства, с помощью которых исследователи и заинтересованные стороны выстраивают и поддерживают взаимодействие с обществом. С точки зрения динамического менеджмента такое взаимодействие является не только инструментом для повышения эффективности и социальной ответственности исследований, но и способом принятия более эффективных, контекстуально обоснованных и устойчивых решений.

В рамках динамического управления основное внимание уделяется адаптивной политике и постоянной оценке действий. Эти подходы помогают организациям и участникам предвидеть будущие события, критически пересматривать свои действия и использовать экспертные знания, несмотря на существующие границы и ограниче-

ния [17]. Современный университет является элементом системы институтов развития. Реализация комплекса проектов нацеленных на выявление талантов и идей, таких как наставничество, олимпиады, конкурсы, карьерные форумы и пр. является не только частью образовательной политики, но и составляющей научной и технологической политики.

Междисциплинарность побуждает исследователей пересматривать традиционные научные границы, чтобы лучше понять сложные научные явления с помощью целостного подхода. Она фокусируется на проблемах, которые пересекают дисциплинарные границы и не могут быть решены с помощью инструментов одной дисциплины или упрощённых междисциплинарных воздействий [18].

В контексте реформ, связанных с новым государственным управлением (NPM – new public management), структуры управления национальными университетами претерпели серьёзные изменения, повлиявшие на профессиональные отношения и практики работы академических сотрудников.

Реформы государственного управления и политики включали внедрение системы управления эффективностью, основанной на результатах, усиление конкуренции и новые механизмы со-финансирования университетов. Концепция повышения эффективности и повышения дерегуляции по своей природе сложна и включает в себя действия, задачи, процессы и конкретные измеримые результаты, что делает её подверженной различным толкованиям.

Социальное взаимодействие в системах образования и науки является примером современных академических исследований, которые недостаточно учитываются в системах управления эффективностью. Отсутствие у менеджмента университета способности адаптировать общие идеи систем измерения эффективности, основанных на NPM, к локальному и институциональному контексту может привести к проблемам с действенностью и легитимностью показателей среди академического персонала. Важно обращать внимание на то, как эти показатели воспринимаются теми, чьи действия будут оцениваться, чтобы избежать недопонимания и обеспечить их правильное применение.

Реформы сделали университеты более открытыми для общества, увеличив влияние заинтересованных сторон. Однако университеты также сталкиваются с необходимостью сбалансировать профессиональные перспективы академического персонала и интересы внешней среды, государства, промышленности, бизнеса. С точки зрения концепции предпринимательского университета, результаты анализа позволили выявить понимание важности перестройки экосреды современного университета для производства и распространении знаний, актуальных для общества и цифровой экономики.

В дальнейшем исследовательский фокус должен сосредоточиться на анализе процессов, связанных с разработкой стратегий развития университетского сообщества, структур управления и трансформации корпоративной культуры, которые способствуют формированию экосистемы предпринимательского университета.

Интересы и потребности в новых знаниях как основное направление академической деятельности больше не могут рассматриваться в изоляции от более широких процессов общественного развития. Необходимо комплексно подходить к концепциям управления эффективностью и социального взаимодействия университетов, чтобы понять, как различные типы социального партнёрства и сетевых усилий определяют будущее научной работы.

Список литературы / References

1. Bleiklie, I., Enders, J., Lepori, B. Organizational Configurations of Modern Universities, Institutional Logics and Public Policies – Towards an Integrative Framework / I. Bleiklie, J. Enders, B. L. (eds.) / *Managing Universities: Policy and Organizational Change from a Western European Comparative Perspective* Cham: Springer International Publishing. 2017. pp. 303–326.
2. Hansen, H. F., Geschwind, L., Kivistö, J., Pekkola, E., Pinheiro, R., Pulkkinen, K. Balancing accountability and trust: university reforms in the Nordic countries // *Higher Education* 2019. № 78(4) – pp. 557–573.
3. Clark, B. *Creating Entrepreneurial Universities. Organizational Pathways of Transformation*. Pergamon Press. 1998. p. 225.
4. Holzinger, K., Knill, C. Causes and conditions of cross-national policy convergence. *Journal of European Public Policy*, 2005. №12 (5). – pp. 775–796.
5. Carayannis, E., Barth, T., Campbell, D. The Quintuple Helix innovation model: global warming as a challenge and driver for innovation // *Journal of Innovation and Entrepreneurship*. – 2012. – №1 (2).
6. Etzkowitz, H., Leydesdorff, L. The dynamics of innovation: from national systems and ‘mode 2’ to a triple helix of university-industry-government relations // *Research Policy*. – 2000. – Vol. 29. – pp.109–123.
7. Teichler, U. *Higher Education Research in Europe* / A. Curaj, L. Matei, R. Pricopie, J. Salmi, P. S. (eds.) // *The European Higher Education Area*. Cham: Springer. – 2015. – p. 278.
8. Macfarlane, B. The higher education research archipelago // *Higher Education Research and Development*.- 2012. – №31(1). – pp. 129–131.
9. Skute, I. Opening the black box of academic entrepreneurship: a bibliometric analysis // *Scientometrics*. 2019. № 120. – pp. 237–265.
10. Etzkowitz, H., Leydesdorff, L. The dynamics of innovation: from national systems and ‘mode 2’ to a triple helix of university-industry-government relations // *Research Policy*. – 2000. – Vol. 29. – p.109.
11. Carayannis, E.G., Alexander, J.M. *Global and Local Knowledge, Glocal Transatlantic Public-Private Partnerships for Research and Technological Development*, Palgrave MacMillan, Houndmills. – 2004. – pp.17–19.
12. Hooghe, L. and Marks, G. *Multi-Level Governance and European Integration*, Rowman and Littlefield Publishers, Lanham. 2001.
13. Espeland, W., Sauder, M. Rankings and Reactivity: How Public Measures Recreate Social Worlds. *American Journal of Sociology*. – 2007. – №113(1). – pp. 1–40.
14. Weick, K. Educational organizations as loosely coupled systems// *Administrative Science Quarterly*. – 1976. – №21(1). – pp. 1–19.
15. Jongbloed, B., Enders, J., Salerno, C. Higher education and its communities: Interconnections, interdependencies and a research agenda. *Higher Education*. – 2008. – №56(3). – pp. 303–324.
16. Arbo, P., Bennenworth, P. *Understanding the regional contribution of higher education institutions: A literature review*. Paris: OECD Education Working Paper., OECD Publishing. – 2007. – № 9.
17. Stilgoe, J., Owen, R., Macnaghten, P. Developing a framework for responsible innovation. *Research Policy* 2013. №(42). pp. 1568– 1580.

18. Benneworth, P. *University Engagement with Socially Excluded Communities*. Dordrecht: Springer. – 2013. p. 321.

19. Regeer, B., Bunders, J. *Knowledge co-creation: Interaction between science and society*. Den Haag: RMNO. 2009.

20. Strober, M. *Interdisciplinary Conversations. Challenging Habits of Thought*. Stanford University Press. 2010. – p. 310.

21. Neo, B., Chen, G. *Dynamic Governance. Embedding Culture, Capabilities and Change in Singapore*. Singapore: World Scientific Publishing. – 2007.

S.N. Bolshakov⁴, Yu.M. Bolshakova⁵, O.D. Pritula⁶. Knowledge Management in the Context of the "Entrepreneurial University" and Innovation. The authors elaborate on the relevance of social interactions between the academic community and the business environment, as well as the change in the knowledge management model based on expanding the system of social interactions. Attention is drawn to the need of combining market factors in the development of scientific and innovation policy directions, expanding the range of participants in the development and implementation of academic scientific policy, attracting social, political and economic actors interested in promoting innovations. Based on the analysis of foreign experience, the authors state the demand for indicators measuring the effectiveness of the academic and scientific environment, taking into account the factor of demand for scientific results in the interests of society and the state. The analysis results show that researchers pay attention to the issues of transforming the functions of universities, as well as their leading research role in the formation of new knowledge. Based on the research results, the strategic role of university ecosystems in the production and management of knowledge, the importance of network social interactions in justifying the choice of the direction of innovation development were revealed. The authors focus on the concept of an entrepreneurial university, its role in knowledge management, promoting innovations in the business environment, and the formation of a system of benchmarks for measuring the effectiveness of research policies at modern universities.

Keywords: innovation, knowledge, university, social interactions, business, economy.

⁴ *Sergey N. Bolshakov*, Head of the Leningrad Regional Branch of the VEO of Russia, Professor at the Department of Political Sciences and Applied Political Processes, Russian State Social University (4/1 Wilhelm Pieck ul., Moscow 129226, Russia), Doctor of Economics, Professor, e-mail: snbolshakov@mail.ru

⁵ *Yulia M. Bolshakova*, Associate Professor at the Department of Economics and State and Municipal Administration, Komi Republican Academy of State Service and Administration (11 Kommunisticheskaya ul., Syktyvkar 167982, Komi Republic, Northwestern Federal District, Russia), Candidate of Political Sciences, e-mail: project.edu.2024@jmail.com

⁶ *Oksana D. Pritula*, Associate Professor at the Veliky Novgorod Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (31 Germana ul., Veliky Novgorod, 173003, Novgorod Oblast, Russia), Candidate of Economics, e-mail: project.edu.2024@jmail.com

DOI: 10.37930/1990-9780-2024-4-82-108-117

Ю. А. Маленков¹

АВТОМАТИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ФАКТОР РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ РОСТА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА И УСТРАНЕНИЯ ДЕФИЦИТА КАДРОВ

Рассмотрены пути решения ключевых проблем, сдерживающих развитие экономики РФ – дефицит кадров, рост себестоимости продукции и цен, усиление конкуренции на мировых рынках. Обоснована необходимость перехода от бессистемно развивающейся цифровизации, которая не решает данные проблемы, к предельно конкретным направлениям автоматизации экономики РФ. На примере развития автоматизированных систем управления технологическими процессами (АСУТП) показаны ошибки управления автоматизацией, её статистики и оценки эффективности. Дана критика ряда подходов к сущности и управлению развитием автоматизации, предложена система новых научных категорий (автоматизация экономики РФ, система автоматизации, экономические результаты и эффективность автоматизации). Построена иерархия современных систем автоматизации и предложена новая система количественных показателей их контроля и планирования. Дан ряд предложений по повышению уровня и качества управления развитием и стимулированию автоматизации на предприятиях РФ.

Ключевые слова: автоматизация, система, цифровизация, дефицит кадров, рост себестоимости, АСУТП, приоритет, технология, модель, эффективность, искусственный интеллект, показатели контроля и планирования.

УДК 338.24.01

*«Я люблю правду без украшения»
А. В. Суворов*

Российская Федерация стоит перед необходимостью преодоления новых барьеров эффективному развитию, которые сегодня препятствуют её динамичному росту. К числу наиболее значимых относятся дефицит кадров во всех сферах экономики, рост себестоимости продукции и цен, усиление конкуренции на мировых рынках, санкционное давление западных стран.

В последние годы во многих сферах РФ интенсивно развивается цифровизация (digitalization), волна которой пришла к нам из западных стран, и она, по существу, поглотила развитие автоматизации, которая ранее занимала ведущее место в приоритетах управления развитием экономических субъектов как самостоятельное направление. В множестве разнородных направлений цифровизации автоматизация растворилась и пе-

¹ Юрий Алексеевич Маленков, профессор кафедры планирования и управления социально-экономическими процессами Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9), д-р экон. наук, профессор, e-mail: y.malenkov@spbu.ru

рестала играть самостоятельное значение. Во главе угла стала бесформенная цифровизация, которая в отличие от автоматизации стремится охватить всё, но результаты оставляют желать лучшего. Опыт развития российских и зарубежных производств в течение многих десятилетий показал, что управление автоматизацией отличалось ясностью и конкретными результатами, в то время как о цифровизации этого сказать нельзя. Она так и не смогла решить комплекс проблем дефицита кадров и роста конкурентоспособности. Эта проблема характерна для всех уровней развития автоматизированных систем. С. Д. Бодрунов, анализируя современные проблемы развития суперкомпьютеров в РФ, отметил «и ни одного суперкомпьютера – для социальных научных исследований, а их важность крайне высока, особенно в сегодняшнее турбулентное время. Ситуация, по нашему мнению, требует быстрого исправления... в современной России единой суперкомпьютерной инфраструктуры нет. Нужна осмысленная, чёткая государственная политика в этой области, в частности, включение соответствующих позиций в Программу “Цифровая экономика Российской Федерации”, состыковка её с национальным проектом “Наука”» [1].

Среди многих направлений развития сегодня автоматизация производства и управления обладает наибольшим приоритетом, так как без неё невозможно решение ни одной из указанных выше проблем. Но в этой сфере образовался целый комплекс теоретических и практических проблем, к которым следует отнести:

- отсутствие статистики развития автоматизации в РФ, позволяющей объективно оценить состояние и пути развития;
- теоретические противоречия толкования базовых категорий автоматизации, её видов;
- медленные темпы и масштабы развития автоматизации по сравнению с её развитием в западных странах;
- отсутствие стимулов развития и механизмов управления автоматизацией в отраслях.

Автоматизация сегодня трактуется в теории и практике управления очень широко, а статистика и учёт не позволяют оценить развитие её видов, масштабы и перспективы. Рассмотрим эти проблемы подробнее на примере АСУТП. Цифры исследований существенно расходятся и выявить реальные тренды практически невозможно. Данные Росстата крайне ограничены, а данные коммерческих исследований немногочисленны. Основной акцент сделан на анализе рынка продаж АСУТП. При этом в 2023 г. оценки рынка АСУТП колеблются в чрезмерно больших пределах – до 46 %, от 700 379,9 млн рублей² до 1,3 трлн рублей³. Следует отметить, что объём рынка промышленных систем автоматизации и управления США оценивается в 165 млрд долларов, что на порядки выше, чем в отраслях РФ⁴.

² 2. Аналитический отчёт DISCOVERY RESEARCH GROUP Анализ рынка АСУ ТП в России. URL: https://drgroup.ru/components/com_jshopping/files/demo_products/Demo._Otchet._Analiz_rynka_ASU_TP_v_Rossii.pdf (дата обращения – 29.11.2024)

³ Стратегия и роль комплексного интегратора в лице ПАО «Ростелеком». URL: <https://static.cnews.ru/img/files/2024/10/08/pohodnya.pdf> (дата обращения: 29.11.2024).

⁴ Global Market Insights. Размер рынка систем промышленной автоматизации и управления. URL: <https://www.gminsights.com/ru/industry-analysis/industrial-automation-and-control-systems-market> (дата обращения: 30.11.2024).

Анализ показывает, что в общих расходах предприятий затраты на автоматизацию в целом незначительны, несмотря на дефицит рабочей силы во всех отраслях, а темпы автоматизации технологических процессов (АСУТП) в последние годы снижались.

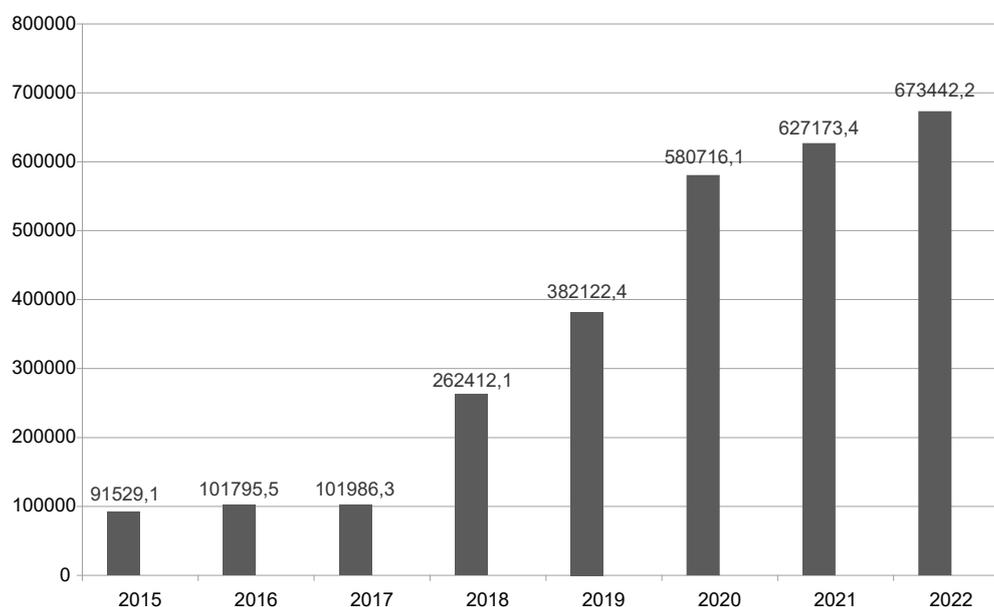

Рис. 1. Объём и темп прироста рынка автоматизированных систем управления технологическими процессами (АСУТП) в России в 2015-2022 гг. в стоимостном выражении, млн руб.⁵ (источник: данные ФТС РФ, ФСГС РФ, данные компаний-производителей)

Целостную картину состояния автоматизации в РФ составить крайне трудно потому, что смешиваются различные, в том числе несопоставимые направления автоматизации, которые не обеспечивают решение приоритетных задач сокращения дефицита кадров. Так специалисты отмечают, что «Более 74 % компаний в России активно занимается проектами по автоматизации бизнес-процессов», но при этом производственные процессы не являются главным приоритетом. «Наиболее приоритетной областью внедрения программных решений является контроль и автоматизация логистических процессов. На неё приходится 23 % ответов», но этот приоритет явно противоречит главным приоритетам развития. «Основным приоритетом является желание повысить производительность труда (91,7 %), дополнительно участники процессов цифровизации ставят перед собой задачу повысить удовлетворённость клиентов (48,3 %) и перейти на удалённый формат работы (15 %)»⁶, так как достиже-

⁵ Рынок автоматизированных систем управления в России в 2023 году. URL: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/rynok-avtomatizirovannykh-sistemy-upravleniya-v-gossii-v-2023-godu/> (дата обращения: 24.11.2024).

⁶ "Рамблер". Более 74 % компаний в России активно занимается проектами по автоматизации бизнес-процессов. URL: https://finance.rambler.ru/business/49759226/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink 25.11.2022 (дата обращения: 14.11.2024).

ние цели существенного роста производительности труда возможно только за счёт автоматизации главных производственных процессов, которая должна была бы быть в числе главного приоритета управления развитием.

Тоже самое подтверждают и данные Росстата по оценке приоритетов инвестирования в экономике РФ, в которых объединяются совершенно разнородные по сущности и экономическим результатам направления – механизация и автоматизация:

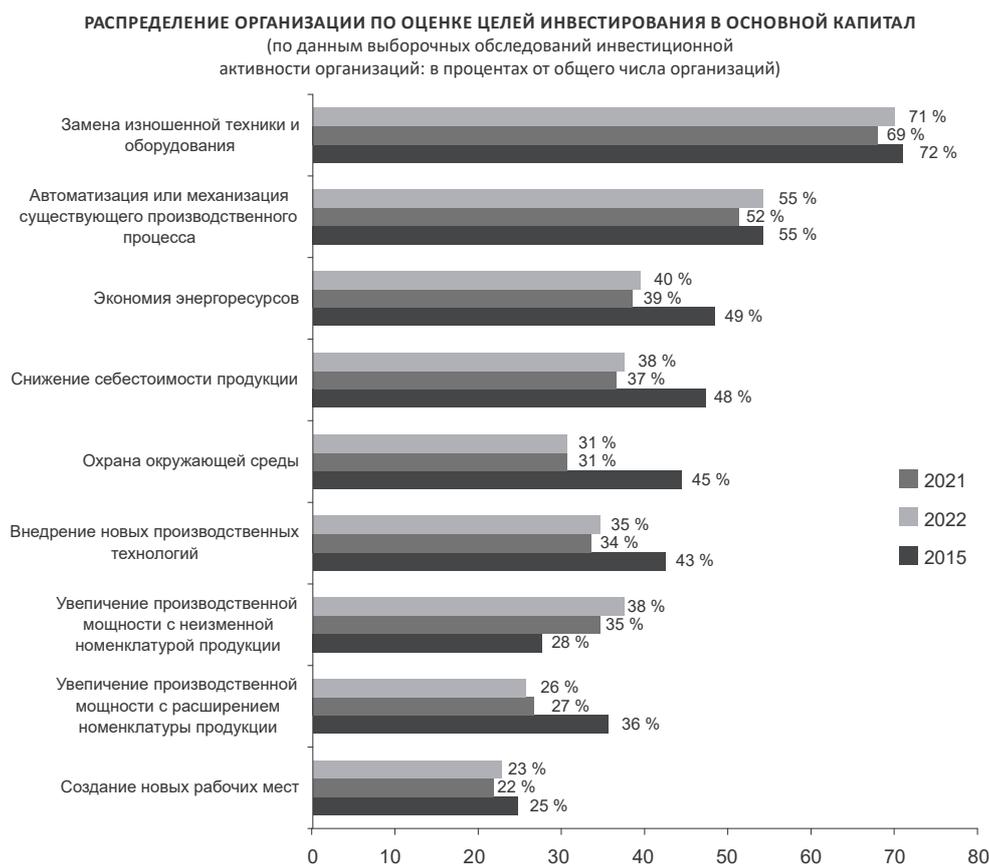

Рис. 2. Приоритеты инвестирования в промышленности РФ [2]

Как видно из приведённых данных, в условиях острого дефицита кадров, преодолеть который можно только на основе автоматизации и роботизации, лишь половина организаций считает это направление приоритетным.

Следует подчеркнуть ошибочность объединения в один приоритет таких приоритетно разнородных направлений развития, как механизация и автоматизация. Ряд исследований показывает, что ситуация значительно хуже. Многие руководители под автоматизацией подразумевают внедрение систем, которые не охватывают главные производственные процессы, не включают роботизацию, а содержат автоматизацию отдельных функций управления, например, бухгалтерские, складирования, учёта.

Сегодня по разным оценкам значительная часть промпредприятий практически не автоматизирована: «47,4 % опрошенных промышленных предприятий, по соб-

ственным же оценкам, имеют низкий уровень автоматизации....21,1 % опрошенных сообщили, что не инвестируют в автоматизацию и внедрение робототехники из-за внутренних сложностей на предприятии, 10,5 % сообщили, что не имеют возможностей привлечения нужных инвестиций, и столько же, не могут повышать автоматизацию производства из-за того, что на российском рынке в данный момент отсутствуют нужные технологические решения»⁷.

Это подтверждается и исследованиями Академии Technored, согласно которым лишь 15,8 % российских компаний оценивают уровень своей автоматизации и роботизации как высокий⁸. При этом в понятии автоматизация объединены различные направления – от незначительной цифровизации отдельных функций производства и управления до автоматизации всей системы управления предприятием. Отделить в таких оценках главное от малозначимого невозможно. Слишком часто автоматизацией считается простое использование шаблонных систем, что совершенно не влияет на решение ключевых проблем ликвидации дефицита рабочей силы.

Это связано с тем, что в последние годы направления развития автоматизации скрываются за общим понятием развития цифровизации. Считается, что цифровизация включает всё, что связано с автоматической обработкой информации. Но различные направления автоматизации совершенно неравнозначны, дают совершенно различные эффекты, должны обладать разными приоритетами. Эффективно управлять сложными процессами и объектами без их чёткого определения и контроля их развития невозможно. В области автоматизации её трактовки зачастую противоречат друг другу.

Так, в «Новой экономической энциклопедии» автоматизация определяется следующим образом: «АВТОМАТИЗАЦИЯ – использование технических средств в системе управления без непосредственного участия человека в процессах получения, преобразования и использования, энергии, материалов и информации» [3], т. е. без участия персонала, а в «Большой российской энциклопедии» «АВТОМАТИЗАЦИЯ, применение технических и программных средств для получения, передачи, хранения, распределения и преобразования информации о состоянии объектов, а также для управления объектами, направленное на достижение заданных целей.... Уровень А. определяется совершенством применённых аппаратно-программных средств»⁹, в данном случае неясно, речь идёт о полной или частичной автоматизации. «Автоматизация – применение технических средств и систем управления, освобождающих человека частично или полностью от непосредственного участия в процессах получения, преобразования, передачи и использования энергии, материалов или информации»¹⁰, но под это определение попадает механизация, рационализация трудовых процессов без процессов автоматизации.

⁷ Лишь 15,8 % российских промышленных предприятий имеют высокий уровень автоматизации производства. СиНьюс. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2023-08-08_lich_158_rossijskih_promyshlennyh

⁸ Промышленная автоматизация: настоящее и будущее АСУ ТП в России. URL: <https://softline.ru/about/blog/promyshlennaya-avtomatizatsiya-nastoyashchee-i-budushchee-asu-tp-v-rossii> 24.09.2024 (дата обращения – 14.11.2024)

⁹ Большая российская энциклопедия 2004–2017 Б. Г. Волик, Е. В. Юркевич. URL: https://old.bigenc.ru/technology_and_technique/text/1799468 (дата обращения: 14.11.2024).

¹⁰ Автоматизация толкование. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_tech/19/avtomatizaciya_%20%202024 (дата обращения: 14.11.2024).

Как видно из ряда приведённых определений, в одних случаях под нею понимается полное освобождение человека от какого-либо вида деятельности, в других допускается частичное; также остаётся неясной её сущность и направления развития.

При этом существуют различные классификации видов автоматизации, например, фиксированная, программируемая, автоматизация, и типам ИТ, роботы, машины с числовым управлением и другие¹¹ или как система автоматического управления, автоматизированная система научных исследований, автоматизированная система управления технологическими процессами и другие¹².

Всё это не даёт возможности управления автоматизацией как целостным объектом развития экономики и важнейшим средством решения масштабных проблем развития экономики РФ, стоящих сегодня, так как не выделены её главные и принципиально различные направления. Различные трактовки этих важных теоретических положений и отсутствие целостного представления об автоматизации экономики РФ существенно замедляют её рост и решение неотложных проблем ликвидации дефицита рабочей силы в отраслях.

Для устранения этого предлагается следующий подход. Вместо неясного термина «цифровизация», который пришёл к нам из западных источников (digitalization), и по своей сути может трактоваться и пониматься совершенно различно, целесообразно ввести ряд новых экономических категорий, которые должны иметь конкретное содержание, обеспечивать процессы стратегического управления и эффективного контроля уровней и качества автоматизации, отражать главные технологические тренды развития российской экономики и решению ею проблем экономики РФ.

Предлагается перейти от неясных толкований процессов автоматизации к конкретным научным категориям, отражающим их суть и назначение:

1) **автоматизация экономики РФ** – разработка и внедрение систем и процессов, основанных на микроэлектронике и информационных технологиях, направленных на непрерывное и быстрое сокращение численности персонала в трудовых процессах, обеспечивающих рост качества производства, обслуживания и контроля экономических процессов на всех уровнях, рост на этой основе её мировой конкурентоспособности;

2) **система автоматизации** – синтез аппаратных и программных средств на базе микроэлектроники, образующий целостную систему и обеспечивающий высвобождение персонала из процессов сбора, обработки и передачи информации, разработки и принятия решений, управления объектами и процессами в целях решения главных проблем развития экономики РФ, её подсистем, организаций. Включение в определение целей системы необходимо, чтобы исключить процессы «цифровизации ради цифровизации с крупными затратами без результатов»;

3) **виды систем автоматизации по уровням автоматизации процессов** включают по уровням применения (рис. 3):

¹¹ УРТЦ «Альфа-Интех», 2024 Автоматизация производства: виды, уровни, этапы внедрения. URL: <https://www.alpha-intech.com/blog/ypravlenie-proizvodstvom/avtomatizatsiya-proizvodstva/> (дата обращения: 24.11.2024).

¹² Автоматизация. URL: <https://znaniarussia.ru/articles/Автоматизация> 22 сентября 2024 (дата обращения: 25.11.2024).

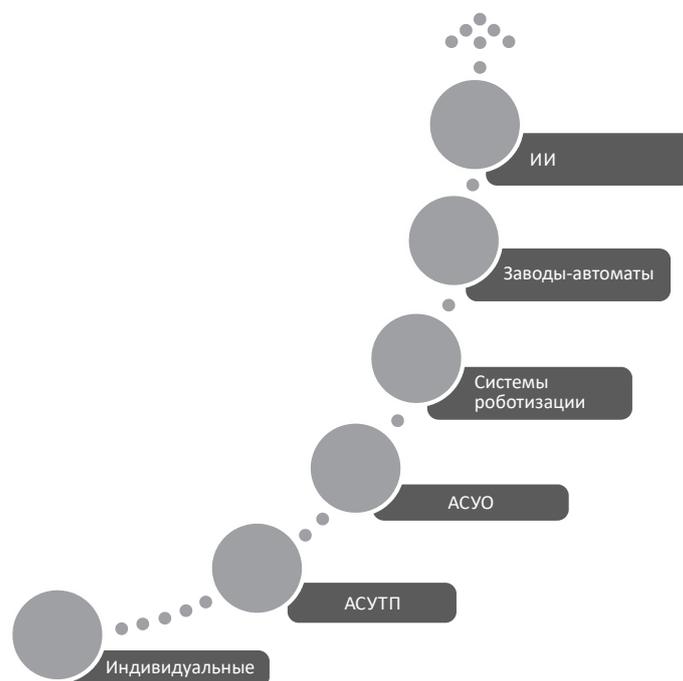

Рис. 3. Иерархия автоматизированных систем

Системы автоматизации включают:

индивидуальные автоматизированные системы предназначены для работы специалистов – это базовый (низший) уровень автоматизации технологических процессов, Эти системы отличаются от стандартных систем широкого пользования. Они представляют собой нестандартные разработки необходимые для обеспечения интеллектуального труда конкретных работников, по существу дополнение и развитие его интеллекта. Данные системы целесообразно включать в реестр систем автоматизации организаций. В среднем они охватывают 5-20 % персонала, являющегося главной составляющей интеллектуального потенциала организаций, решающих сложные задачи;

автоматизированные системы технологических процессов (АСУТП) – средний уровень автоматизации процессов;

автоматизированные системы управления организациями (АСУО) – средний и высокий уровни автоматизации технологических процессов;

системы роботизации, обеспечивающие полную замену работников на технические комплексы, функции персонала ограничиваются их наладкой и контролем – высокий уровень автоматизации технологических процессов;

заводы-автоматы, включают полную автоматизацию всех технологических процессов, которые сегодня разрабатываются и внедряются за рубежом, их также называют мегазаводы – высокий уровень автоматизации технологических процессов;

системы искусственного интеллекта (ИИ) на базе суперкомпьютеров в управлении производствами и сервисом – высокий уровень при использовании элементов ИИ и высший уровень при полном высвобождении человека из процессов управления, с сохранением лишь отдельных функций контроля, что является предельным уровнем автоматизации производственных и управленческих процессов.

За безликими, хаотическими процессами цифровизации управленческая бюрократия часто прячет свои грубые ошибки и растраты государственных ресурсов, что часто происходит за рубежом и в РФ. Переход к управлению развитием конкретных систем автоматизации, цели которых сокращение дефицита кадров, рост качества и конкурентоспособности радикально изменяет ситуацию в области планирования и контроля автоматизации и её результатов, обеспечит скачок их уровней качества.

4) экономические результаты и эффективность автоматизации – количественные стоимостные и уровневые оценки основных целевых результатов автоматизации.

Результаты и уровни автоматизации целесообразно характеризовать количеством и стоимостью АСУТП и других автоматизированных систем, как это часто делается. Безликие данные продаж ничего не говорят о результатах их внедрения. Важно контролировать процессы их отдачи. Необходимо полностью изменить подход к анализу процессов планирования и контроля внедрения систем автоматизации ставя во главу угла конечные результаты и их уровни.

Предлагается введение следующей системы количественных оценок контроля и планирования уровней и результатов управления автоматизацией производств и управления.

По каждому виду систем автоматизации целесообразно ввести шкалы степеней решения ими наиболее важных проблем развития экономики РФ.

1) Общие уровни решения проблем экономики РФ:

– сокращение дефицита кадров. Оценки по шкале от 0 до 10, где 0 – система автоматизации не повлияла на данный процесс, 10 – максимально высокий (полное высвобождение кадров, максимальная экономия трудовых затрат по сравнению с аналогичными процессами в других организациях),

– аналогичные показатели уровней снижения затрат, роста качества и главного приоритета – конкурентных преимуществ по отношению к наиболее сильным мировым лидерам, производящим аналогичную продукцию, что сегодня жизненно необходимо в условиях резкого усиления мировой конкуренции [4].

Показатели контроля и планирования влияния автоматизации на решение проблем развития экономики РФ:

1) абсолютного высвобождения рабочей силы (чел.) и относительного (кол-во высвобождаемых работников*100/общая численность работников данного процесса или участка, рабочей зоны, команды, отдела);

2) снижение себестоимости продукции и услуг (руб.) и % снижения затрат по отношению к предыдущему году;

3) рост качества продукции и услуг в % по отношению к показателям качества мировых лидеров рынка и в % по отношению к предыдущему году;

4) рост конкурентных преимуществ в % по отношению к показателям качества мировых лидеров рынка и в % по отношению к предыдущему году;

5) затраты на внедрение и обслуживание системы автоматизации (инвестиции и текущие затраты) и в % по отношению к предыдущему году;

6) срок окупаемости затрат на автоматизацию по законченным проектам и планируемым. Рекомендуется устанавливать не более 2-3 лет, современные готовые решения сокращают период внедрения;

7) полные экономические результаты автоматизации (рублей) [5];

8) рентабельность инвестиций в создание и развитие систем автоматизации в % и изменение по отношению к предыдущему году. Критерием минимального уровня её рентабельности целесообразно принять ставку ОФЗ;

9) устойчивость системы автоматизации в условиях возможных изменений внешней и внутренней сред. Определяется путём сопоставления уровней рентабельности и окупаемости инвестиций на автоматизацию не менее, чем 3-х прогнозируемых конфигураций внешних сред (ожидаемой, лучшей, худшей).

Для повышения эффективности разработки и внедрения систем автоматизации целесообразно в каждой организации создать и вести реестр всех автоматизированных систем, указанных на рис. 3.

Важно понимать, что зачастую цифровизация ведёт к существенному увеличению персонала для обработки информации, включая IT специалистов, которых сегодня тоже не хватает, в то время как автоматизация, наоборот, их максимально сокращает.

В отличие от цифровизации автоматизация по своей сущности направлена на решение проблем развития экономики, но для этого нужно радикально изменить её приоритет в управлении развитием РФ, ввести конкретные планы-задания по её внедрению в отраслях, включить ряд мер стимулирования внедрения. Такими мерами могут быть льготные кредиты, субсидии, налоговые льготы предприятиям, внедряющим конкретные системы автоматизации с подтверждением их эффективности по указанной выше системе показателей.

Достижение стратегических целей развития РФ возможно только при условии предельной конкретности поставленных целей, формулировки проблем и определения главных направлений их решения. Ошибочными следует считать возлагаемые надежды на бессистемно развивающуюся цифровизацию, учитывая, что она за прошедший период не оказала никакого существенного влияния на снижение потребностей в кадрах в экономике РФ, себестоимости продукции, инфляцию, не обеспечила скачок конкурентоспособности. Необходимы конкретные инструменты, решающие эти проблемы сегодня, так как дефицит кадров быстро растёт и уже в ближайшие годы достигнет 2–4 млн чел. в РФ, что сдерживает рост экономики, способствует искусственному повышению заработной платы в отраслях для удержания работников и инфляции.

Список источников

1. Бодрунов, С. Д. Национальная суперкомпьютерная инфраструктура для моделирования нооразвития / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2023. – № 4(78) – С. 6–10. URL: <https://e-v-r.ru/wp-content/uploads/С.Д.-Бодрунов.pdf> (дата обращения 12.11.2024)

2. Промышленное производство в России. 2023: Стат.сб. / Росстат. – П 81. – М., 2023. – 259 с. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Prom_proiz-vo_2023.pdf (дата обращения: 27.11.2024)/

3. Румянцева, Е. Е. Новая экономическая энциклопедия / Е. Е. Румянцева. – 2-изд. – М.: Инфра-М, 2006. – 810 с.

4. Маленков, Ю. А. Развитие российских методов стратегического анализа и целесообразность замены SWOT-модели / Ю. А. Маленков // Экономическое возрождение России. – 2023. – № 1. – С. 24–34. URL: <https://e-v-r.ru/wp-content/uploads/2023/03/Ю.А.-Маленков.pdf>

5. Маленков, Ю. А. Современный менеджмент / Ю. А. Маленков // Серия «Учебники экономического факультета СПбГУ». – М.: ЗАО «Издательство «Экономика»», 2010, 439 с. – С. 216–221

References

1. Bodrunov S. D. (2023) Natsional'naya superkomp'yuternaya infrastruktura dlya modelirovaniya noorazvitiya [The National Supercomputer Infrastructure for Noo-Development Modeling]. *Economic Revival of Russia*, 4(78), p. 6, p. 10. URL: <https://e-v-r.ru/wp-content/uploads/С.Д.-Бодрунов.pdf> (Access date: 12.11.2024)
2. Rosstat (2023) Promyshlennoe proizvodstvo v Rossii. 2023: Statisticheskiy sbornik [Industrial Production in Russia. 2023: Statistical Book]. 259 p. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Prom_proiz-vo_2023.pdf (Access date: 27.11.24)
3. Romyantseva E. E. (2006) Novaya ekonomicheskaya entsiklopediya [New Economic Encyclopedia]. 2nd ed. Moscow: Infra-M, 810 p.
4. Malenkov Y. A. (2023) Razvitiye rossiyskikh metodov strategicheskogo analiza i tsele-soobraznost' zameny SWOT-modeli [Development of Russian Methods of Strategic Analysis and the Feasibility of Replacing the SWOT-Model]. *Economic Revival of Russia*, 1, pp. 24–34. URL: <https://e-v-r.ru/wp-content/uploads/2023/03/Ю.А.-Маленков.pdf>
5. Malenkov Y. A. (2010) Sovremennyy menedzhment [Modern Management]. Series "Textbooks of the Faculty of Economics of St. Petersburg State University". Moscow: ZAO Izdatel'stvo Ekonomika, 439 pp., pp.216–221.

Y. A. Malenkov¹³. Automation of Russian Economy as Strategic Factor in Solving the Problems of Labor Productivity Growth and Eliminating the Shortage of Personnel. The ways of solving the key problems hindering the development of the Russian economy are considered – a shortage of personnel, an increase in the cost of production and prices, increased competition in world markets. The necessity of transition from haphazardly developing digitalization, which does not solve these problems, to extremely specific areas of automation of the Russian economy is substantiated. Using the example of the development of the automated control system, errors in automation management, its statistics and efficiency assessment are shown. A number of approaches to the essence and management of automation development are criticized; a system of new scientific categories is proposed (automation of the Russian economy, automation system, economic results and automation efficiency). A hierarchy of modern automation systems has been built and a new system of quantitative indicators of their control and planning has been proposed. A number of proposals are given to improve the level and quality of development management and to stimulate automation at enterprises of the Russian Federation

Keywords: automation, system, digitalization, staff shortage, cost increase, automated control system, priority, technology, model, efficiency, artificial intelligence, control and planning indicators.

¹³ *Yuri A. Malenkov*, Professor at the Department of Management and Planning of Socio-Economic Processes, Saint Petersburg State University (7-9 Universitetskaya Emb., Saint-Petersburg, 199034, Russia), Doctor of Economics, Professor, e-mail: y.malenkov@spbu.ru

DOI: 10.37930/1990-9780-2024-4-82-118-137

А. Н. Цацулин¹, А. И. Быков²

НЕОБХОДИМОСТЬ ТРАНСФОРМАЦИИ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ КАК ДАННОСТЬ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ³

В данной статье излагаются результаты анализа экономического состояния отечественной газовой отрасли, включая деятельность флагмана топливно-энергетического комплекса страны Публичного акционерного общества Группа компаний «Газпром». Рассматриваются проблемы переориентации газового сырьевого экспорта на Восток, вопросы создания комплекса сжиженного природного газа, ледокольного флота для транспортировки СПГ в старые и новые районы и места продаж. Самостоятельным вопросом исследования являются трудности реализации государственной целевой программы социальной газификации и догазификации российских территорий. Целью настоящего предметного исследования является комплексная экономическая оценка претворения государственных программ регионального развития на базе использования углеводородного сырья, в том числе программы социальной газификации / догазификации в субъектах Федерации. Полученные авторами статьи результаты исследования сводятся к анализу ведомственной непубличной информации по обнаруженным проблемам газовой отрасли. В качестве инструмента исследований использовались методы деятельностной компаративистики и статистики. Задействованные концептуальные подходы подверглись обсуждению. Статья завершается тремя выводами.

Ключевые слова: догазификация, глобальный рынок, газовое противостояние, маршруты поставок, логистика связей, газохимия, принципы ESG

УДК 338.49

¹ Александр Николаевич Цацулин, профессор кафедры менеджмента Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (199034, РФ, Санкт-Петербург, Средний проспект В.О., 57/43), д-р экон. наук, профессор, e-mail: vash_64@mail.ru

² Алексей Игоревич Быков, главный специалист отдела по работе с регионами ООО "Газпром межрегионгаз" (197110, РФ, Санкт-Петербург, наб. Адмирала Лазарева, 24, литер А), канд. экон. наук, e-mail: ibogatyrev@yandex.ru

³ Настоящая статья подготовлена и актуализирована по материалам выступлений соавторов на XVI Международной научно-практической конференции «Государство и бизнес. Современные риски, проблемы и тенденции развития экономики России», 25–26 апреля 2024 г., СЗИУ РАНХиГС. г. Санкт-Петербург и VII Международной научно-практической конференции «Мировая культура на переломе эпох и цивилизаций, проблемы глобализации 2,0», 27–28 мая 2024 г., Северо-Западный университет, г. Санкт-Петербург. Научная активность соавторов нашла своё фрагментарное отражение в публикационных результатах (тезисы докладов) указанных конференций.

Прежде чем принять решение, определите его стоимость.
Ингмар Кампрад, создатель ИКЕА

Введение

В настоящее время газовая отрасль России столкнулась с необходимостью скорейшей разработки концепции переориентации стратегии развития всего отечественного газового комплекса и осуществления глобальной газификации страны при реализации множества национальных проектов. Так, на пленарном заседании Международного форума «Российская энергетическая неделя» Президент В. В. Путин 26.09.2024 г. значительную часть своего доклада посвятил именно этим проблемам. Докладчик уточнил, что страна расширяет географию и масштабы энергетического сотрудничества. При этом строятся новые маршруты на динамично растущие и привлекательно ёмкие рынки, включая страны ЕврАзЭС (ЕАЭС), СНГ, юга Евразии. Соответственно, увеличиваются поставки по газопроводу «Сила Сибири». Продолжает расти экспорт сжиженного природного газа (СПГ). От себя заметим, что в условиях газового противостояния на европейском рынке в течение 2024 г. доля СПГ в общемировом газовом потреблении выросла с 30,0 % до уровня в 48,0 %⁴, а впереди даже замаячили мутные перспективы затоваривания мирового рынка СПГ.

В частности, подчеркнул докладчик: «СПГ из российской Арктики стал одним из якорных, основных грузов Северного морского пути. Мы обязательно продолжим развивать собственные сервисы и технологии в сфере СПГ⁵, создавать центры по перевалке, хранению и торговле сжиженным природным газом, будем обеспечивать проекты газозавозами и, конечно, наращивать мощности наших арктических и восточных морских портов, укреплять связь, инфраструктуру Севморпути».⁶ Кроме того, в докладе подчёркивалось, что в стране продолжают развивать производственные технологии в сфере СПГ, создавать центры по его перевалке, хранению и торговле, а также наращивать мощности арктических и восточных морских портов, укреплять связь и инфраструктуру Северного морского пути⁷ для изменения традиционной географии поставок. По мнению авторов статьи, это тем более важно, что арктические маршруты пересекают девять регионов РФ, а береговая линия морской границы страны превышает 20 тыс. км.

В рамках уже упомянутой Российской энергетической недели Президент РФ заметил, что в газовой отрасли осуществляются важные стратегические изменения, связанные не столько с переключением экспортных газовых поставок с запада (только европейский рынок потреблял ежегодно до 155 млрд м³), на восток, сколько с существенным ростом поставок на внутренний рынок, включая программу социальной газификации / догазификации, которая полным ходом идёт с начала с 2021 г. Признанным лидером реализации этой государственной программы является ПАО ГК «Газпром», разработавшее совместно с Правительством РФ десятилетний план развития газовой отрасли.

Такой долгосрочный, по нынешним, разумеется, представлениям, план, в случае его полноценной реализации, позволит не только обеспечить устойчивое развитие

⁴ Пленарное заседание XIII Международный газовый форум СПб «Газовый рынок – 2024: контуры нового миропорядка». <https://rutube.ru/video/6e3c439c68e13e7020eccc70069ac0b7/> (дата обращения: 12.10.2024).

⁵ СПГ – сжиженный природный газ; подробнее см. работу [13].

⁶ <http://kremlin.ru/events/president/news/75185> (дата обращения: 27.09.2024).

⁷ <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/66f549819a7947bbb9f2d8c5> (дата обращения: 27.09.2024).

собственно газовой корпорации, но и создать новую современную инфраструктуру, приспособленную для меняющей вектора географии поставок. А также даст возможность усовершенствовать действующие газовые сети, организовать логистику новых связей, рационализировать транспортные маршруты, резко увеличить объёмы переработки газового сырья российскими мощностями с высоким уровнем по сложившейся шкале производственных переделов в пользу создания качественных, инновационных и высокотехнологичных продуктов для открытого внутреннего рынка и несколько зажатого рынка внешнего. Правда, для успешной реализации всех этих неотложных и полезных начинаний, по оценочным суждениям соавторов, необходима коренная институциональная перестройка экспортно-ориентированного комплекса страны.

Уточнение проблемы и цели исследования

Здесь естественным образом возникает неудобный вопрос, имеются ли для решений таких важнейших заявленных задач, предполагающих фактическое наличие отечественных возможностей высокой машинерии и достаточность финансовых возможностей со стороны тех структур, которые сегодня отвечают за их решения, реальные возможности. Ведь после начала СВО условный Запад ввёл множество санкционных ограничений, превышающих 18 тыс. позиций в составе уже 14 пакетов против нашей страны, включая сферу продвижения СПГ на внешние рынки.

Более того, судя по фрагментарным сведениям от российского аналитика нефтегазового рынка, иностранного агента М. И. Крутихина, требующим верификации, решением Европейской Комиссии с 01.01.2027 г. вводится полный запрет на поставки газа в страны ЕС⁸. В комплексе этот массивированный, уже ощущаемый российской экономикой западный санкционный прессинг обернулся сокращением добычи газа на 7–8 % и падением газового экспорта на 16 % по итогам 2024 г.⁹ Хотя, по-прежнему в текущем году на долю дружественных стран приходится свыше 90,0 % энергетического экспорта России.

Так, в июне текущего года под такие чувствительные для отечественного газотранспортного комплекса санкции и ограничения попали перспективные проекты «Арктик СПГ-1» и «Арктик СПГ-3», «Мурманский СПГ», «Газпром Инвест», «Русгаздобыча», «Мурманск-Трансгаз» и ООО «Обский газохимический комплекс». Более того, нашими бывшими псевдо- и квази-рыночными, деловыми «партнёрами» по глобализированной экономике было заявлено, что они намерены ограничивать доходы российского бюджета от энергетики и препятствовать развитию уже запущенных энергетических проектов в сфере топливно-энергетического комплекса (ТЭК).

Как правительство страны собирается преодолевать обрушивающиеся со стороны глобальной нестабильности проблемы и решать задачи, сформулированные президентом страны? Преодолимы ли эти проблемы, если даже в Проекте государственного бюджета РФ на 2025–2027 гг. нефтегазовые доходы от сырьевого экспорта не превысят 27,0 %, а множественное по видам налоговое давление на профильный сектор уже с 01.01.2025 г. будет возрастать вместе с поновлённым до уровня в 25,0 % налогом на прибыль организаций. Наряду с этим обсуждается в правительстве также ближайшая стабильность налога и на добавленную стоимость.

В настоящее время кабинет министров России утвердил обновлённую Стратегию развития минерально-сырьевой базы до 2050 г. Об этом сообщил премьер-министр РФ

⁸ <https://www.youtube.com/watch?v=vGN-X2VjB90> (дата обращения: 04.11.2024).

⁹ <https://rutube.ru/video/6e3c439c68e13e7020eccc70069ac0b7/> (дата обращения: 12.10.2024).

М. В. Мишустин, открывая оперативное совещание со своими заместителями. «Правительство утвердило обновлённую Стратегию развития минерально-сырьевой базы, также продлило планирование в этой значимой сфере на 15 лет – до 2050 года», – сказал премьер и уточнил, что в документе актуализированы прогнозные технико-экономические показатели, а в целевом сценарии сформулированы главные задачи. В их числе предусмотрено открытие новых месторождений углеводородного сырья, для чего следует наращивать усилия по комплексному исследованию и освоению разведанных территорий, особенно в наиболее труднодоступных районах, в том числе в Арктике и на Дальнем Востоке, несмотря на появившиеся новые риски и угрозы [6]. На сегодня официально разведанных газовых месторождений в стране насчитывается 153.

Минерально-сырьевая база является естественной основой для многих обрабатывающих отраслей промышленности, таких как металлургия, химическая промышленность, машиностроение и т. д. Развитие этой базы обеспечивает создание новых рабочих мест, несмотря на предельно низкий в 2024 г. уровень безработицы, измеряемой в конце августа на уровне в 2,4 % за три предыдущих месяца¹⁰ (рекордный минимум), и стимулирует дальнейший экономический рост, столь необходимый в сложных непростых условиях, что породили множество новых проблем, не всегда предвидимых, а подчас и не очевидных с точки зрения их идентификации.

Сырьевые ресурсы также необходимы для удовлетворения внутренних потребностей страны в строительстве, энергетике, промышленном производстве, для обеспечения комплексной экономической безопасности и поддержания разумного экспортного потенциала, включая газовые поставки всех видов и форм. Определить круг реальных возможностей газовой отрасли в аспекте формирования новой стратегии её развития и/или модернизации старой стратегии с элементами её существенной трансформации векторов, но в любом случае с учётом оценённых рисков, угроз и уровня необходимой достаточности финансовых ресурсов – всё это и образует *цель* долговременного предметного исследования авторов статьи.

Разработка подобной стратегии с новым лицом предельно актуальна, поскольку, во-первых, необходимо преодолеть основные неопределённости в развитии нефтегазового сектора / комплекса РФ на ближайшие 20 лет [11]. Во-вторых, именно на долю природного газа, сегодня наиболее экологичного, приемлемо эффективного углеводорода и пока доступного, приходится 48,0 % в энергетическом балансе страны. Вместе с ядерной энергетикой (АЭС), гидроэнергетикой (ГЭС) и ветроэнергетикой, обладающих минимальным углеродным следом, указанная доля составляет чуть больше 85,2 %.

Полученные результаты

В контексте серьёзности перечисленных проблем достаточность финансовых возможностей у наших газовых флагманов для старта столь существенных трансформаций в газовой отрасли и реализации действительно масштабных проектов выступает на первый план. Так, например, ПАО ГК «Газпром» в 2023 г. имел по отчётности РСБУ чистый убыток в размере 639,0 млрд руб. и добыл на 156,0 млрд м³ меньше природного газа, чем было получено годом ранее. В первом полугодии уже 2024 г. «Газпром» в своей финансовой отчётности выявил чистый убыток по российским стандартам бухгалтерского учёта в размере 480,0 млрд руб., что в два раза превысило этот показатель за аналогичный период предыдущего года.

¹⁰ <https://vk.com/fnprru> (дата обращения: 30.10.2024).

Данный убыток корпорации с численностью персонала, приближающейся к 500,0 тыс. чел., перекрывается за счёт доходов разнообразных структурных подразделений головной организации Газпромнефть и Газпромбанк. А в целом по консолидированной отчётности МСФО чистая прибыль ПАО выросла за этот же период в три раза, но вычленив именно финансовую составляющую по газу для аналитиков технически оказывается затруднительным, а достоверная факторология не всегда бывает доступной.

Тем не менее, во всех аналитических оценках за полугодие по количественным расхождениям необходимо учитывать факторы сезонности, связанные с закачкой газа в хранилища для будущих продаж. К традиционной сезонности добавляются факторы дисбаланса на неравномерность производства безопасным для окружающей среды способом на возобновляемых источниках энергии (солнечная, ветряная, гидроэнергетика, биомасса, геотермальная). Также надо иметь ввиду постоянное существование влиятельного фактора валютной переоценки материальных и нематериальных активов корпорации. Всё перечисленное обещает в ближайшие месяцы текущего года и первую половину 2025 г. весьма сильную волатильность газовых цен на спотовом рынке¹¹ и так называемом рынке договорных обязательств. Однако авторам статьи представляется, что методология РСБУ, с точки зрения принципов её балансовой консолидации, более точно учитывает прибыль и убытки ПАО ГК «Газпром» по предъявленной официальной финансовой отчётности.

Впрочем, несмотря на это досадное обстоятельство, отражённое в отчётности РСБУ и в квартальных статистических отчётах, планы реализации Программы газификации сорваны не были. Так, по итогам коммерческого закрытия объём поставки газа в I квартале 2024 г. составил 96 млрд м³, что выше Целевого показателя на 11,2 млрд м³ (84,8 млрд м³)*, как это показано на рисунке 1.

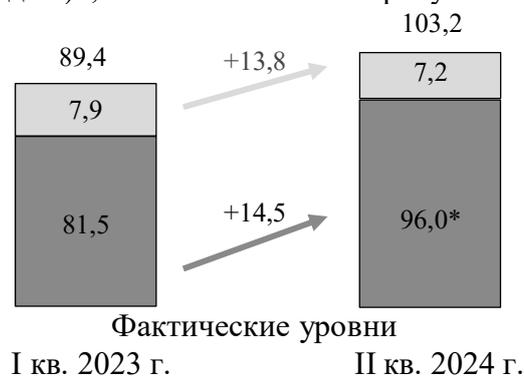

Рис. 1. Поставки газа Группой Газпром межрегионгаз в первом квартале 2023–2024 гг.

■ из ресурсов ПАО «Газпром»; □ из прочих источников.

(источник данных: Газпром межрегионгаз)

¹¹ Так, мировые цены на газ в июле-августе 2024 г. упали по сравнению с предыдущим годом на фоне роста мировых запасов и снижения прогнозов спроса. Это, соответственно, сказалось на рентабельности газопроизводителей (понижение маржи), например, американской компании Cheniere Energy, чистая прибыль которой в III квартале снизилась в связи с понижением маржи вдвое до размера 893 млн долларов, а квартальная выручка в газовом сегменте упала на 12% до 3,55 млрд долларов.

Сырьевой потенциал ПАО «Газпром» по-настоящему велик. Так, месторождения Ковыктинское¹² (1,8 трлн м³ газа, нефти и газового конденсата 65,7 млн т) в Иркутской области и Чаяндинское¹³ (1,2 трлн м³ газа и 61,2 млн т соответственно) в Республике Саха (Якутия) являются самые большие из разведанных в Восточной Сибири по запасам газа. Ощутимыми запасами обладают месторождения Ямбурга на Ямале, агрегировано пятым по размеру запасов газа в мире за полярным кругом, которые через г. Елец как конечный пункт газового маршрута Ямбург-Елец уже подключены трубопроводами к западным границам РФ.

Но в стране на столь значительные объёмы потенциально добываемого газового сырья фактически отсутствует внутренний потребительский спрос, который сдерживается, в частности, проблемами нехватки разветвлённого трафика, поскольку первые два месторождения располагаются на маршруте «Сила Сибири» до Благовещенска. Соответственно, в деятельности упомянутого Ямбургского месторождения возникли собственные технические трудности, обусловленные эффектом убывающей отдачи пластов на фоне растущих понесённых издержек добычи. Также не сложились пока реальные возможности обеспечения по схемам газификации используемых трубопроводных маршрутов до каждого дома и осуществления социальной догазификации в полной мере.

Другой явной причиной возникновения отмеченных убытков стали просроченные долги за поставленный газ конечных потребителей, о чём свидетельствуют данные в разрезе отдельных субъектов РФ по итогам 2023 г. Всего же поставка газа региональными компаниями по реализации газа (РГК) и газораспределительными организациями (ГРО) фактически осуществляется в большинстве субъектов РФ. Так, поставка газа в системах РГК и ГРО происходит в настоящее время более чем в 70 субъектов. И по большинству таких получателей возникла по разным причинам досадная задолженность платежей, что нашло своё частичное отражение в схемах на рис. 2. За пять лет к концу 2023 г. долг оказался сниженным в 56 субъектах РФ, т. е. за период 2018–2023 гг. количество регионов, снизивших свою задолженность перед Группой Газпрома, выросло почти в два раза. Однако по 14 субъектам РФ к началу 2024 г. задолженность, несмотря на вполне удовлетворительную динамику погашения, сохраняется в размере 4 200,0 млн руб.

Более подробная картина долговой волатильности в разрезе лидирующих по группировочному признаку прирост / снижение 5 субъектов федерации представлена в табл. 1, и общая тенденция региональных «пятёрок» указывает на некоторое погашение возникшей задолженности + 3 400,0 млн рублей против -2 600,0 млн рублей. При этом реализация государственной программы социальной газификации / догазификации по стране, которую курирует специализированная структура Газпрома «Межрегионгаз», идёт полным ходом [4]. Так, 10.10.2024 руководитель Межрегионгаза на Международном СПб Форуме «Газовый рынок – 2024: контуры нового миро-

¹² В числе построенных на месторождении первоочередных объектов значится установка комплексной подготовки газа № 2 9УКПГ-2.

¹³ Природный газ данного месторождения имеет сложный компонентный состав, в том числе содержит значительные объёмы гелия.

порядка» С. В. Густов в режиме телемоста запустил 16 новых региональных сетей социальной газификации¹⁴.

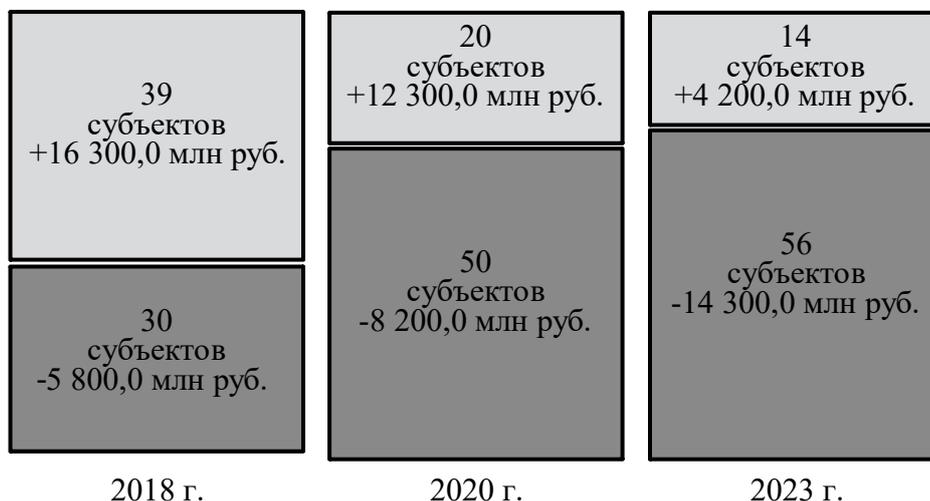

Рис. 2. Динамика просроченного долга за поставленный газ конечных потребителей в разрезе субъектов РФ за 2018–2023 гг.; □ долг вырос; ■ долг снижен (источник данных: Газпром межрегионгаз)

Динамика выполнения принятого плана и предписанный прогноз на 2024 г. исполнения договорной дисциплины подключения домовладений на территории РФ показана на рисунке 3, график которого отражает растущее число хозяйственных договоров, исполненных до границ участков заявителей в рамках процедуры догазификации накопительным итогом, а также пунктиром обозначены прогнозные значения основных показателей на 2024 г.

Таблица 1

Характер просроченной задолженности по лидирующим субъектам РФ, млн руб.

(источник данных: Газпром межрегионгаз)

№ П/П	Субъекты с наибольшим приростом просроченного долга	Размер прироста	Субъекты с наибольшим снижением просроченного долга	Размер снижения
1	Тверская область	+900,0	Краснодарский край	-800,0
2	Архангельская область	+800,0	Московская область	-700,0
3	Ярославская область	+700,0	Пермский край	-500,0
4	Северная Осетия – Алания	+600,0	Владимирская область	-300,0
5	Приморский край	+400,0	Самарская область	-300,0
	Итого:	+3 400,0	Итого:	-2 600,0

¹⁴ <https://musinlc.ru/peterburgskij-mezhdunarodnyj-gazovyj-forum-pmgf-2024/> (дата обращения: 13.0.2024).

Плановая масштабная и повсеместная газификация страны, проводимая уже на протяжении многих десятилетий, в последние годы получила дополнительные стимулы, а перед газовой отраслью были выставлены новые ориентиры, что благоприятно сказалось не только на доступности газа, но и на комплексном развитии регионов страны, на складывающейся в них экологической ситуации по мере вытеснения топлив с высоким углеродным следом, т. е. углеродным выбросом (CO₂ и других образований) в атмосферу. И Россия самым активным образом стремится участвовать в общемировом оздоровлении климатического процесса, являясь одним из стран-флагманов по вкладу в сокращение выбросов парниковых газов, а её энергобаланс оказывается одним из самых зелёных в мире. По оценке главы государства, доля экологически чистых газовой, атомной, гидрогенерации и др. в РФ приближается к 85,0 % на конец 2024 г.

Но в ближайшей перспективе следует наряду с реализацией планов газификации / догазификации перейти к решению задач по устойчивому и доступному энергообеспечению, основываясь при этом на использовании наиболее рациональных вариантов таких решений среди всех доступных альтернатив с учётом результативности технологического прогресса и региональных особенностей территорий, прорывных инновационных достижений научно-технического прогресса, темпов цифровизации экономики и даже специальных перспективных разработок в области искусственного интеллекта применительно к газовой отрасли [5].

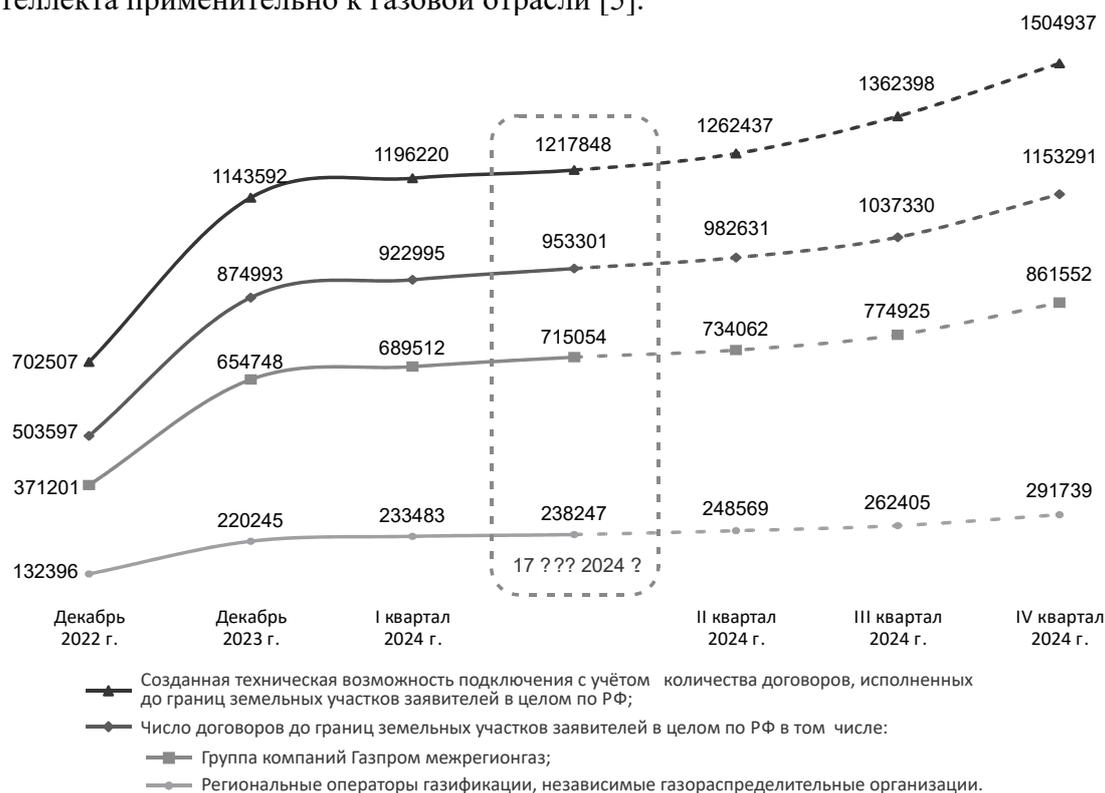

Рис. 3. План и прогноз на 2024 по исполнению договоров о подключении домовладений в рамках догазификации (по состоянию на 17.05.2024 г.) (источник данных: Газпром межрегионгаз)

Однако не следует закрывать глаза и на то обстоятельство, что газификация / догазификация малых городов и сельских поселений в Западной и Восточной Сибири превращается в дело чрезвычайно затратное. Предлагаемые ПАО «Газпром» услуги по монтажным работам и установке сравнительно дорогого газового оборудования могут быть просто не востребованными населением в связи с прогнозируемым снижением его покупательной способности, неблагоприятными инфляционными ожиданиями, ускоренным расходом средств Фонда национального благосостояния и даже угрозой девальвации национальной валюты. Весь же проект по социальной газификации / догазификации в ближайшей перспективе может оказаться критически низкорентабельным. Отдалённая недостаточность финансовых ресурсов косвенно сказывается на снижении активности геологоразведочной деятельности газовых компаний.

Так, по сугубо экономическим соображениям приостановлена разработка новых месторождений в районе моря Лаптевых и отложено разведочное бурение сроком на 5 лет. Сверхбыстрое освоение месторождений, разведанных в 60–70-е годы прошлого века, таких как Самотлор в Тюменской обл., Уренгой ЯНАО и др. в период действия сделки «трубы в обмен на газ», в известной степени явилось главной причиной их варварской эксплуатации. В итоге, часть месторождений оказалась загубленной как принудительной закачкой воды в пласты, так и самопроизвольным поступлением вод из подземных источников в ускоренно вакуумированные пласты, т. е. уже полностью освобождённых от газового наполнения [9].

Печальную судьбу многих нефтегазовых месторождений никак нельзя оправдать тучными годами экономики потребления, свалившимися затем в период застоя. Вспоминать сейчас эти просчёты прежнего руководства страны приходится не затем, чтобы, обращаясь к научному наследию великого учёного акад. В. М. Бехтерева [12], опровергнуть истинность комплексного по своему образу функционального и поведенческого, но абсолютно безответственного проявления, однако популярного в последнее время и токсичного мема «После нас хоть потоп!». А затем, чтобы воспользоваться весьма благоприятными возможностями для разумной трансформации российской стратегии развития нефтегазового сектора на ближайшие два-три десятилетия, которые создали, как это не парадоксально и как это характерно для большинства кризисных обстоятельств, глобальные вызовы на рынке углеводородов и неопределённое состояние мирового ТЭК.

Тем не менее, в течение 2023 г. процессы текущего финансирования по схеме Единого оператора газификации (ЕОГ – официальный центр ответственности) и тщательный контроль расходования средств в качестве экономически обоснованных затрат региональных энергетических комиссий (РЭК) осуществлялись устойчиво и планомерно без каких-либо спорадических срывов, что отражают кривые графика на рисунке 4. При этом фактические темпы финансирования ЕОГ мероприятий вполне соответствуют темпам расходования средств ГРО РЭК, и показатель статистической сводки анализируемых технико-экономических характеристик в виде отношения распределения (ОР) оценивается по итогам года как достаточно благополучный по своему уровню значимости индикатор

$$OP_{РЭК/ЕОГ} = РЭК / ЕОГ = 98,6 / 132,3 = 0,74528 : 74,53\%,$$

где математический знак «:» обозначает *соответствие, эквивалентность* статистических оценок.

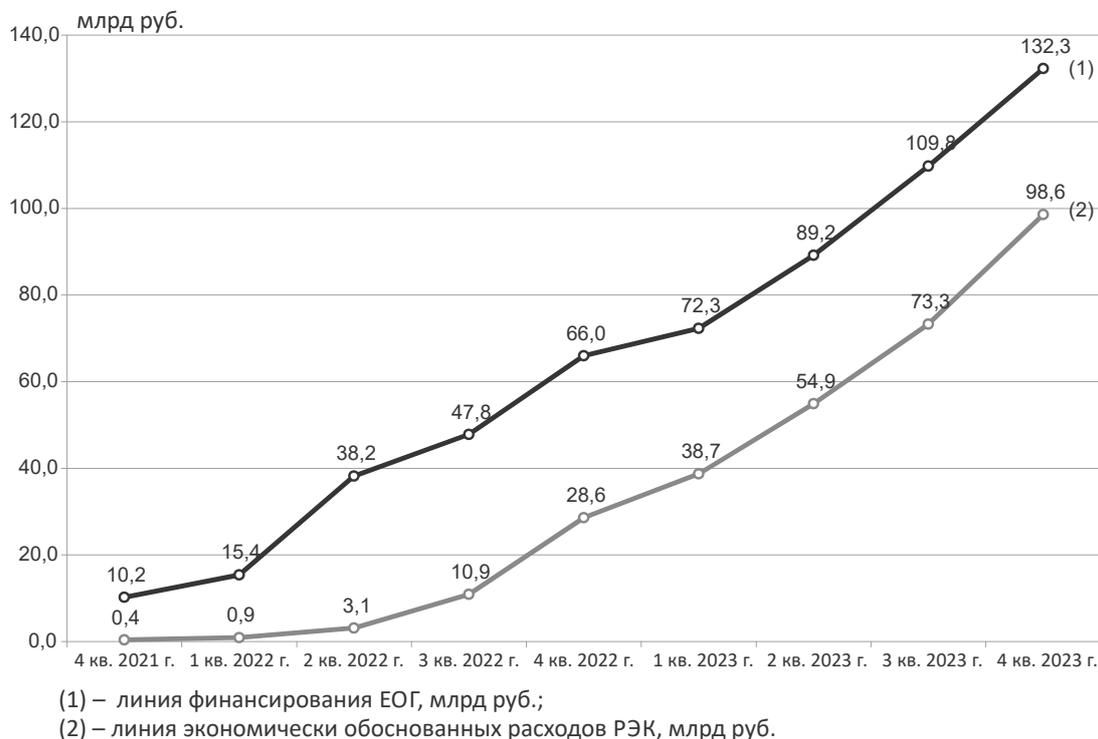

Рис. 4. Динамика финансирования экономически обоснованных расходов по решениям РЭК по итогам 2023 г. (источник данных: Газпром межрегионгаз)

Однако здесь нельзя не учитывать резко обострившиеся в последнее время разного рода проблемы трубопроводной транспортировки углеводородного сырья. И если транспортный сектор экономики постепенно уходит из эры доминирования нефти, то экономика ТЭК вступает в новую эпоху довольно активной межвидовой топливной конкуренции, возникшее на базе целевого использования газового сырья. Обращает на себя внимание резкое расширение сферы применения СПГ на газомоторном транспорте, в том числе и общественном (в г. Волгоград СПГ заправляются муниципальные автобусы), а в сельском хозяйстве, в частности – тракторы и комбайны на СПГ; более того, в автомобильном транспорте – даже водород в качестве моторного топлива¹⁵ [2]. Среди

¹⁵ Хотя водородная энергетика в качестве привлекательного пути развития ТЭК рассматривается с середины 20 века, а исследования в области получения и сжигания водорода ведутся около 200 лет, тем не менее, по состоянию на 2024 г. использование водорода как энергоносителя в мире крайне незначительно. Практически все его потребление приходится на использование в качестве сырья при производстве аммиака и метанола, а также в металлургии, нефтепереработке и нефтехимии. Как правило, водород является промежуточным элементом производственных цепочек – получается в одних техпроцессах и расходуется в других в рамках одной технологической площадки [3]. Использование водорода в качестве автомобильного топлива активно изучалось в СССР в период Великой отечественной войны, в частности специалистами блокадного Ленинграда, например, изобретателем Шелищем Б. И. [7].

других перспективных направлений использования СПГ – железнодорожный и водный транспорт, техника подвижного состава промышленного назначения; уже разработаны новые модели отечественной специальной автомобильной и строительной техники на компримированном и сжиженном природном газе.

На морском и речном транспорте помимо СПГ станут востребованы аммиак, метанол и др. Самостоятельные весьма благоприятные, и вовсе не топливные перспективы имеются у разнообразных инертных, т. н. благородных, или группы гелиевых газов, куда, кроме собственно гелия (*He – Helium*), входят криптон (*Kr – Krypton*), неон (*Ne – Neon*), аргон (*Ar – Argon*), ксенон (*Xe – Xenon*) и радон (*Rn – Radon*). Эта группа газов как сопутствующие или добавленные химические компоненты заметно меняют калорийность природного газа, а, следовательно, и его потребительские свойства, оставаясь при этом самими по себе ценными активами для разнообразных потребительских рынков.

Отмечая масштабы внутреннего снабжения потребителей газовым сырьём, то ПАО Газпром в текущем году продолжает наращивать поставки природного газа из собственных ресурсов при условии, что официальный Целевой показатель поставок на 2023 г. был утверждён Советом Директоров ПАО «Газпром» от 20.12.2022 № 3868 в объёме 209,9 млрд м³. Это происходит на фоне снижения поставок от иных рыночных поставщиков, что наглядно иллюстрирует схема на рисунке 5.

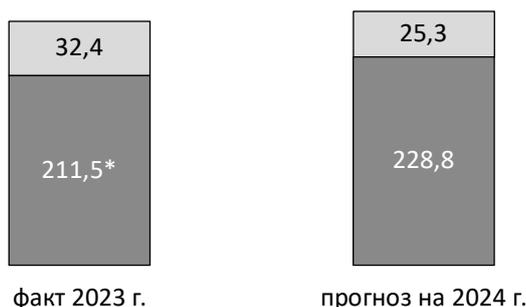

Рис. 5. Поставки газа Группой Газпром межрегионгаз в 2023–2024 гг., млрд м³
 ■ из ресурсов ПАО «Газпром»; □ прочие поставщики ресурсов.
 (источник данных: Газпром межрегионгаз)

Особый интерес представляет структура потребления поставок газового сырья для нужд промышленных отраслей и сфер социального сектора в отношении итогового объёма в 243,9 млрд м³ за весь прошлый 2023 г. Относительно скромно пока выглядит роль газового сырья в схемах его промышленной переработки, в том числе первичной, и его конечного использования в отраслях реального сектора экономики. Эта относительная скромность нашла своё отражение на рисунке 6. При отдельном использовании газового сырья в качестве топлива электроэнергетического комплекса народного хозяйства на уровне в 29,2 %. А в металлургии, нефтехимии, агропроме и агрохимии расходуется примерно 18,7 % от всего поставляемого газа.

Перекрёстное обсуждение

Не вызывают возражений утверждения профильных специалистов и аналитиков, что запущенные в 60–70-е годы прошлого века газовые месторождения в на-

стоящее время значительно истощены. Для их реанимации надо бурить сквозь земную кору до пластов на глубине свыше 2 тыс. метров, но эти усилия потребуют иных более затратных наукоёмких и прорывных технологий, которых у отечественного нефтегазового комплекса пока нет [10].

В российском варианте объёмы углеводородов рассредоточены крайне неравномерно на значительной территории страны в стратиграфическом диапазоне от рифея до мела включительно на глубинах 1 500÷4 500 м. Заметным газоносным потенциалом обладают южные территории Сибирской платформы площадью около 750,0 тыс. км², которая охватывает южную часть Красноярского края и Республики Саха (Якутия), а также Иркутскую область. Именно там были выявлены, разведаны и освоены крупные месторождения газа, и по его запасам выделялись уникальные Ковыктинское и Чаяндинское месторождения, где уже к середине 80-х годов прошлого века приступили к промышленной разработке.

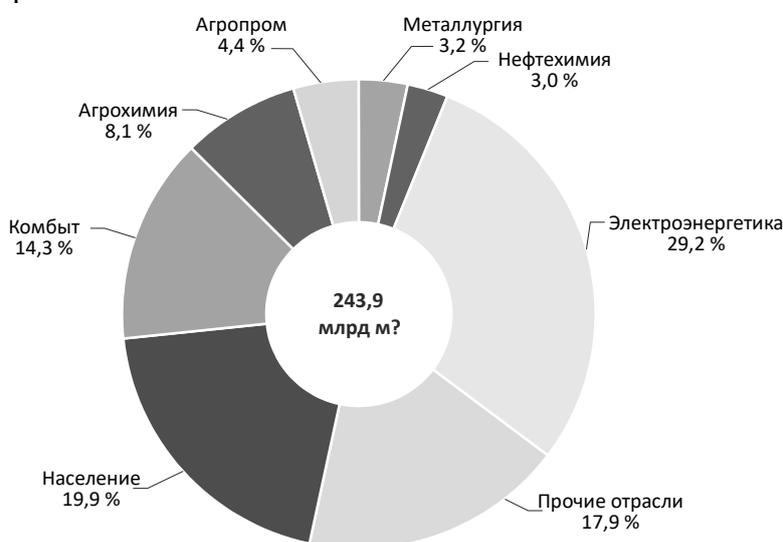

Рис. 6. Отчётная отраслевая структура поставок газа Группой Газпром межрегионгаз в 2023 г., %.(источник данных: Газпром межрегионгаз)

Смещение производственных акцентов в практике территориального перемещения газообразных углеводородов стало осуществляться в период газового противостояния с коллективным западом. В настоящее время на востоке страны уже действуют 8 малотоннажных комплексов ПАО «Газпром» по производству СПГ (Томская, Тюменская и др. области), и в задачах корпорации предусмотрено возведение более 60 мини-комплексов СПГ по России¹⁶. Продукция такого малотоннажного производства СПГ ориентирована прежде всего для автономной газификации потребителей, расположенных отдалённо от магистральной газовой инфраструктуры, и для заправки автотранспорта. Одновременно Газпром создаёт среднетоннажное СПГ-производство, например, в районе компрессорной станции «Портовая», а в районе

¹⁶ <https://nangs.org/news/downstream/lng/gazprom-postroit-tretij-mini-kompleks-pro-proizvodstvu-spg-v-tatarstane> (дата обращения: 01.11.2024).

Усть-Луга Ленинградской области организована углублённая переработка этансодержащего газа на базе типового газохимического завода. Серия таких новых типовых предприятий открывается в последнее время.

Реализация новых проектов также находится под угрозой срыва в связи с воздействием многочисленных санкционных пакетов. В настоящее время санкции вводятся даже на недостроенные суда СПГ и на те объекты флота, что уже спущены на воду из серии газозовов, хотя экологические характеристики Арктик СПГ-2 весьма привлекательны, поскольку они работают на самом чистом экологическом топливе¹⁷. Соответственно, заводы Ямал СПГ, технологические линии и заводы компании Арктик СПГ-2 и даже построенные Газпромом в Татарстане СПГ-заводы – мини комплексы, представляющие собой газовые активы нового формата, не только способные осуществлять бункеровку как речных, так и морских судов разного класса, но и вынужденные функционировать в особых коммерчески гибких, правда, не всегда рыночных режимах.

Наземная транспортировка газа также столкнулась в последнее время с рядом трудностей. Магистральный газопровод «Союз–Восток» имеет протяжённость в 1,0 тыс. км через территорию Монголии в Китай и, по сути, является продолжением магистрали «Сила Сибири 2» протяжённостью в 6,5 тыс. км. Ранее, в рамках осуществляемых проектов, предусматривалось в отраслях монгольской экономики и её гражданском секторе использование газа вместо их традиционного и экологически предельно грязного вида топлива – угля. Широко известно, сгорание последнего даёт основную составляющую углеродного выброса, что чрезвычайно затрудняет победное шествие низкоуглеродной зелёной экономики в Монголии и одновременно ведёт к ужесточению требований специальных наблюдателей и экспертов от международных организаций по сокращению эмиссии CO₂.

Тем не менее Монголия до 2028 г. отложила своё решение по переходу на российский газ. Пока же, в связи с неожиданной позицией, занятой руководством «Поднебесной», политико-экономический проект «Сила Сибири 2» не окупает себя в рамках запланированных параметров, и уже рассматривается вариант его объединения с российскими газопроводами, но западных направлений. Как объективно полагают аналитики, Китай по мере своего неторопливого движения в сторону «зелёной экономики», т. е., скажем, в долгую, и не станет потреблять столько газовых объёмов, сколько их было прописано в межправительственных соглашениях (от имени ПАО «Газпром») и среднесрочных планах.

Активное оживление указанного проекта может состояться, по мнению коллектива высококвалифицированных специалистов и аналитиков Института энергетических исследований (ИНЭИ) РАН, возглавляемого авторитетным учёным акад. А. А. Макаровым, лишь на прогнозируемом горизонте в отсечке 2035 г., где КНР будет потреблять больше природного газа, чем все европейские страны, вместе взятые. Суммарное потребление стран Азии, не входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), сравняется с объёмами, потребляемыми в Северной Америке, и уверенно превысит их на подходе к 2050 г.

Как полагает коллективный футуролог из ИНЭИ РАН, страны Южной и Центральной Америки, включая после 2015 г. нового углеводородного игрока – государства Гайаны, к 2050 г. превзойдут по объёмам своего потребления страны Азии, входящие в ОЭСР [1]. В отношении же принципов формирования обозримого будущего

¹⁷ <https://arcticspg.ru/> (дата обращения: 25.09.2024).

нефтегазового рынка к 2050 г., то рынок останется стоять условно на «трёх китах»: Северной Америке (с прибавлением Канады), СНГ и Ближнем Востоке, которые в совокупности будут обеспечивать свыше 70 % добычи углеводородов.

В поле зрения соавторов данной статьи попали также прогнозные структурные оценки газовой составляющей рынка углеводородов по трём, по сути, классическим сценариям развития мирового ТЭК к 2050 г. – пессимистичный («туман» – в терминологии составителей ИНЭИ), оптимальный («раскол»), оптимистичный («ключ») как в отношении мирового потребления первичной энергии по отдельным видам, так и по мировому производству электроэнергии по видам энергетических ресурсов в сравнении с 2021 г. [1]. Этот год, очевидно, послужил исходной базой, т. е. моментом отсчёта для осуществления процедур либо замысловатой экстраполяции, либо корреляционно-регрессионного моделирования эконометрического типа.

Прогнозируемые на горизонт в четверть века структуры потребления и производства, представленные в табл. 2 и в табл. 3, по названным сценариям определялись, возможно, с учётом набора частных и чистых коэффициентов эластичности пофакторного влияния группы отобранных предварительно наиболее существенных причинных признаков-факторов на уже результативные признаки-показатели¹⁸. Примечательно, что во всех структурных сценариях развития, зафиксированных на представленных схемах, доля газа в как экологически чистого природного актива потребления устойчиво занимает свою долю в 23,0 % (см. стр. 2 по вертикальным графам 4–6 табл. 2).

Здесь, в интересах корректности показанных в работе [1] расчётов специалистами ИНЭИ РАН, следует заметить, в большинстве исходных прогнозных характеристик по структурным сценариям, попавшим в Отчёт, итоговое суммирование показателей *Отношение структуры* (ОС) так или иначе, но не образует балансовой увязки по совокупности энергетических ресурсов на уровне в 100,0 %, что, естественно, устранено соавторами статьи как применительно к табл. 2, так и к табл. 3

Таблица 2

Прогнозная структура мирового потребления по видам первичной энергии на 2050 г. в трёх сценариях развития всемирного ТЭК, %
(составлено соавторами частично по расчётам ИНЭИ РАН)

№ п/п	Вид первичного энергетического ресурса	Базовый уровень экстраполяции 2021 год	Прогнозный сценарий развития на 2050 год		
			Пессимистичный вариант	Оптимальный вариант	Оптимистичный вариант
1	Нефть	29,0	29,0	27,0	25,0
2	Газ	24,0	23,0	23,0	23,0
3	Уголь	27,0	21,0	21,0	17,0
4	Атомная энергия	5,0	6,0	6,0	6,0
5	Гидроэнергия	3,0	3,0	3,0	3,0
6	Биоэнергия	9,0	11,0	11,0	11,0
7	Другие ВИЭ	3,0	7,0	9,0	15,0
	Итого:	100,0	100,0	100,00	100,0

¹⁸ Используемые процедуры моделирования, методы и инструментарий вычислений, а также авторская концепция прогнозирования в данном отчёте ИНЭИ не приводятся, что считается общепринятой практикой. Эксперты-футурологи редко уточняют технику и детали своего эконометрического моделирования на прогнозируемом горизонте.

Прогнозные расчёты коллектива ИНЭИ РАН структуры генерации электроэнергии в системе мирового ТЭК на 2050 г. по источникам происхождения энергетических ресурсов показывают заметно более низкую долю газа среди всех видов энергетических ресурсов с 22,5 % до диапазона 15,0÷16,0 % с 1 %-м уровнем колеблемости (см. стр. 2 по графам 3–6 табл. 3) Нумерация граф вертикальных из таблицы исчезла, что, скорее всего, связано не только с постепенным истощением газовых месторождений, но и с ожидаемым ростом рыночных цен (вплоть до \$500 за 1 тыс. м³ в оценке А. Б. Миллера¹⁹), и с дальнейшим продвижением зелёной повестки на фоне долгоиграющего санкционного давления.

Показательной компаративистикой можно считать прогноз производства электроэнергии путём сжигания нефтепродуктов, которое опустилось с 2,5 % до 1,0 % по всем сценариям (стр. 1 графы 3-6 табл. 3), по-видимому, оставив на будущие периоды разработчиками в качестве вечного топлива малых подвижных объектов разнообразности мазута. Ожидаемый факт всего лишь на 1 %-м уровне значимости только подтверждает и усиливает справедливость высказывания в форме афоризма выдающего учёного акад. Д. И. Менделеева в том смысле, что «Сжигать нефть – всё равно, что топить печку ассигнациями»²⁰.

Помимо прогнозируемой ситуации на мировом рынке, которая естественным образом может подвергнуться корректировке и/или даже искажению будущими решениями Форума стран – экспортёров газа, работа [1] содержит сценарии развития отдельно для нашей страны. Во всех рассматриваемых сценариях потребление газа в РФ несколько подрастает и достигает к 2050 г. в зависимости от избранного сценария величины в 520÷574 млрд м³.

Самые высокие показатели, разумеется, обнаруживаются в оптимистическом сценарии («ключ»), где, несмотря на повышенные усилия в области энергоэффективности и энергосбережения, потребный прирост использования газа стимулируется более быстрыми темпами развития экономики, особенно на востоке страны. Представленный прогноз может быть истолкован также повышенными расходами сырья на собственные нужды, в том числе по деятельности СПГ-заводов, большим использованием газовых топлив в генерации электрической энергии из-за частичной замены угля и повышенного спроса на электричество.

От себя заметим, что показатель собственно размаха вариации предугаданного газового потребления в РФ по трём имеющимся сценариям в 54 млрд м³ в год фактически совпадает с мощностью одного трубопровода Сила Сибири 2 Газпрома в Китае, оцениваемого разработчиками ИНЭИ РАН в ежегодные 50,0 млрд м³.

¹⁹ <https://musinc.ru/peterburgskij-mezhdunarodnyj-gazovyj-forum-pmgf-2024/> (дата обращения: 11.11.2024).

²⁰ <https://www.kron.spb.ru/press-center/likbez/neftepererabotka/> (дата обращения: 10.11.2024).

Прогнозная структура мирового производства электроэнергии по источникам происхождения на 2050 г. в трёх сценариях развития всемирного ТЭК, %
(составлено соавторами частично по расчётам ИНЭИ РАН)

№ п/п	Вид источника происхождения электрической энергии	Базовый уровень экстраполяции 2021 год	Прогнозный сценарий развития на 2050 г.		
			Пессимистичный вариант	Оптимальный вариант	Оптимистичный вариант
1	Нефтепродукты	2,5	1,5	1,0	1,0
2	Газ	22,5	16,0	16,0	15,0
3	Уголь	36,0	25,0	23,5	14,0
4	Атомная энергия	10,0	9,5	9,0	8,0
5	Гидроэнергия	14,5	13,0	12,0	11,0
6	Биоэнергия	3,0	4,0	3,5	3,0
7	Солнечная энергия	4,0	16,0	18,0	24,0
8	Ветровая энергия	7,0	14,0	16,0	23,0
9	Прочие ВИЭ	0,5	1,0	1,0	1,0
	Итого:	100,0	100,0	100,00	100,0

Нельзя не отметить ещё одно деликатное обстоятельство, но уже юридико-технического характера. Аналитики Агентства Роснедра²¹, в свою очередь, обращают внимание на тревожные обращения к соответствующим властным структурам со стороны многих частных компаний, которые желают цивилизованно и справедливо участвовать в разработке недр, обладающих запасами дефицитных полезных ископаемых. Обозначенное обстоятельство представлено чрезвычайно высокими стартовыми платежами, достигающими несколько миллиардов рублей, в аукционной торговле лотами на участки недр, что образует мало преодолимое препятствие для входа на рынок компаний, которые строят свой бизнес на освоении уже разведанных недр, включая месторождения углеводородов. С задержкой задействованный властными структурами механизм понижающего коэффициента для упорядочения стартовых платежей, скорее всего, по мнению соавторов, возникшую проблему не решить не сможет.

Выводы

1. Набираемый среднегодовой темп прироста национальной экономики по показателю макро статистики ВВП (валовой внутренний продукт) в пределах приемлемых 3,7–3,9 %, проводимая повсеместно программа социальной газификации / догазификации, активное создание новой трубопроводной инфраструктуры на востоке страны, развитие газомоторного транспорта и разработка соответствующих инновационных технологий газодобычи, реализация планов по переводу с угля на газ производства электроэнергии и тепла в отдельных регионах, строго придерживаясь при

²¹ Глава Роснедра <https://rosnedra.gov.ru/> (дата обращения: 29.10.2024).

этом принципов *зелёной повестки* – ESG²², могут создать надлежащие условия для расширения спектра производственных возможностей использования газового сырья для внутренних нужд.

Планируемый запуск новых экспортных проектов также потребует увеличения расхода газа на собственные нужды отрасли. В то же время в РФ сохраняется высокий потенциал энергосбережения, даже частичная реализация которого способна существенно снизить расходы газа в целях экономии последнего. При этом обязательно следует иметь в виду, что в зависимости от погодных условий возможны отклонения ежегодных объёмов потребления газа в диапазоне $\pm 15,0\%$.

2. Что касается поиска дополнительных точек экономического роста и безопасности страны, то имеющийся ресурсный потенциал предполагает реальные перспективы для развития нефтегазохимии и смежных промышленных отраслей. И здесь необходимо, придерживаясь заданного направления, не останавливаться на первых производственных переделах, а выходить в сегменты конечной продукции высоких степеней передела и значительной доли добавленной стоимости в производственных цепочках и далее, до выпуска товаров широкого потребления как новых, так и товаров рыночной новизны. Здесь нельзя не обратить внимание на выдержку из указанного выше доклада Президента РФ, в которой предлагалось уделить особое внимание газохимии, поскольку покупательский спрос на продукцию последней будет только расти, а рост цен в цепочках от исходного сырья к конечным продуктам по переделам достигает подчас 12 крат.

3. Набор обязательных стратегических подвижек, в свою очередь, будет стимулировать дальнейший рост ВВП, совершенствование имеющихся и создание новых технологий, открытие соответствующих рабочих мест. Нельзя не заметить, что по итогам 2023 г. (данные МВФ) российская экономика по размеру ВВП, исчисленного уже по методике оценки паритета покупательной способности, стала четвёртой в мире с долей в 3,5 % в структуре мирового ВВП. И здесь Россия обогнала как Японию (3,5 %), так и Германию (3,2 %). При этом лидерами остаются Китай с 18,8 %, США – 15,0 % и Индия – 7,9 %. Занятое Россией место в мировом рейтинге подтверждают и данные Всемирного банка²³.

Под многие виды продукции помимо экспортных направлений есть свой большой внутренний рынок, который сегодня в значительной степени нацелен на импорт. Тем не менее, в мире продолжают расти объёмы энергопотребления, активно осуществляются процессы автоматизации и цифровизации объектов ТЭК, а особую роль начинает играть решение конкретных задач повышения конкурентоспособности и энергетической безопасности государства, что, безусловно, обеспечит благоприятные условия достижения в деле укрепления государственного суверенитета и, наконец, поможет преодолеть стратегическую неопределённость развития газовой отрасли.

²² Аббревиатура *ESG* традиционно расшифровывается как сберегание окружающей среды (*E – environment*), социальная ответственность (*S – social*), качество корпоративного управления (*G – governance*) [8].

²³ <https://spb.ranepa.ru/news/tema-dnya-reshetnikov-ekonomika-rf-prodolzhaet-rastitempami-vyshe-mirovyh/> (дата обращения: 30.10.2024).

Список литературы

1. Прогноз развития энергетики мира и России 2024 / под ред. А. А. Макарова, В. А. Кулагина, Д. А. Грушевенко, А. А. Галкиной; ИНЭИ РАН – Москва, 2024. – 208 с.
2. Кулагин, В. А. Сможет ли водород стать топливом будущего? / В. А. Кулагин, Д. А. Грушевенко // Теплоэнергетика, 2020, № 4, С. 1–14.
3. IRENA (2022), Global hydrogen trade to meet the 1,5°C climate goal: Part II – Technology review of hydrogen carriers, International Renewable Energy Agency, Abu Dhabi.
4. Tsatsulin, A. N., Bykov, A. I. Social gasification helps overcome difficult times in the country's fuel and energy complex // «Economic vector», № 2 (37) 2024. – pp. 19–40.
5. Богатырёв, И. С. Учёт рисков человеческого фактора при проектировании реставрационных работ на объектах недвижимого культурного наследия / И. С. Богатырёв, А. Н. Цацулин // Экономический вектор. – 2024. – № 3 (38). – С. 4–19.
6. Иманов, Р. Р. Развитие методов оценки рисков при реализации геологоразведочных проектов / Р. Р. Иманов // «Стратегические решения и риск-менеджмент». – 2023. – Т. 14, № 3. – С. 256–261.
7. Бродский, А. Д. Двигатели на водороде работали в осаждённом Ленинграде / А. Д. Бродский // Изобретатель и рационализатор: журнал. – 1975. – № 5. – С. 8–9.
8. Корякин, Л. Ю. Повышение эксплуатационной надёжности и качества подготовки сточных вод в системе подготовки пластовой воды на ГКП-21 / Л. Ю. Корякин, И. И. Зайнуллин, Т. А. Фазылов [и др.] // «Защита окружающей среды в нефтегазовом комплексе». – 2024. – № 5(320). – С. 39–44.
9. Ялалетдинов, Р. Р. Модернизация системы подготовки промышленных сточных вод на примере газоконденсатного промысла № 5 Уренгойского НГКМ / Р. Р. Ялалетдинов, С. Д. Хусаенов, Д. А. Иванов // «Защита окружающей среды в нефтегазовом комплексе». – 2024. – № 1 (316). – С. 13–18.
10. Плис, С. А. Стратегия перехода нефтегазовой отрасли к бизнес-проектам открытых инноваций / С. А. Плис, Л. М. Идигова, М. С-А. Исраилова, // «Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом». – 2024. – № 10 (238). – С. 10–14.
11. Фомин, Р. Ю. Путь на Восток – вызовы перед энергетической отраслью России / Р. Ю. Фомин, В. А. Зубакин, В. В. Бессель [и др.] // «Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом». – 2024. – № 8 (236). – С. 5–10.
12. Бехтерев, В. М. Внушение и его роль в общественной жизни / В. М. Бехтерев – СПб: Издание К. Л. Риккера, 1908; Бехтерев, В. М. Внушение и его роль в общественной жизни / Природа. – 1990. – № 7, <https://opentextnn.ru/old/man/index.html?id=1545> (дата обращения: 09.11.2024).
13. Цацулин, А. Н. Развитие российского нефтегазового комплекса в структуре стратегии экономической безопасности страны / Монография «Экономическая и информационная безопасность цифровых интеллектуальных систем» / А. Н. Цацулин, А. И. Быков // под ред. проф. А. В. Бабкина. – СПб.: Изд-во «Политех-пресс» СПбГПУ Петра Великого, 2023. – 394 с. – С. 286–331.

References

1. Makarov A. A., Kulagin V. A., Grushevenko D. A., Galkina A. A. (Eds.) (2024) *Prognoz razvitiya energetiki mira i Rossii 2024* [Forecast of the Development of the Energy Sector in the World and Russia for 2024]. Moscow: ERI RAS Publ., 208 p.
2. Kulagin V. A., Grushevenko D. A. (2020) *Smozhet li vodorod stat' toplivom budushchego?* [Can Hydrogen Become the Fuel of the Future?]. *Thermal Engineering*, 4, pp. 1–14.
3. IRENA (2022) *Global Hydrogen Trade to Meet the 1,5°C Climate Goal: Part II. Technology Review of Hydrogen Carriers*. International Renewable Energy Agency, Abu Dhabi.
4. Tsatsulin A. N., Bykov A. I. (2024) *Social Gasification Helps Overcome Difficult Times in the Country's Fuel and Energy Complex*. *Economic Vector*, 2 (37), pp. 19–40.
5. Bogatyryov I. S., Tsatsulin A. N. (2024) *Uchot riskov chelovecheskogo faktora pri proyektirovani restavratsionnykh rabot na ob'yektakh nedvizhimogo kul'turnogo naslediya* [Taking into Account Human Factor Risks in the Design of Restoration Work on Immovable Cultural Heritage Sites]. *Economic Vector*, 3 (38), p. 4–19.
6. Imanov R. R. (2023) *Razvitiye metodov otsenki riskov pri realizatsii geologorazvedochnykh proyektov* [Development of Risk Assessment Methods in the Implementation of Geological Exploration Projects]. *Strategic Decisions and Risk Management*, 14(3), pp. 256–261.
7. Brodsky A. D. (1975) *Dvigateli na vodorode rabotali v osazhdennom Leningrade* [Hydrogen Engines Worked in Besieged Leningrad]. *Inventor and Innovator*, 5, pp. 8–9.
8. Koryakin L. Y., Zainullin, I. I., Fazylov, T. A., et al. (2024) *Povysheniye ekspluatatsionnoy nadozhnosti i kachestva podgotovki stochnykh vod v sisteme podgotovki plastovoy vody na GKP-21* [Improving the Operational Reliability and Quality of Wastewater Treatment in the Formation Water Treatment System at GKP-21]. *Environmental Protection in the Oil and Gas Complex*, 5(320), pp. 39–44.
9. Yalaletdinov R. R., Khusainov S. D., Ivanov D. A. (2024) *Modernizatsiya sistemy podgotovki promyshlennykh stochnykh vod na primere gazokondensatnogo promysla № 5 Urengoysskogo NGKM* [Modernization of the Industrial Wastewater Treatment System Using the Example of Gas Condensate Field No. 5 of the Urengoy OGCF]. *Environmental Protection in the Oil and Gas Complex*, 1(316), pp. 13–18.
10. Plis S. A., Idigova L. M., Israilova M. S-A. (2024) *Strategiya perekhoda neftegazovoy otrasli k biznes-proyektam otkrytykh innovatsiy* [Strategy for the Transition of the Oil and Gas Industry to Open Innovation Business Projects]. *Problems of Economics and Management of the Oil and Gas Complex*, 10(238), pp. 10–14.
11. Fomin R. Y., Zubakin V. A., Bessel V. V. et al. (2024) *Put' na Vostok – vyzovy pered energeticheskoy otrasl'yu Rossii* [The Path to the East: Challenges Facing the Russian Energy Industry]. *Problems of Economics and Management of the Oil and Gas Complex*, 8(236), pp. 5–10.
12. Bekhterev V. M. (1908, 1990) *Vnusheniye i yego rol' v obshchestvennoy zhizni* [Indoctrination and its Role in Public Life]. *Nature*, 7. St. Petersburg: Izdanie K. L. Rikera. (Access Date: 09.11.2024).
13. Tsatsulin A. N., Bykov A. I. (2023) *Razvitiye rossiyskogo neftegazovogo kompleksa v strukture strategii ekonomicheskoy bezopasnosti strany* [Development of the Russian Oil and Gas Complex in the Structure of the Country's Economic Security Strategy]. In: *Ekonomicheskaya i informatsionnaya bezopasnost' tsifrovyykh intellektual'nykh sistem* [Economic and Information Se-

curity of Digital Intelligence Systems]; Babkin A. V. (Ed.). St. Petersburg: Politech-Press of the Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, pp. 286–331; 394 p.

A. N. Tsatsulin²⁴, A. I. Bykov²⁵. The Need for Transformation of the Domestic Gas Industry Development Strategy as a Reflection of Geopolitical Instability. The authors present the analysis results of the economic state of the domestic gas industry, including the activities of the flagship of the country's fuel and energy complex, the Public Joint Stock Company Group Gazprom. The problems of reorientation of gas raw material exports to the East, issues of creating a liquefied natural gas complex, an icebreaker fleet for transporting LNG to old and new areas and sales points are under analysis. An independent research issue is the difficulties of implementing the state target program of social gasification and pre-gasification of Russian territories. The purpose of this subject study is a comprehensive economic assessment of the implementation of state programs for regional development based on the use of hydrocarbon raw materials, including the social gasification / pre-gasification program in the constituent entities of the Federation. The results of the research obtained by the authors of the article are reduced to the analysis of departmental non-public information on the identified problems in the gas industry. As a research tool, the methods of activity comparative studies and economic statistics were used. The conceptual approaches involved were discussed. The article ends with three conclusions.

Keywords: pre-gasification, global market, gas conflict, supply routes, logistics connections, gas chemistry, ESG principles.

²⁴ *Alexander N. Tsatsulin*, Professor of the Department of Management of the North-West Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Sredny prospect V.O., 57/43, St. Petersburg, 199034, Russia), Doctor of Economics, Professor, e-mail: vash_64@mail.ru

²⁵ *Alexey I. Bykov*, Chief Specialist of the Department for Relations with the Regions Gazprom Mezhrefiongaz LLC (emb. Admirala Lazareva, 24, letter A, St. Petersburg, 197110, Russia), PhD in Economics, E-mail: 9660171@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.37930/1990-9780-2024-4-82-138-143

*Г. М. Романова*¹

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ «СТРАТЕГИРОВАНИЕ ТУРИЗМА И ВЫСТАВОЧНО-ЯРМАРОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ»²

Монография «Стратегирование туризма и выставочно-ярмарочной деятельности на Дальнем Востоке России», подготовленная коллективом учёных кафедры экономической и финансовой стратегии, является результатом многолетних исследований структурных элементов экономической системы Дальнего Востока России. Структурная перестройка экономики дальневосточных регионов в соответствии с коммерческими принципами хозяйствования – стратегическая цель, обозначенная во многих программных документах национального и регионального уровней. Определение долгосрочного вектора развития для экономики макрорегиона возможно в рамках единой стратегии развития, отражающей ценности и интересы, локализованные на обширной территории страны, сопоставимой по масштабам с рядом развитых европейских государств и органично вписанной в систему иерархии стратегий РФ. Чётко характеризует положение нашей страны в мировой экономической системе, невзирая на чрезвычайный период санкционного давления, высказывание д-ра экономических наук, профессора В. М. Симчеры [1]: Россия – единственная страна, где наблюдается колоссальный разрыв между стоимостью природных ресурсов и стоимостью накопленного имущества (т. е. вовлечённых в хозяйственных оборот ресурсов). Данный тезис особенно актуален в отношении Дальнего Востока России.

¹ *Галина Максимовна Романова*, руководитель стратегического проекта МГИМО «Новые кадры для туризма, гостеприимства и развития туристских территорий», профессор кафедры туризма, гостеприимства и креативных индустрий Московского государственного института международных отношений (МГИМО) (119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76), д-р, экон. наук, профессор, e-mail: romanovagalina01@gmail.com.

² Стратегирование туризма и выставочно-ярмарочной деятельности на Дальнем Востоке России: монография / И. З. Чхотуа, А. В. Садовнича, Л. И. Власюк, А. С. Хворостяная; под науч. ред. С. М. Дарькина, В. Л. Квинта. – М.: Первое экономическое издательство, 2024. – 406 с.: ил. – (Библиотека «Стратегия Дальнего Востока России»). ISBN: 978-5-91292-518-4. DOI: 10.18334/9785912925184.

Дальний Восток России – «зона глобальных контактных географических структур» [2], целостная геосистема в контексте природно-ресурсного потенциала, которую целесообразно рассматривать в качестве единого территориального пространства в вопросах организации устойчивого туризма. Фрагментарный учёт территориальных особенностей пространственного освоения и развития дальневосточных территорий (неоднородность, в том числе внутренние межрегиональные различия, масштабность и периферийность территории, слабое хозяйственное освоение, высокая затратность жизнедеятельности и ведения бизнеса, слабый инфраструктурный каркас территории и т. д.) привёл к отсутствию системности и результативности в стратегическом планировании развития макрорегиона.

На сегодняшний день реализуется широкий перечень документов, направленных на социально-экономическое развитие, в том числе дальневосточных, территорий страны (Стратегия пространственного развития РФ, Стратегия национальной безопасности РФ и др.), отдельных отраслей (стратегии развития туризма в разрезе регионов Дальневосточного федерального округа (ДФО), Концепция демографической политики Дальнего Востока и т. д.) или территорий (Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года, Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года, Концепция развития приграничных территорий субъектов РФ, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, Стратегия развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности и др.). Формирование единого и прозрачного нормативно-правового поля развития макрорегиона нацелено на диверсификацию экономики и уход от экспортно-сырьевой направленности, рост инновационного и раскрытие природно-рекреационного потенциала регионов ДФО, формирование и становление на «экономические рельсы» внутреннего и въездного туризма как крупнейшего межотраслевого комплекса страны.

В современных геополитических реалиях и с учётом исторических аспектов становления и развития отечественной туристической индустрии актуализируется задача совершенствования парадигмы управления развитием крупнейшего межотраслевого комплекса. Национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства» отражает трансформацию подхода к комплексному развитию туризма – от точечного развития отдельных туристских «магнитов» к формированию целостных туристских территориально-пространственных организаций в пространственных структурах стран [3], способных стать круглогодичными объектами притяжения и генерировать устойчивые поступления в бюджеты соответствующих уровней. В ответ на развивающийся тренд глобализации и международной экономической интеграции на мировом туристском рынке также наблюдаются процессы формирования целостных туристских пространств приграничных государств и трансграничные туристские проекты. Всё вышесказанное нашло отражение в представленной монографии, поскольку Дальний Восток России, обладающий протяжённой государственной границей со странами с формирующимся рынком и развитыми государствами (Китай, КНДР, Монголия; Япония, США (морская граница); общая протяжённость госграницы – более 29 тыс. км), располагает стратегическим плацдармом сотрудничества по различным направлениям, в том числе в сфере туризма и международного культурного обмена.

Необходимость изменения парадигмы управления туризмом в России, неоднократно отмечаемая в научных кругах и отраслевым сообществом, также сформулирована в монографическом исследовании в качестве приоритетной задачи стратегического

развития туристского комплекса страны. Отмечены отрицательное сальдо платёжного баланса по статье «Поездки», низкий Индекс развития туризма и путешествий Всемирного экономического форума: РФ, безусловно, лидирует по субиндексу D «Драйверы роста путешествий и туризма», характеризующему природно-ресурсный потенциал и культурный код территории – базисные факторы в ромбе конкурентоспособности М. Портера [4], в то время как для достижения конкурентных позиций на мировом рынке по выбранным направлениям деятельности страна должна создавать, а не наследовать факторы конкурентоспособности; несовершенство статистики туризма, дающей фрагментарное представление о внутренних турпотоках, доходах от туризма в бюджеты разных уровней и оценке мультипликативного эффекта от туризма на экономику региона, отсутствие понимания вклада отраслей в цепочку создания ценности в туризме на уровне региона. Дискуссионным остаётся вопрос взаимосвязи туризма и экономического роста, качества жизни и сохранения и развития человеческого потенциала региона.

Авторы в монографическом исследовании опираются на теорию стратегии и методологию стратегирования академика, доктора экономических наук, профессора В. Л. Квинта, действенность которой апробирована в ходе реализации множества практико-ориентированных задач разработки региональных и отраслевых стратегий национального и международного уровней. Методология универсальна и применяется к данному объекту исследования с учётом его отраслевой специфики. Помимо всего прочего, авторы учитывают и специфические особенности развития дальневосточных территорий, среди которых основными ограничивающими факторами являются неоднородность социально-экономического пространства, слабый инфраструктурный каркас территории и слабая сила территориальных брендов. На Восточном экономическом форуме – 2023³ как один из главных вызовов развития территории был озвучен факт, что турпродукт макрорегиона не сформирован. С другой стороны, учёные во главе с академиком П. А. Минакиром неоднократно утверждали, что сам макрорегион развивается под влиянием ряда фундаментальных факторов, определяющих специфические особенности функционирования хозяйствующих субъектов, при этом со стороны государства в столетнем временном диапазоне можно наблюдать «эмпирические периоды смены парадигмы развития» [5] макрорегиона, проявляющиеся в различных моделях структурно-экономической и социально-гуманитарной модернизации ДФО. Все вышеперечисленные особенности рассмотрены в монографическом исследовании с позиции возможностей и угроз стратегического развития территории.

Поиск приоритетных направлений стратегического развития туризма на Дальнем Востоке России авторы обоснованно начинают с анализа экономической системы макрорегиона в структуре экономики страны, поскольку туризм, с учётом беспрецедентного интереса в его развитии со стороны государства и региональной власти и принимая во внимание специфику объекта анализа, способен придать импульс экономике ряда депрессивных регионов ДФО.

В монографии авторы проводят комплексный анализ ресурсного (природно-рекреационного, инфраструктурного, институционального, кадрового, информационного) обеспечения развития туризма в ДФО, опираясь на методический подход, предложенный Всемирным экономическим форумом (Travel & Tourism Development

³ URL: <https://forumvostok.ru/> (дата обращения: 06.10.2024).

Index 2024 – TTDI WEF⁴, или Индекс развития туризма и путешествий), а также Национальный туристский рейтинг 2023⁵ и Рейтинг событийного потенциала регионов России, 2023⁶.

Развитие туризма признано важнейшим приоритетом государственной стратегии развития страны, а развитие Дальнего Востока России, в свою очередь, национальным приоритетом на весь XXI век. Разработаны стратегические программные документы развития межотраслевого комплекса: Национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства», Госпрограмма «Развитие туризма» до 2030 г., федеральная туристская межрегиональная схема территориально-пространственного планирования Российской Федерации, реализуется масштабный проект «Пять морей и озеро Байкал» и др. Государство действительно выбрало стратегический курс на системное развитие отрасли.

Первая глава монографического исследования посвящена теоретико-методологическим основам стратегирования сферы туризма и выставочно-ярмарочной деятельности (ВЯД), дана общая характеристика и роль туризма и ВЯД в экономике макрорегиона для формирования общего представления об особенностях развития отрасли туризма на дальневосточных территориях страны. Проведена стратегическая оценка потенциала развития туризма в разрезе регионов ДФО по авторской методологии.

Вторая глава монографии «Стратегический анализ нормативно-правовой базы развития туризма в ДФО» отражает институциональный фундамент развития межотраслевого комплекса в разрезе регионов ДФО. Авторами выявлены узкие места системы государственного регулирования сферы туризма (негибкость, неактуальность и несогласованность документов в системе иерархии стратегий РФ), которые, впрочем, характерны не только для ДФО и сферы туризма, но и для всей системы нормативно-правового регулирования национального уровня и различной отраслевой направленности.

В рамках третьей главы монографии «Глобальные, национальные и региональные тренды развития туризма и ВЯД» определяются только зарождающиеся тенденции развития мирового туристского рынка, а также национальные и региональные отраслевые тренды. Выявленные тренды позволяют авторам определить «окно» возможностей для дальнейшего развития объекта стратегирования, а провести анализ конкурентных преимуществ и ресурсов территории, собранный в рамках OTSW-анализа (не SWOT-анализа!), поскольку, согласно методологии отечественной школы стратегирования, принципиален первоочередной учёт возможностей через анализ трендов, далее – нивелирование угроз (в том числе на основе своевременного определения негативных трендов и тенденций) и далее – сильных и слабых сторон объекта стратегирования как наиболее инертных во времени элементов для оперативного внешнего и внутреннего воздействия.

Результирующая цель исследования в рамках главы 4 «Стратегический анализ современного состояния уровня развития туризма в регионах Дальнего Востока России» – формирование матрицы OTSW-анализа. Авторы неоднократно упоминают, что безусловным конкурентным преимуществом макрорегиона является уникальное

⁴ URL: <https://www.weforum.org/publications/travel-tourism-development-index-2024/> (дата обращения: 06.10.2024).

⁵ URL: <https://russia-rating.ru/info/22275.html> (дата обращения: 06.10.2024).

⁶ URL: <https://rnc-consult.ru/tpost/zyooc1zgm1-reiting-sobitiinogo-potentsiala-regionov> (дата обращения: 06.10.2024).

географическое положение. Дальний Восток является трансграничным регионом, поэтому международное сотрудничество на основе баланса интереса приграничных стран является стратегическим приоритетом. В случае международного сотрудничества на паритетных началах географическая сопряжённость государств будет являться конкурентным преимуществом в выстраивании национальной стратегии. Авторами проанализирован ряд нормативно-правовых документов, регламентирующих принципы приграничного сотрудничества России и иных стран, а также приведены успешные примеры трансграничного сотрудничества в сфере туризма. В рамках главы проанализирован процесс трансформации портрета целевого китайского туриста.

В главе 6 «Стратегическая характеристика брендов ДФО и элементы маркетинга и продвижения дестинации, товаров и услуг ДФО на внешние рынки» отражена взаимосвязь культурного кода территории и территориальных брендов, а ВЯД рассматривается как организационная форма стратегий поддержки экспорта. В коллективной монографии также исследован аспект развития промышленного туризма: история возникновения, экономическая предпосылка организации направления на предприятиях, эффекты от реализации промышленного туризма для территории, предприятий и их сотрудников, туристов, подрастающего поколения жителей территории и прочее.

Авторы приходят к выводу, что важнейшим ориентиром реализации любой стратегии является повышение качества жизни населения. Именно данному целевому ориентиру и подчинены все последующие исследования и разработки концепции Стратегии развития туризма и ВЯД на дальневосточных территориях России. В главе 7 монографии «Концепция стратегии развития туризма и ВЯД в ДФО» приведены обновлённая Миссия и Видение стратегии развития туризма и ВЯД, а также стратегические приоритетные направления их развития в ДФО.

Полученные результаты исследования и выводы могут иметь практическую ориентацию и рассматриваться в качестве рекомендаций для представителей региональной власти в вопросе развития туризма и ВЯД и подбора действенных инструментов территориального брендинга и продвижения.

Монография, тем не менее, не лишена отдельных недостатков, преимущественно редакционного характера. Также при анализе приоритетных направлений стратегического развития туризма в регионах ДФО стоило бы более глубоко проанализировать статистические данные по туризму в разрезе регионов с применением эконометрического аппарата. Возможно, сложность расчётной части исследования обусловлена фрагментарностью статистических данных, предоставляемых в открытом доступе, и комплексностью самого объекта исследования.

Монография «Стратегирование туризма и выставочно-ярмарочной деятельности на Дальнем Востоке России» продолжает серию книг «Стратегия Дальнего Востока России» и представляет собой научно-практическую работу, построенную на системном подходе к стратегическому развитию сферы туризма и выставочно-ярмарочной деятельности на Дальнем Востоке России.

Список литературы

1. Симчера, В. М. В безопасности ли экономика современной России? / В. М. Симчера // Всероссийская научно-практическая конференция «Экономическая безопасность: Вопросы реализации государственной стратегии» = Безопасность России: сб. материалов. – М.: МГФ «Знание», 1998. – С. 88–102.

2. Современная Россия: географическое описание нашего Отечества. Дальний Восток / отв. ред. В. М. Котляков, П. Я. Бакланов. – М.: «Паулсен», 2020. – 464 с.

3. Романова, Г. М. О гипотезе новой парадигмы управления развитием туризма в рамках национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» / Г. М. Романова, В. Н. Шарафутдинов, Е. В. Онищенко // Профессорский журнал. Серия: Рекреация и туризм. – 2020. – № 4 (8). – С. 7–21. DOI: 10.18572/2686-858X-2020-4-8-7-21.

4. Портер, М. Международная конкуренция: Конкурентные преимущества стран: пер. с англ. / М. Портер; под ред. и с предисл. В. Д. Щетинина. – М.: Междунар. отношения, 1993. – 896 с.

5. Минакир, П. А. Экономическое развитие и социальная динамика на Дальнем Востоке России: сценарный прогноз / П. А. Минакир, А. Г. Исаев, С. Н. Найден // Регионалистика. – 2022. – Т. 9, № 6. – С. 23–36.

References

1. Simchera V. M. (1998) V bezopasnosti li ekonomika sovremennoy Rossii? [Is Modern Russia's Economy Safe?]. In: Bezopasnost' Rossii. Ekonomicheskaya bezopasnost': voprosy realizatsii gosudarstvennoy strategii [Security of Russia. Economic Security: Issues of State Strategy Implementation]. Moscow, MGF Znaniye Publ., pp. 88–102.

2. Kotlyakov V. M., Baklanov P. Y. (Eds.) (2020) Sovremennaya Rossiya: geograficheskoye opisaniye nashogo Otechestva. Dal'niy Vostok [Modern Russia: Geographical Description of Our Motherland. Far East]. Moscow, Paulsen Publ., 464 p.

3. Romanova G. M., Sharafutdinov V. N., Onishchenko Y. V. (2020) O gipoteze novoy paradigmy upravleniya razvitiyem turizma v ramkakh natsional'nogo proyekta «Turizm i industriya gostepriimstva» [On the Hypothesis of a New Paradigm for Managing the Development of Tourism as Part of the National Project “Tourism and Hospitality Industry”]. The Professors' Magazine. Recreation and Tourism Series, vol. 4, no. 8, pp. 7–21. DOI: 10.18572/2686-858X-2020-4-8-7-21

4. Porter M. (1993) Mezhdunarodnaya konkurentsiya [The Competitive Advantage of Nations]. Translation from English by V. D. Shchetinin. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 896 p.

5. Minakir P. A., Isayev A. G., Nayden S. N. (2022) Ekonomicheskoye razvitiye i sotsial'naya dinamika na Dal'nem Vostoke Rossii: stsennyye prognoz [Economic Development and Social Dynamics in the Russian Far East: Scenario Forecast]. Regionalistics, vol. 9, no. 6, pp. 23–36.

G. M. Romanova⁷. Strategizing Tourism and Exhibition and Fair Activities in the Far East Region of Russia.

⁷ Galina M. Romanova, Head of the MGIMO University strategic project “Human resources for the tourism, hospitality and tourist destination development”, Professor at the Department of Tourism, Hospitality and Creative Industries at the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (76 Vernadsky Ave., Moscow, Russia, 19454), Doctor of Economics, Full Professor. E-mail: romanovagalina01@gmail.com.

ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ «ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ»

Общие положения

Редакционная коллегия журнала «Экономическое возрождение России» принимает на рассмотрение статьи по актуальным вопросам базисной и прикладной экономической теории, хозяйственной практики и научной жизни экономического сообщества.

Полученные статьи рецензируются и при положительном заключении редактируются. Редакция не согласовывает с авторами вносимые изменения и сокращения, не затрагивающие принципиальных вопросов.

Материалы пересылаются авторами в редакцию по электронной почте. Заявка на публикацию включает:

1. *Файл, озаглавленный фамилиями авторов на русском языке, содержащий:*

1) сведения об авторах (фамилия, имя, отчество; учёная степень; должность; организация, которую представляет автор, и её адрес (почтовый индекс, страна, город, улица, дом); контактный телефон (с указанием кода города); e-mail);

2) название статьи;

3) аннотацию (150–200 слов);

4) ключевые слова (5–8 слов);

5) текст статьи;

6) библиографический список.

2. *Файл, озаглавленный фамилиями авторов на английском языке, содержащий:*

1) сведения об авторах;

2) название статьи;

3) аннотацию;

4) ключевые слова;

5) транслитерацию библиографического списка (references) с переводом названий источников и изданий (сборников, журналов и т. п.) на английский язык.

Требования к оформлению рукописи

Объём статьи – 25 000...45 000 знаков с пробелами на листе формата А4 с полями по 2,5 см.

Текст набирается через полтора интервала, кегль – 14, гарнитура – *Times New Roman*.

Все страницы рукописи нумеруются.

Каждая *таблица* должна иметь название, *рисунки* – подрисуночную подпись. Уравнения, рисунки и таблицы нумеруются в порядке их упоминания в тексте.

Требования к списку источников

Список должен включать преимущественно научные статьи из рецензируемых научных изданий, монографии, авторефераты диссертаций. **Нормативно-правовые документы, статистические материалы и работы без указания фамилий авторов в список источников не включаются** (при необходимости они упоминаются в тексте статьи или выносятся в постраничную сноску).

Список источников желательно составлять в алфавитном порядке: сначала – русскоязычные, затем – англоязычные. Ссылки делаются по мере упоминания источников в тексте статьи, при этом в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках (например, [2], [2, 3]). При описании статей из журналов или сборников обязательно указываются страницы, на которых помещена статья, например: [2, с. 312]; [3, с. 312–320]. *Имена зарубежных авторов, упоминаемых в тексте статьи, должны быть транслитерированы на русский язык.*

Для всех книжных изданий необходимо указать общее количество страниц. Непубликованные источники в список литературы не включаются. При наличии источников, у которых есть DOI (digital object identifier), его необходимо привести в конце библиографической записи.

При описании электронных ресурсов удалённого доступа (из интернета) после электронного адреса в круглых скобках указывают дату обращения к документу (дата обращения: 01.03.2020). На все приведённые в библиографическом списке источники должны быть ссылки в статье.

References (*транслитерация списка литературы*) к статье оформляется автором *самостоятельно*. Рекомендуется использовать систему на сайте <https://translit.net/>

Требования и примеры оформления транслитерации литературы представлены на сайте журнала «Экономическое возрождение России».

**Рукописи, не соответствующие данным требованиям,
возвращаются авторам!**

Плата за публикацию статей не взимается.
Авторские гонорары редакция не выплачивает.

Приём статей: Редакция журнала «Экономическое возрождение России»
197101, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д.16.
Тел./факс: +7 (812) 313-82-71, e-mail: evr@inir.ru